

Мириада

18+

Колмакова Ирина

Ирина Владимировна Колмакова

Мириада

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69481639

SelfPub; 2023

Аннотация

Вера, взрослая женщина, мать двоих детей, попадает в аварию и погибает. Или нет?.. Дело в том, что настоящее имя Веры – Мириада, и так трагически закончилась лишь одна из жизней ее души. Теперь Мириаде предстоит вернуться на этот свет в теле семнадцатилетней девушки и выполнить наконец задачу, поставленную Источником. Но поймет ли она, для чего ей дана очередная попытка в новом теле? Как бы там ни было, приключения ей гарантированы.

Содержание

В мире душ	4
Западня	12
Побег	89
Рыбалка	145
Подземные приключения	189
Возвращение домой	238

Ирина Колмакова

Мириада

В мире душ

Вера спешила домой. Дул сильный порывистый ветер. С Петербургских улиц после зимы еще не успели убрать песок, который так щедро сыпали в гололед, и теперь пыльная песчаная смесь кружила в воздухе. Пытаясь прикрыть глаза от летящего сора, она подошла к перекрестку – и тут зазвонил телефон.

– Привет, сеструха! – послышался из динамика веселый голос брата. – Отправляешь сегодня деточек к бабушке на дачу?

– Да. Надеюсь, они справятся с моими подростками. Вань, извини, неудобно говорить, давай я тебе перезвоню.

Брат согласился, и она нажала кнопку «отбой». У пешеходного перехода стоял голубой троллейбус. Вера решила, что еще успеет перейти дорогу на зеленый мигающий свет. Она уже прошла перед троллейбусом, когда увидела несущийся прямо на нее на большой скорости черный Нисан. Вера испугалась и инстинктивно сделала несколько шагов назад, но там уже был троллейбус. Он сбил ее с ног, подмял тело под себя, а потом она отключилась.

Когда Вера очнулась, все было как в тумане. Какой-то низкий мужской голос звал ее: «Вставайте! Ну давайте же, поднимайтесь!» Она осторожно встала, боясь, что сильно травмировалась, но на удивление не почувствовала боли. Напротив, во всем теле ощущалась какая-то необычайная легкость.

«Может, это болевой шок», – была ее первая мысль.

Зрение медленно возвращалось. Вера оглядела перекресток, стоящий троллейбус, толпу зевак и... О господи, свое изувеченное тело в луже крови под троллейбусом.

– О боже! Я что, умерла? – воскликнула она. – Но как же так! Этого просто не может быть!..

Она осмотрела себя, но ничего необычного не заметила.

– К сожалению, да, – сказал все тот же голос.

Вера повернулась и увидела невысокого мужчину лет сорока, одетого в бежевую куртку и брюки.

– А кто вы такой? – удивленно спросила Вера.

– Я – ваш сопровождающий. Давайте не будем терять времени и поднимемся наверх, – предложил мужчина, подняв голову к небу.

– Наверх?! – Она проследила за взглядом мужчины, но тут же категорически заявила:

– Нет, я не могу! У меня остались дети, я не могу их бросить!

– Мне очень жаль, но ваше тело раздавил троллейбус, вам просто некуда возвращаться. И давайте посмотрим правде в глаза – дети ваши уже почти взрослые. Вы вырастили их, они

справятся и без вас.

– Нет, я никуда не пойду, – возразила Вера. – Я не понимаю, у меня же есть тело, вот оно, – она показывала на себя. – Я его почти не чувствую, но оно есть!

– Вы просто не представляете себя другой, поэтому видите то, что хотите. То, что привыкли видеть. На самом деле, вы можете принять любую форму. Вот я, встречая вас, принял вид моего любимого учителя. Он был мне очень дорог.

Вера слушала мужчину, пытаясь тем временем ощупать себя. Она ничего не чувствовала. Вернее, какие-то ощущения были, но описать их было сложно.

– Вера, давайте поднимемся наверх и обсудим с начальством сложившуюся ситуацию. Может, оно что-то придумает.

Вера согласилась, хотя и была в полной растерянности. Мужчина обхватил ее сзади руками. Что-то теплое стало постепенно обволакивать ее тело снаружи, словно помещая в некое подобие мешка. Сопровождающий сказал, что на время полета она перестанет видеть и этого не надо пугаться. Вскоре у Веры слегка закружилась голова, как будто они стали вращаться на месте. Затем появилось ощущение невесомости. Она представила себе, как они кружат над землей, а у ее спутника за спиной огромные сильные крылья. И все же ей было страшно. Но больше ее заботило будущее. «Надо, чтобы меня вернули домой. Мне еще рано умирать», – думала Вера. Она с ужасом представила, как будут горевать дети и

муж, когда узнают о ее смерти; как почувствует себя виноватым ее брат. Какое страшное чувство одиночества испытают дочь и сын, когда в самые важные моменты их жизни – окончание школы, поступление в вуз, свадьба, рождение детей – ее не будет рядом. Каким тяжелым камнем эта потеря будет лежать на их сердцах всю жизнь. «Нет! Я должна вернуться. Вот мы же сейчас летим – может, и повернуть время вспять возможно. Я вообще не пойду через этот перекресток, ноги моей тут не будет! Буду очень внимательной и обязательно вернусь домой».

Пока все эти мысли мелькали в сознании Веры, они добрались до места назначения. Тепло стало рассеиваться, к ней вернулось зрение. Вера осмотрелась. Они были в просторной светлой комнате, мебелированной в ее любимом стиле ампир. Он запал ей в душу еще в детстве, когда она впервые увидела его во дворце Екатерины Второй. Но сейчас она была не в состоянии наслаждаться красотами интерьера, лишь отметила, что вокруг уютно. В комнате появился еще один мужчина – немолодой, с проседью на висках.

– О, Верочка, с возвращением домой! – сказал он так, будто был очень давно знаком с ней.

– Здравствуйте! – ответила она, немного смущаясь. – Вы знаете, мне очень надо вернуться обратно. У меня остались дети! Я должна!

Но человек перебил ее:

– Дорогая, мы не можем вернуть тебя обратно.

От этих слов внутри у Веры словно что-то оборвалось и запульсировало, от нее в разные стороны стали разлетаться блестящие голубоватые искры.

– Корсар, пожалуйста, – обратился пожилой человек к Веринуму спутнику, – дай ей нефелады, я не могу смотреть на людские страдания. Это разрывает мне душу!

Корсар подошел к женщине и дунул на нее, осыпая сверкающим порошком. Вера почувствовала легкое покалывание. Вдруг что-то начало пробуждаться в ней. Ощущение было как после долгого кошмарного сна, когда, просыпаясь, ты на мгновение не понимаешь, что случилось, где находишься. Но потом, открывая глаза, осматриваешься и вдруг осознаешь, что это был всего лишь сон. Вспоминаешь, кто ты, где ты и что вообще происходит в твоей жизни.

– О черт, я умерла! – возмущенно произнесла Вера.

– С возвращением, милая! – повторил Корсар.

– Рене, я опять умерла! Да что ж это такое! Третий раз подряд я умираю молодой и не успеваю выполнить задачу, поставленную мне Источником.

– Мириада, мне очень жаль, это ведь вышло не специально, – стал оправдываться Рене.

– Мне от этого не легче. Верните меня назад! – потребовала Вера – Мириада.

– Ты видела свое тело! Его переехал троллейбус. Возвращаться некуда. Разве что в новое. – с сочувствием ответил Рене.

– Давайте новое! – ухватилась за возможность Мириада.

– У нас с этим плохо, – констатировал Рене.

– Есть два варианта, – заговорил Корсар. – Пожилая американка, больная онкологией, но, возможно, с нашей помощью еще протянет лет десять.

– О нет! Я больше сил потрачу на борьбу с болезнью, чем на выполнение своих духовных задач. Да и времени малоვა-то.

– Болезнь тоже воспитывает человеческий дух, – стал возражать Рене, но Мириада перебила его:

– Это не имеет отношения к моей задаче. Болезнь мне здесь не поможет. А какой второй вариант?

– Тоже так себе, – продолжил Корсар. – Семнадцатилетняя девочка Майя, подросток из неблагополучной семьи. Сектантка. Пыталась покончить жизнь самоубийством, сейчас в больнице. Ее душе лучше вернуться домой. Даже если мы дадим ей второй шанс, она в скором времени опять у нас окажется.

– Но проблем там не оберешься, – сказал Рене. – Думаю, ты не справишься, только если – тут он сделал паузу – пойти на хитрость.

– Какую? – спросила Мириада.

– Давай мы пошлем тебя, не стирая память о прошедшей жизни, – предложил Рене.

– Это же нарушение конвенции. И какой в этом смысл? Я не должна помнить свои предыдущие жизни! – возразила

Мириада.

– Нет, ты не поняла. Ты будешь помнить только последнюю жизнь – Верину, таким образом ты как бы продолжишь ее духовный путь развития. – пояснил Рене.

– Где живет эта девушка? – поинтересовалась Мириада.

– В Смоленске, это в семистах километрах от Петербурга. Соблазн вернуться будет невелик. Не накатаешься. – ответил Рене.

– И все же, помня свою прежнюю жизнь, она может жить только ею, – возразил Корсар. – Не обязательно встречаться со своей бывшей семьей, можно просто постоянно думать о ней, прокручивать события прошлого в голове и никак не развиваться в новом теле. Ни к чему не стремиться. Жить по инерции.

– А ведь тоже интересный опыт, согласишься, Корсар? – парировал Рене.

– Задайте мне некую установку, чтобы я не рвалась к семье. Вот как при гипнозе делают: мол, пить алкоголь нельзя, а если выпьешь, то тебя будет тошнить и разболится голова. – вклинилась в их спор Мириада.

– Мы нарушаем столько правил. – заметил Корсар.

– Мы просто чуть отходим от правил в сторону, – поправил Рене. – Что в принципе, в редких случаях, допустимо.

– Хорошо. Установка будет краткой. Чем больше ты будешь думать о своей прошлой семье, тем быстрее их забудешь. Забудешь навсегда. Но немного вспоминать о них

МОЖНО.

Западня

Вера очнулась в больнице. Голова просто раскалывалась, она была туго перевязана бинтами. Казалось, болело все тело, как будто ее троллейбус переехал. Наверно, так оно и было. Она не знала. Вера попробовала поднять руку – и ей это удалось. Она увидела чужую молодую кисть с черным маникюром. Часть лака облезла, некоторые ногти были поломаны, а на большом пальце проступали следы запекшейся крови. Невозможно было поверить, что это ее рука. В висках бешено застучал пульс. Вера закрыла глаза и уснула.

В таком странном болезненном состоянии теперь уже девушка, а не женщина и мать двоих детей, провела больше недели. Медсестры делали ей уколы, перебинтовывали голову и ставили капельницы. Она же ни с кем не разговаривала, ела совсем немного и большую часть времени проводила в забытии. Постоянно хотелось спать. Вера закрывала глаза и представляла себе свой дачный участок, небольшой домик, детей и мужа, занимающихся какими-то своими делами. Она словно наблюдала за ними со стороны и ей становилось чуть легче и спокойнее. Пару раз в больницу к ней приходила какая-то женщина, но Вера не смотрела на нее. Та держала ее за руку, что-то говорила возле кровати утешающим голосом.

Однажды утром Вера проснулась с вопросом: «Интересно, ангелы навещают меня здесь, в больнице, в таком страш-

ном положении? Они же могут сойти с неба на землю. У нас должна быть связь». Она с трудом села на кровати и огляделась. Солнечный свет заливал палату. Одно из окон было приоткрыто и свежий теплый воздух с порывами ветра проникал внутрь. В комнате никого больше не было, здесь недавно вымыли пол. Вера попробовала встать, осторожно спустив одну ногу на пол, но нога не слушалась. Полчаса Вера провела в безуспешных попытках хотя бы привстать, но увы.

За этим занятием ее и застала медсестра. «Батюшки мои, пришла в себя!» – воскликнула она. Медсестра, обхаживая ее, настоятельно советовала сейчас не вставать, потому что ноги отвыкли ходить, пока она лежала без сознания, хотя переломов не было.

Узнав о том, что дочери лучше, мать Майи сразу примчалась в больницу. Грузная полная женщина лет пятидесяти вошла в палату. Она была невысокого роста, с русыми, аккуратно убранными в хвостик волосами. Простые, какие-то даже деревенские черты лица. Вера не хотела с ней общаться. Это был совершенно чужой человек. «Никакая она мне не мать», – звучало в голове у Веры.

И вообще, думая о своем будущем, Вера планировала поступить в университет, жить в общежитии, а затем снять комнату или квартиру и больше не контактировать с семьей Майи. Жизнь в одиночестве ее не пугала. «Детей у меня больше не будет. Дети уже есть – Танечка и Леня. Новые

мне не нужны. Я своих малышей уже вырастила. Посвящу свою жизнь карьере». На вопросы женщины Вера отвечала односложно, твердила, что хочет спать и ей тяжело разговаривать. Мать Майи ничуть не злилась, не раздражалась и беседовала как будто сама с собой. О том, какое хорошее начало мая, какой прекрасный сегодня день, а в больнице все такие приветливые и милые. Надо же, и дочь ее подняли на ноги! Она оставила какой-то пакет с вещами и едой, поцеловала Веру-Майю в щеку и ушла. «Эта женщина даже не подозревает, что ее дочь умерла. У нее больше нет дочери. А вместо нее есть я. – размышляла Вера. – Я ничего не знаю об этой девушке Майе, мне не дали никакой информации. Где она учится, с кем дружит, чем увлекается». Почему-то она была твердо уверена, что ангелы выйдут с ней на связь, будут курировать ее. Вера называла их ангелами, хотя понимала, что на ангелов они похожи меньше всего. В том, как они с ней общались и как выглядели, в их манере держаться не было и намека на божественность. Они не давали оценку ее прошлой жизни, хорошо ли она поступала или плохо, не поучали, как было бы правильно. Но в них она чувствовала сострадание и участие. «Надо же, как интересно устроен мир!» – думала Вера. Раньше она была атеисткой, с возрастом смягчилась в этом вопросе и стала агностиком. Мол, в Бога не верю, но и его существование не отрицаю.

Вере было непросто снова начать ходить, пришлось очень постараться. Несмотря на то, что теперь ей было семнадцать

лет, личный опыт у нее был немалый, и она всю им пользовалась. В прошлом были и порванные связки, и поломанные руки, и тяжелые роды с большой потерей крови. Сейчас Вера регулярно делала физические упражнения, постоянно консультировалась с врачами и даже отказалась от болеутоляющих, чтобы не вызвать привыкание. Персонал больницы поражался маниакальной целеустремленности и терпению пациентки. Главный врач отделения однажды сказал: «Вот! Сразу вижу пациента, который хочет побыстрее вылечиться».

Именно от него Вера узнала, что по причине безответной любви специально прыгнула с мотоцикла на полном ходу. Она ехала за спиной возлюбленного, а потом взяла и соскочила прямо на дорогу. Больше всего досталось голове. Впрочем, Вера это уже и сама поняла. Она старалась не смотреть на свое новое тело. Так было проще. К тому же голова была разбита и перебинтована, ощущался отек в области лица и шеи. Так что ничего хорошего она сейчас все равно в зеркале не увидела бы. «Я, наверное, чудовищно выгляжу».

Чем активнее шло выздоровление, тем больше вспоминала она о прошлой жизни: о детях, муже, маме. «Как они там? Им, наверное, так плохо. А я даже не могу узнать, что происходит в моей семье. А если просто позвонить им по телефону?» – возникла идея у Веры. Тут в ее голове всплыли слова ангелов, что она не должна больше интересоваться той жизнью и что, чем чаще будет о них вспоминать, тем скорее за-

будет. «Они сотрут мне память, если я не справлюсь со своими желаниями. Нет, мне нельзя звонить!»

В следующем году ее дочка Таня собиралась поступать в университет. А сын Леня, окончив школу, планировал пойти учиться на ветеринара. «У них все получится. Они оправятся от горя утраты к тому времени». – успокаивала себя Вера.

«А на свое новое тело все-таки когда-нибудь придется взглянуть» – думала она. Пока Вера узнала лишь то, что была худенькой, достаточно высокой девушкой с темными волосами, узкими бедрами и небольшой грудью.

Наконец наступил день выписки, и мать Майи приехала за ней в больницу. Вера понимала, что сегодня будет тяжелый день, хочется ей или нет, но какое-то время придется провести в чужой семье. Женщина привезла ей одежду, это были черные туника и джинсы. «Как на похороны! Просто отличный выбор», – с ехидством отметила Вера. Они покинули больницу и сели в автобус. Вера держала в руках пакет с вещами. Никогда раньше она не была в Смоленске. Вера смотрела в окно, разглядывая улицы. В этой части города не было высотных панельных домов, потока машин, суеты. Они проезжали мимо старинных зданий, напоминавших об истории города и его прежних жителей, мимо часто встречающихся зеленых насаждений. Городок казался уютным. Вскоре они вышли из автобуса, и мать спросила, есть ли у Веры силы идти пешком или стоит подождать другого автобуса. Вера ответила, что не против пройтись, о чем очень скоро

сильно пожалела. В отличие от Петербурга, Смоленск – город холмистый. Сначала они спустились под гору, а потом, наоборот, двигались в гору. Ноги сводило судорогами, в голове опять застучал пульс, началось головокружение. «Скорей бы дойти», – размышляла про себя Вера.

Наконец, они добрались до дома, где жила семья Майи. Это было небольшое старое пятиэтажное здание. В подъезде пахло сыростью. Они поднялись на несколько ступенек и очутились возле двери. «Первый этаж, надо же... Никто из моих знакомых не жил на первом этаже», – подумала Вера, разглядывая дверь. Когда они вошли в квартиру, мать Майи забрала у нее пакет, сняла свою куртку и направилась на кухню. «Миша, мы приехали!» – крикнула она. Вера не знала, что делать дальше: где ее комната, и есть ли она у нее вообще. Она растерялась и осталась стоять у двери. Из кухни появился отец семейства. Наполовину лысый мужчина с крупными чертами лица, в белой майке и трениках.

– Ну что, причалила? – сказал он, глядя на нее пренебрежительно. – Сколько жизней у тебя еще осталось?

– Миш, ну кончай шутить, она не кошка тебе, – одернула его мать Майи. – Иди, доченька, полежи, я там у тебя прибралась, только ты не ругайся, уж больно пыльно было.

Женщина приоткрыла дверь в комнату, перед которой и застыла Вера. Затем Вера прошла внутрь и обомлела. Стены были обвешаны плакатами, вырезками из газет и журналов с сатанистской атрибутикой. Несколько больших и ма-

леньких изображений сатаны в виде рогатого человека с поднятой рукой и двумя оттопыренными вверх пальцами, рисунки с непонятными надписями и различными пентаграммами. Лишь одна из них была знакома Вере: большая пятиугольная звезда – главный символ сатанистов. Еще здесь были фотографии живых и мертвых животных и людей. Вера мало знала о таком мировоззрении как сатанизм, разве что по каким-то фильмам. Сама она никогда с ним не сталкивалась и не интересовалась, чем на самом деле занимаются его адепты.

В комнате у стены стоял собранный бежевый двухспальный диван, над которым висела бумажная растяжка с надписью ядовитыми красными буквами: «Зло победит». Вера дошла до дивана и прилегла. Пульс бешено стучал, в голове продолжало гудеть. Хотя она и совершала больничные прогулки по коридорам и каждый день выходила во двор, но все равно оказалась не готова к такой нагрузке, как сегодня – долго идти пешком по городу. Было тяжело дышать.

«Эта девушка еще и сатанистка, – думала Вера. – Вообще замечательно! Кажется, я готова умереть еще раз. Вот сейчас бы закрыть глаза, перестать дышать, пусть мое сердце остановится, и этот кошмар закончится. Зачем меня вообще сюда послали?! Зачем мне жизнь этой странной девицы?» – задавалась она вопросом. – И тут же ее внутренний голос отвечал ей: «Но ты же сама просила вернуть тебя на Землю, ты не хотела умирать». – «Но я хотела жить своей жизнью, –

оправдывалась сама перед собой Вера, – а не этой! Да еще и с такими ограничениями в общении с родными».

Вера лежала, закрыв глаза, сердце потихоньку успокаивалось, возвращаясь к привычному ритму. Она почувствовала запах чего-то жареного, доносившийся из кухни. Видимо, мать Майи сразу принялась готовить. Вскоре Вера узнала этот аромат – это были сырники. И, вероятнее всего, не просто из творога, а из творожной массы.

«Что же мне со всем этим делать? – ломала голову Вера. – Для начала переделаю комнату. Все вынесу на помойку. Потом надо бы узнать, как училась эта девица в школе. Страшно даже представить. Сегодня восьмое мая. Впереди выпускные экзамены. В общем-то, я многое помню из школьной программы, помогала своим детям, да и сама неплохо училась. Так что проблем быть не должно. Но все же кое-что надо будет почитать и вспомнить». Ее размышления прервал звонок в дверь. Мать пошла открывать, и уже через пару секунд дверь Вериней комнаты распахнулась – на пороге стоял мужчина лет тридцати в оранжевой футболке и шортах.

– Ты куда, гадина, спрятала мой клинок? – накинулся он на Веру с ходу.

Та села на диване от неожиданности.

– Давай говори, куда ты сунула мое оружие? – закричал мужчина, подойдя к ней, схватив за плечи и начав трясти. – Кто позволил тебе лазить ко мне в квартиру? Какого черта ты опять ко мне залезла?

– Я... я... я... – удивилась Вера.

Сзади раздался причитающий голос матери:

– Ты, Коленька, не сердись! Она только из больницы. С мотоцикла она слетела, ударилась головой, я же тебе рассказывала давеча, не помнит она ничего. Она и домой-то шла так, будто первый раз эту дорогу видит.

Тут Вера наконец собралась с мыслями и сказала:

– Ну ищите сами! Берите и ищите. Пожалуйста! Можете здесь все перерыть!

После этих слов мужчина подошел к большому черному платяному шкафу напротив дивана, на котором сидела Вера, открыл его и чуть ли ни с головой в него нырнул. С содержимым он особо не церемонился, что-то перекидывал из угла в угол, какие-то вещи швырял на пол. Мать Майи убежала на кухню, там стало пригорать. Вера опять приняла лежачее положение и с интересом разглядывала незнакомца: атлетического телосложения, достаточно высокого роста с темными короткими волосами, торчащими во все стороны. Легкая небритость и квадратная челюсть придавали его лицу мужественности. «Он, наверное, спортом занимается», – предположила она. В конце концов, это не ее шкаф и не ее вещи. «Вот это история! Неужели действительно эта девчонка что-то у него стащила?»

Наконец мужчина извлек из шкафа свой клинок и воскликнул:

– Вот он! Не знает она. Все ты знаешь! – Он потер руко-

ятку ладонями и направился к выходу. – И запомни! Еще раз заберешься ко мне в квартиру – я не посмотрю на твои годы, сниму штаны и всыплю ремня!

С этими словами Николай удалился из комнаты. И тут же к Вере вошла мать Майи.

– Ну что? Опять лазила к Коле на балкон? – спросила она, принявшись подбирать вещи, выпавшие из шкафа. – И ведь сколько раз ему говорила: закрывай дверь, и никто не залезет. Нет же, кот у него, видите ли, на самовыгуле. А ты очухалась, смотрю? Пойдем сырники кушать. Доктор сказал, тебе кальций нужен.

– А кто это был? – поинтересовалась Вера.

– Ох ты, боже мой, как ты ударилась сильно! Неужто соседа нашего не узнала? Николай это, Мамонтов. Не помнишь?

– Так что-то смутно, – ответила Вера, решив, что не очень естественно будет, если она просто скажет, что ничего не помнит и никого не узнает. «Интересно, из какой деревни мать Майи? В какой области она жила? Говор у нее своеобразный. Ведь стопудово она из села приехала. И эта манера держаться... А вот батя непонятно откуда, по нему так сразу и не скажешь, что сельский».

На кухне восседал глава семейства. Он доедал борщ и смотрел крохотный черно-белый телевизор, Вера о таких маленьких телевизорах только слышала. «Полинка! Андрюшка! Кушать!» – вдруг крикнул он, и через минуту на кухне появились двое ребятешек лет семи. Это были двойняшки.

Оба светловолосые, с веснушками на лице. Дети забрались на табуретки, стоящие вокруг стола, мать поставила им тарелки, и они ловко стали накладывать себе сырники, заливая их каким-то вареньем. «Значит, я не единственный ребенок в семье», – отметила Вера про себя.

– Крыса приехала, – сказала девочка на ухо брату.

– Мыбра, – поддержал тот, и они захихикали.

«Какие замечательные отношения у меня с ними. С другой стороны, чего можно ожидать от девочки-сектантки?»

Вера с чувством смирения положила себе в тарелку сырник и полила его странной жидкостью из банки.

– А ты, мам, в деревню летом поедешь? – спросила Вера, решив проверить свою догадку.

– Вот те на! Про деревню она вспомнила! Продали мы дом, забыла? Брату моему двоюродному.

– А-а, ну да! – протянула Вера. – А Николай, наш сосед, он часто к нам ходит?

– Ты уж, дочка, не сердись на него! Это он с горяча трясти тебя начал. Коля – хороший парень, – ответила мать Майи.

– Да уж, скажешь тоже! – вмешался отец. – Мужик он уже давно.

– И не говори. А я помню его мальчонкой совсем, защитник всех угнетенных. Не давал во дворе никого обидеть. Терпеть не мог несправедливости. Как он на Ваську из соседнего подъезда набросился, когда тот девчонкам снеговиков стал ломать! Хотя ему тогда десять годков было, а Ваське-то все

пятнадцать. Ох уж и побил его Васька! А к себе домой не пошел, к нам с бабушкой пришел отмываться от крови да приводить себя в порядок. Мне, говорит, отца да мать жалко. Скрыть хочу, что дрался. Поздний он ребенок у своих родителей. Отец его сорок четвертого года рождения. Еще в Великую Отечественную войну он жил в Смоленске. В двадцать лет Коля без родителей остался. А ты, Майя, не хулигань, и проблем с ним не будет! Он просто так к нам не ходит, хотя я не раз звала.

Рассказ произвел впечатление на Веру, но она считала, что как-то странно для взрослого мужчины так себя вести. Следовало зайти и спокойно поговорить.

Вера осмотрела кухню. Старая полусгнившая рама окна, на подоконнике ряд фиалок, небольшой кухонный гарнитур нелепого оранжевого цвета и старый, похожий на бочонок, холодильник «Витязь». Мать Майи неплохо готовила, что порадовало Веру. Закончив есть, Вера подошла к раковине и принялась мыть посуду. Мать всплеснула руками:

– Ну надо же! Майка посуду моет.

– Надолго ли! – буркнул отец. – А когда перестанет – мы ее еще раз по голове ударим, глядишь опять начнет мыть.

Все засмеялись.

«Дурацкий юмор. Ну и родственнички у меня!» – подумала Вера, обернувшись и обведя взглядом все лица за столом. «Интересно, а почему у меня волосы темные, а у всех остальных – светлые? Может, я у матери от первого брака, а

ребятишки эти от второго? Он, может, и не отец мне вовсе. Надо будет узнать при случае».

Вера очень любила порядок, а в этом доме было не так. Конечно, здесь не было антисанитарии, лишь маленький налет пыли и разбросанные повсюду вещи. Пока остальные члены семьи доедали сырники, Вера прогулялась по квартире. Как выяснилось, она была трехкомнатной и располагалась буквой Г. В самой удаленной от кухни комнате жили двойняшки. У них была самодельная шведская стенка, две кровати, шкаф и пара стеллажей. Смежную с ними комнату занимали родители Майи. Это была самая большая комната в квартире. Вдоль одной из ее стен красовался мебельный гарнитур приятного шоколадного цвета, еще советского производства. У противоположной стены стояли диван-кровать и старое замученное кресло с деревянными подлокотниками. Тут же была развернута гладильная доска с горой белья: видимо, мать Майи собиралась гладить. А Майина комната находилась рядом с кухней. Везде в квартире были цветы. За исключением, естественно, ее комнаты – там царил сатанизм. Общее впечатление от квартиры было негативным. Старая советская обстановка и ощущение того, что люди живут так, как у них сложилось со временем, особо не задумываясь о красоте, гармонии и уюте своего жилья. Несомненно, нужен был ремонт. Особенно в санузле, где со стен местами облезла краска, а их темно-зеленый цвет наводил тоску. Ощущение полной безнадеги.

Вера попросила у матери Майи пакеты, куда планировала сложить весь ненужный хлам из своей комнаты. Та принесла ей кучу пакетов. Для начала Вера сняла со стен все плакаты и фотографии, а растяжку со словами «Зло победит» и вовсе порвала на кусочки. В углу комнаты у окна, рядом с платяным шкафом, лежала куча хлама: какие-то коробки, пакеты и свертки. «Что у нее там?» – задавалась вопросом Вера.

Но сперва решила разобраться с вещами в шкафу. Гардероб у Майи был ужасный. Сплошь черные несуразные вещи. Какой-то странный длинный плащ в пол, кожаная куртка с кучей заклепок и нашивок, множество черных футболок, туник и всевозможных кофт с жуткими рисунками или надписями. Внизу под вешалками лежала пачка вермишели, красные и черные свечи, изрисованная кукла с проткнутым лбом. Вера отнесла вермишель на кухню, все остальное выкинула.

В комнате было очень душно. Вера открыла маленькую створку старого деревянного окна, форточка не спасла бы ситуацию. Мысль о том, что придется ходить во всем черном, Вере не понравилась. Она спросила у матери Майи, нет ли дома еще какой-нибудь одежды для нее. Мать отрицательно покачала головой и добавила, что та давно перешла на черный цвет, и если что и осталось, то будет ей мало. Она предложила свои вещи, но они были слишком большие и откровенно бабские. Телефона у Майи, как оказалось, тоже не было. Мать сказала, что телефон и вещи себе дочь покупала сама, откуда брала деньги не сообщила. «Интернета в доме

отродясь не было", – заявила она напоследок, заметив, что денег едва хватает на еду, ничего нового из одежды купить они не могут. Да и в шкафу полно вещей, зачем покупать?

В общем, разговор вышел непродуктивный. Матери Майи было все равно. «Какое странное отношение к своему ребенку, – размышляла Вера. – Дочка попросила купить самые необходимые вещи, а ей отказывают и, похоже, это никого не волнует. И вообще, как можно в информационный век жить без телефона и интернета? Дичь какая-то!"

Вера вернулась к себе в комнату и опять заглянула в шкаф. «Так, надо подумать, что из этого можно носить. Может, нашивки где-то спороть?» Тут в дверь квартиры кто-то позвонил. «Надеюсь, это не ко мне. Надо было сказать, чтобы никого не пускали», – поздно сообразила Вера.

Мать Майи крикнула из коридора:

– Майка, к тебе Люба пришла!

«Какая еще Люба? Черт, и почему я не предупредила, что меня нет дома. Подруженька небось какая-нибудь. Ладно, может и к лучшему, сейчас попробую узнать что-нибудь про эту сектантку, а потом по-быстрому выпровожу гостью», – заключила про себя Вера. На пороге появилась крашенная блондинка лет семнадцати.

– Привет, Майка! – сказала она, пройдя в комнату.

– Привет! Как узнала, что я дома? – спросила Вера.

– Ой, да все уже знают! – ответила та, оглядывая стены. –

Майя, ты сняла все плакаты? Ты чего – больше не сектантка?

– Решила начать новую жизнь, – уверенно сказала Вера.

– Да ладно! – удивилась Люба, широко раскрыв глаза.

– Ты не знаешь, где мой телефон? – сразу перешла к делу

Вера.

– Ну ты спросила! Мне-то откуда знать? Выронила небось, когда с мотоцикла свалилась. Ты же все время с ним таскалась.

«Действительно. Логично. Как я об этом не подумала! Значит, потеряла ...», – размышляла про себя Вера. От подружки она почти ничего не добилась. Та казалась ей недалекой, говорила на молодежном сленге, который бил Веру по ушам. Она, будучи матерью подростков, была хорошо знакома с ним и понимала, что ей теперь тоже надо использовать его в речи.

Но зато узнав, что Вера собирается выкинуть одежду, Люба готова была ее забрать и предложила продать часть вещей. Ну или, как она выразилась, «загнать за бабки». Эта идея понравилась Вере. Выяснилось, что соседка Любы мечтала о кожаной куртке Майи, той самой, что с заклепками, нашивками и значками со странной символикой. К ней Люба вместе с курткой и отправилась. К удивлению Веры, Люба продала куртку и принесла тысячу рублей. Так что приходила она не зря.

Люба обещала помочь с продажей вещей, а Вера, в свою очередь, разрешила ей забрать любые черные вещи, которые ей нравились. Люба взяла несколько черных кофт и туник и

даже жуткие туфли на высоком каблуке с шипами.

– Они стоят денег, – сказал Люба.

– Ладно, ты же моя подруга. Бери так, – ответила Вера.

Люба аж взвизгнула и обняла ее.

– Ой, ну всё, всё! Прекрати! – заворчала Вера.

– Ну хоть обниматься ты по-прежнему не любишь, – заметила ее подруга.

Девушки стали рассматривать свертки и пакеты, сложенные у окна. Там была коллекция вещей, связанных с сатанизмом и его атрибутикой. В основном безделушки, приобретенные по случаю, но было и несколько дорогих предметов. Откуда у девочки из достаточно бедной семьи взялись такие дорогие коллекционные вещи, Вера даже боялась думать, догадываясь, что скорее всего она их просто украла. Звезда Бафомета, выполненная из серебра и полудрагоценных металлов, была настоящим произведением искусства. Бронзовая статуэтка дьявола отличалась красотой и изяществом изготовления. Если не задумываться, для чего они создавались и чему служат, то и к такому коллекционированию можно было относиться спокойно. Взгляд Веры выхватил кружку-трубку с изображением Мефистофеля в образе черта, нашивки на липучках, монеты с сатаной и даже что-то наподобие иконы сатаны.

Люба делилась своими предположениями, что из этого можно продать, а что и даром никому не нужно. Здесь же Вера нашла коробку с Барби – как далекий привет из дет-

ства Майи, когда та была нормальным ребенком. Наконец, все было пересмотрено, и девушки сели на диван, взяв с собой коробку с куклами. Люба вспоминала, как раньше они с ними играли. Стало понятно, что Майя с Любой дружила давно, возможно с первых классов школы или вообще с самого раннего детства.

Вера разглядывала Любу. Та была забавной девчонкой, довольно несуразно одетой: старая черная водолазка и юбка с цветочным принтом – несочетаемые вещи. Было видно, что общаться с Верой ей нравится. Похоже, Майю она воспринимала такой, какая она есть, со всеми ее прибабахами. Но зачем это общение самой Майе, Вере было непонятно. Люба не сектантка, ценностей взглядов подруги не разделяла. Может, просто привычка, или Майя самоутверждалась за ее счет. В Любе было что-то такое подобострастное: она буквально смотрела подруге в рот и постоянно отвечивала комплименты. Вдруг во время разговора в створке окна появилась маленькая детская ручка, которая положила какой-то конверт на подоконник. «Слуги дьявола», – прозвучал мальчишеский голос и исчез.

– Что это? – спросила Вера.

– Это от сатанистов. Они всегда так передают свои задания. Ты что, не помнишь? – удивилась Люба.

– Как-то смутно, – неуверенно ответила Вера, подошла к окну, взяла конверт и разорвала его.

– Что, даже не прочтешь? – забеспокоилась Люба.

– Я в секте больше не состою, – равнодушно ответила Вера.

– Не боишься, что преследовать станут? – испуганно спросила Люба.

– Походят – походят, да и отстанут, – хмуро ответила Вера.

Вечером Вера собралась принять душ. Еще днем она краем глаза заметила, что в ванной комнате висит большое прямоугольное зеркало. В больнице же зеркал толком не было, так что даже случайно увидеть себя она не могла. А теперь предстояло познакомиться со своим лицом – с телом она уже невольно познакомилась. Вера решила посмотреть на себя в зеркало после душа. Она намеренно опускала глаза, пока раскладывала вещи и забиралась в ванну. Волосы у нее были страшно грязные, со следами запекшейся крови. Там, где шрам, она мыла особенно аккуратно. Швы уже сняли, но все равно рубчики остались, и Вера ощупывала их. По большому счету, ей было все равно, как она выглядит. Нет, конечно, быть уродиной ей не хотелось, но и в прошлой жизни она не была красавицей, так – обычной девчонкой. Зато ей повезло с родителями, она выросла в любви в благополучной семье с достатком, где все заботились друг о друге.

Наконец, вымывшись и вытершись, Вера посмотрела в зеркало. Тонкие черты лица, маленький нос, большие серые глаза, выразительные скулы.

– Ну, вроде ничего! Сойдет, – сказала она вслух.

Лицо в зеркале ей понравилось. «Надо признать, у Майи внешность более интересная, чем у меня, она выразительнее, что ли», – продолжила рассуждать про себя Вера. Девушка покрутила головой в разные стороны, взглянула на слипшиеся мокрые волосы и подумала, что ей больше подошли бы светлые тона, а не темные. А главное – хорошо бы вообще сменить внешность: прическу, цвет волос и стиль одежды, тогда многие перестанут ее узнавать. Старые сектантские знакомства ей были не нужны. «Надо сходить в парикмахерскую и перекраситься», – заключила Вера.

На следующий день мать Майи принесла старый разбитый смартфон, который ей отдали знакомые. Он быстро разрядился, а иногда и вовсе зависал, но все же работал. На вырученные от продажи куртки деньги Вера купила себе симку и пополнила счет на телефоне. Смоляне праздновали девятое мая. На улице играла музыка, люди с цветами шли в центр города. На обратном пути на лестничной площадке Вера встретила Николая. Он стоял, облокотившись на перила, и курил. Заметив проходящую мимо Веру, Николай враждебно посмотрел на нее, буркнул себе под нос какое-то ругательство и сбросил пепел на пол. Вера сделала вид, что ничего не слышит.

Было не очень приятно, но радость от скорого выхода в интернет затмила всё. Она зашла на любимые сайты, и на мгновение ей показалось, что она вернулась к своей прошлой жизни. Очень хотелось посетить странички своих де-

тей в социальных сетях, но она решила не делать этого. Ей будет очень тяжело смотреть на них. А не дай бог еще на аватарке увидит свечу скорби. Это выбьет ее из колеи, и она вообще не сможет ничем заниматься. «Ничего нового там все равно нет, – успокаивала себя Вера. – Позже я обязательно зайду и даже попрошусь в друзья или просто подпишусь. Буду смотреть и знать, что у них происходит. В этом ведь нет ничего такого. Я же не контактирую с ними на прямую».

Вера загуглила, какие вузы есть в Смоленске по ее специальности – теплоэнергетике – и сколько баллов ЕГЭ надо набрать, чтобы поступить. Она нашла лишь одно заведение – Смоленский филиал Национального исследовательского университета МЭИ. Странно, что мать Майи ни разу не напомнила ей про учебу и экзамены. Вера обследовала письменный стол Майи, на котором стоял старенький ноутбук, но никаких тетрадок и учебников не было. Она спросила об этом у матери Майи, и та сказала, что учебники сдала в библиотеку еще в мае, а тетрадки она, наверное, просто не вела. На вопрос, какие дополнительные предметы ЕГЭ она должна сдавать, мать Майи усмехнулась и ответила, что она не собиралась сдавать экзамены, ведь списать на них почти нереально. Учителя для отчетности вписали в школьные документы какие-то два предмета. Вера поняла, что придется сходить в школу самой, а пока она не очень хорошо себя чувствует, можно порешать варианты экзаменационных работ.

Вечером, приблизительно в то же время, что и накануне,

на подоконник подбросили еще один конверт от сатанистов. Вера обошлась с ним также, как и с предыдущим – порвала и выкинула в мусор.

В течение недели к Вере навевались разные ребята, девушки и парни, но она уже предупредила мать Майи, чтобы та всем говорила, что ее нет дома. Мать так и поступала, только Любу почему-то всегда пускала, хотя эта просьба распространялась и на нее. «Почему так?» – недоумевала Вера, но не стала ссориться. Возможно, мать не могла отказать Любе, потому что та была давней подругой Майи и матери не хотелось, чтобы дочь теряла последних друзей. Люба приходила каждый день часа на два. Сидела на диване как деталь интерьера, но все время что-то рассказывала. Вера занималась своими делами, лишь иногда вступала в диалог. Так она выяснила, что Люба училась на парикмахера, а родителей Майи зовут Анна Павловна и Михаил Валерьянович.

Однажды Вера предложила Любе прогуляться, надеясь, что та познакомит ее с городом и покажет интересные места. Люба обрадовалась. Накануне Вера почитала про историю города, про главную достопримечательность – старинную крепость, ее осаду литовцами, поляками и французами, про бои времен Великой Отечественной войны. Вере хотелось пойти к ней. Стоял теплый майский день. Люба довела подругу до крепостной стены, петляя через дворы. Вера пыталась запомнить дорогу, но все равно сбилась. Правда, она отвлекалась на дома, здесь были как старые пятиэтаж-

ки, типа той, где жила Майина семья, так и небольшие частные домики, среди них располагались и две гостиницы. Вокруг росло много деревьев, на клумбах начинали раскрываться бутоны разноцветных тюльпанов, а дорога, по которой шли девушки, неуклонно вела вверх, отчего ноги у Веры очень быстро устали. К этой особенности холмистого города ей еще предстояло привыкнуть.

Смоленск – один из тех приграничных городов России, который во время военных конфликтов первым принимал на себя удар, сдерживая врага от проникновения вглубь страны. Вера с интересом разглядывала крепость. Это была одна из самых больших крепостей в стране. Длина крепостной стены составляла шесть с половиной километров. Но французы ее частично разбомбили, и к сегодняшнему дню сохранилось лишь три с половиной километра. Смоленская крепость пребывала в запущенном состоянии, лишь в одной из восемнадцати башен создали музей, и оттуда можно было посмотреть на город с высоты птичьего полета.

Подруги прогуливались вдоль крепостной стены – от башни к башне. Проход внутрь башен был открыт, но Вера не решалась туда заходить. На земле валялось много мусора: бутылки, пакеты из-под сока и пустые пачки сигарет, разные бытовые отходы, палки, деревяшки и камни, которые осыпались со стен башни. Это конечно, пугало больше всего, не хотелось, чтобы на голову что-то упало. Да и запах там стоял соответствующий, но в окошки башен Вера заглядывала

с интересом. В памяти всплывали картины прочитанных ею исторических событий. Вера проникалась героической атмосферой старинной крепости. Когда девушки вышли к самой заброшенной части крепостной стены, Вера завела разговор:

– Ко мне приходил Николай, мой сосед. Спрашивал про какой-то клинок. Говорил, что я украла его.

– Он у тебя в шкафу в полотенце завернут. Ты мне хваталась, показывала его, – уточнила Люба.

– Да, я знаю. Уже отдала, – соврала Вера. – А зачем мне клинок понадобился?

– Это задание хмыря, главного среди ваших сатанистов. Дениска письмо принес.

– Какой еще Дениска? – удивилась Вера.

– Ну помнишь пацана, который кинул тебе конверт на подоконник? Так вот, это Дениска – Митькин брат, – ответила Люба. Про то, кто такой Митька, Вера не стала спрашивать.

– А-а-а. А ему-то зачем? – с сомнением спросила Вера.

– Для ритуала. Это оружие должно было стать... ну как это, блин, слово забыла. Во! Вспомнила! Жертвоприношением для Сатаны, – объясняла Люба.

– Оружие как жертвоприношение? – изумилась Вера. – А ты ничего не путаешь?

– Ты сама так говорила, – уверяла Люба.

– Просто в качестве жертвы обычно выбирают животных или, если вспомнить античные времена, например, языче-

ство, то людей. Но оружие? Предметы никогда не приносили в жертву. Они служили в качестве подарка. Фрукты, овощи, какие-то красивые вещи и, возможно, оружие, – пояснила Вера.

– Нет. Ты говорила, что для проведения обряда им нужно оружие, которым убивали людей. Предмет, омытый кровью. А что такое язычество?

– Здравствуйте, приехали! – сказала с возмущением Вера. – Люба, ты в школе училась?

– Училась! Хотя и до девятого класса, но получше тебя, и мама меня за ручку в школу не водила, – ответила обиженно Люба и испуганно посмотрела на подругу, как будто ожидая, что та ее ударит.

Тут Вера сообразила расспросить Любу про школу и узнала, что училась Майя всегда плохо. Класса до седьмого еще кое-как вытягивала, а потом стала прогуливать, нашла себе новых друзей. Сначала рокеров, потом металлистов, затем готов и, наконец, сектантов-сатанистов. А вот так вместе они не гуляли очень давно. Чтобы без выпивки и странных заданий: то закопай что-нибудь, то найди что-то или проследи за кем-то. И выгнали бы ее давным-давно из школы, да директриса дружила с матерью Майи много лет. Они были из одной деревни и жили в соседних домах. А пять лет назад мать Майи спасла ее сына от угара в доме. Он с друзьями приехал на майские праздники. Дом открыл, затопил печку и то ли заболтался с ребятами, то ли просто забыл, слишком

рано закрыл заслонку, но еще не весь угарный газ выветрился из дома. Вечером друзья уехали обратно в город, а он лег спать. Анна Павловна решила с утра проведать Ваню: мало ли, чего могло случиться, накануне ребята гуляли допоздна. И увидела Ваньку уже посиневшим. Вытащила его на свежий воздух, долго отпаивала водой, рвало его до обеда. Слух у Вани пропал до самого вечера, но потом оклемался, и с тех пор директриса была очень благодарна Анне Павловне.

Когда Майя закончила девятый класс с кучей троек в аттестате, мать Майи очень просила оставить дочь в школе. Говорила, что та совсем опустится, если не будет ходить в школу, эти проклятые сектанты и так заморочили ей голову. Дальше учиться Майя не хочет, будет шляться по дворам, еще в беду какую попадет. Да и в колледже никто с ней сюсюкаться не будет. А так она лично Майю в школу утром приведет и, глядишь, сколько-то уроков девочка просидит. На том и договорились.

Анна Павловна приводила дочь в школу буквально за руку, но уже после четвертого-пятого урока Майя сбегала, а на тех, что была, толком не занималась, сидела в телефоне или что-то рисовала. Учителя боялись ее трогать и просто не обращали внимания.

Постепенно вещи Майи продавались, и занималась этим исключительно Люба. Вера не представляла себе, кому может понадобится звезда Бафомета, а вступать в контакт со старыми знакомыми Майи ей не хотелось. В общем-то, мож-

но было дать объявление на «Авито», и покупатели нашлись бы, но раз Люба взяла это на себя, пусть и продолжает. Подруга лично встречалась с покупателями, показывала вещи, торговалась. Так у Веры скопилась небольшая сумма.

Вспомнив о своем желании покрасить волосы в другой цвет, чтобы стать неузнаваемой для старых знакомых Майи, Вера обратилась к подруге за помощью, ведь та училась на парикмахера. «Обратно в светлый перекрашиваешься? Это правильно. Столько денег угрохать на то, чтобы быть темной, когда от природы волосы светлые, – говорила Люба по телефону. – Только вот так сразу в платиновый блонд не надо. Это будет удар по волосам, давай осветляться потихоньку». Вера немного поныла, что очень хочет беленькие волосы, и они сошлись на медово-золотистом цвете.

Прикупив пару новых вещичек в магазине и выведав у подруги подробности об учителях, Вера, наконец, собралась сходить в школу. Белая блузка, джинсы и светлые волосы, собранные в кичку. Резинку для кички Вера нашла в закромах у матери Майи. Эффекта она достигла: ни на улице, ни в помещениях школы ее действительно никто не узнал. Майя шла по опустевшим после уроков школьным коридорам и будто возвращалась в свое детство, представляя себе, как еще пару часов назад здесь было суетно и шумно. Интерьер тут был с одной стороны попроще, чем в той же петербургской школе, где учились ее дети, а с другой стороны уютнее и теплее.

Она не собиралась посещать занятия в школе. Да и оставалось учиться всего неделю. Если будут претензии со стороны учителей, она сошлется на плохое самочувствие.

Вера пришла к классному руководителю. Та вопросительно посмотрела на нее и не сразу, но узнала.

– Вавилова?! Ты ли это? – удивилась учительница.

– Здравствуйте, Татьяна Николаевна! Я недавно выписалась из больницы, много думала о своей жизни и решила, что пора что-то менять. Я вышла из секты, я теперь больше не сатанистка, – сообщила Вера, проведя по своей белой блузке рукой как бы в подтверждение своих слов: мол, смотрите, я не в черной как смоль одежде. – Хочу завести новых друзей и ...

Тут учительница прервала ее:

– А от меня-то что нужно, Вавилова? – спросила учительница, иронически вздернув брови.

– Я собираюсь сдавать экзамены, – сказала Вера. Она понимала, что всё это звучит глупо и по-детски, но как сделать по-другому не знала. Все-таки для всех вокруг она еще ребенок, и, может, ей это простят.

– Ты много прогуливала. У тебя нет аттестации аж по трем предметам: физике, химии и математике, остальные учителя сжалились и поставили тройки. Хотя ты их, конечно, не заслужила, – здесь учительница встала из-за стола. – Ты вообще камень на моей шее. И все благодаря знакомству твоей мамы и нашего директора. Я так рада, что мы расстаемся в

этом году!

– А что надо сделать, чтобы получить аттестацию? – поинтересовалась Вера в ближайшую сделанную учителем паузу.

– Для этого надо написать тестовые работы, – ответила учительница.

– Я готова.

– Вавилова, иди домой! Ты ничего не знаешь и не сможешь это сделать. Одного желания недостаточно! Это абсолютно бесполезное занятие, ты только потратишь наше время, а нам есть чем заняться, – раздраженно сказала учительница.

– Я ...

– Домой!!! – отрезала Татьяна Николаевна.

Вера ушла ни с чем. С одной стороны, она понимала позицию учительницы. Девочка была двоечницей и грубиянкой, порядком надоела им за эти годы. Они терпели ее только по просьбе директора. С другой, она считала в корне неправильным держать такую ученицу в школе, несмотря на страшную неуспеваемость и безобразное поведение. Некоторые дети изо всех сил стараются, чтобы получить более высокую оценку по предмету, а таким, как Майя, все достается даром, по знакомству.

«Надо идти ва-банк, – думала она. – Эти тетki устроили здесь бардак, разрешили девушке просто числиться, а не заниматься, и теперь они за это поплатятся!» Для начала Вера пошла к завучу. Там она озвучила свои намерения и до-

бавила, что если ей не позволят пройти аттестацию, то она обратится в суд, где скажет, что на нее, несчастненькую после болезни, просто не хотят тратить время. Вера понимала, что рассказать правду они не осмелятся. Тут же появилась директор, они с завучем стали перешептываться, покачивая головами. Вера расслышала лишь одну оброненную директором фразу: «Она не сможет сдать ни один из этих предметов. Дайте ей возможность написать тесты». Вере назначили день сдачи первого предмета – математики.

– А не слишком поздно? – спросила Вера у завуча. – Мне ведь еще и другие экзамены надо успеть сдать. Не по два же за день! Мне надо в первую волну ЕГЭ успеть.

При этих словах завуч закатила глаза.

Со школой было улажено, если это так можно назвать. Вера возвращалась домой раздосадованная. «Разговаривают со мной как с дурочкой. Я говорю нормальные вещи, а они меня вообще не воспринимают. Но не могу же я все время строить из себя ребенка!» Во дворе сосед Николай занимался своей машиной – черным BMW. Он окинул Веру взглядом с ног до головы и спросил:

– Думаешь, если перекрасишь волосы и оденешься по-нормальному, то станешь другим человеком?

– Думаешь, твои замечания кого-то волнуют? – огрызнулась и так расстроенная Вера.

– Сука, – прошипел он ей в спину.

– Кобель, – парировала она и зашла в подъезд. – Господи,

он-то меня за что так ненавидит! Глаза б мои его не видели!

Вера поднялась в квартиру. Дома Анна Павловна собирала большую тряпичную сумку. В ней уже лежали полотенца, пакет с помидорами и вареными яйцами. Рядом крутились Полина и Андрей. При появлении старшей сестры они, как всегда, поспешили уйти. Мать Майи сказала, что они идут на пляж, на озеро в Дубровенку, и предложила дочери присоединиться.

– Я не знаю, где мой купальник, – грустно произнесла Вера, опустив глаза.

Анна Павловна даже как-то встревожилась. Судя по всему, она редко видела дочь в таком состоянии. Как говорила Люба, Майя чаще всего была либо злая и раздраженная, либо довольная, но никак не грустная.

– Да он же у меня в комнате лежит! – воскликнула Анна Павловна и, сходяв за ним, принесла черный раздельный купальник с изображением пауков.

Вера решила, что погрузить на берегу озера сейчас будет самое то – одной оставаться ей не хотелось. Она боялась, что опять погрузится мыслями в прошлую жизнь. Лучше посмотреть на водную гладь, посидеть в сторонке от своей новой семьи. Она согласилась поехать, быстро переоделась, и они вместе вышли на улицу.

Николай, завидев мать Майи с сумками, спросил:

– Куда собрались, Анна Павловна?

– На озеро, в Дубровенку, – ответила она.

– О! И я туда же. Давайте подвезу? – предложил Николай.

– Как хорошо, соседushка! – обрадовалась Анна Павловна, направляясь в его сторону. Вера расстроилась: кто бы подумал, что придется ехать с этим грубияном, но отказывать матери было уже поздно. Она растерянно осталась стоять у подъезда.

– А Майка что, с вами? – поинтересовался нахмурившись Николай, смотря на сиротливо стоящую Веру.

– В кои-то веки с нами, – подтвердила Анна Павловна.

Николай, глянув на Веру исподлобья, отрезал:

– Эту я не повезу. Пусть сама добирается.

Анна Павловна тяжело вздохнула, будто уже заранее смирившись; сняла с себя красную панамку, надела на Веру и объяснила, на какой автобус и где надо сесть, чтобы добраться до озера. Двойняшки, хихикая, юркнули на заднее сиденье машины, а Николай открыл багажник, чтобы положить туда сумку. И всё же Анна Павловна зашептала Вере на ухо:

– Попроси у Коли прощения, и он возьмет тебя.

– За что? Я не обижала его, – тихо возмущалась Вера в ответ.

– Ну хотя бы попроси его взять тебя? Коля – добрый, не откажет. Посмотри на него, он хочет, чтобы ты попросила его, – настаивала Анна Павловна.

– Нет. Я не буду, – ответила Вера и, не дожидаясь их отъезда, пошла на остановку.

Ей было все равно, взяли ее с собой или нет. Внутри она

ощущала опустошение. С одной стороны, она неплохо вписалась в новый мир, налаживая разрушенную жизнь Майи. Но с другой – ее ничего здесь не радовало. Она скучала по мужу и детям. По спокойной и размеренной прошлой жизни, которую было невозможно вернуть. Вера вдруг вспомнила, как пять лет назад умерла ее бабушка, и она зимой поехала к ней в деревню на похороны. Как на следующий день ей захотелось просто идти куда глаза глядят и ни о чем не думать. Вера отправилась в ближайший город, находившийся в пяти километрах, пешком, по накатанной, но все же заснеженной дороге. Она шла и шла, и с каждым километром ей становилось легче. Размеренное движение на природе облегчило душевную боль. Вот и сейчас опустошенная изнутри Вера, ни о чем не думая, шла на остановку автобуса. Она наметила цель и двигалась к ней. Добиралась Вера тяжело, свободного сидячего места в автобусе ей не досталось, солнце пекло и было очень жарко.

Спустя час она приехала на место и направилась по дороге к озеру и дальше, вдоль берега. Вера вдыхала запах травы и свежей хвои, приятный влажно-илистый аромат лесного озера, местами достаточно сильно заросшего кувшинками. Желающих отдохнуть у воды собралось достаточно много. Здесь бегали ребятишки, весело смеясь и играя в какие-то свои, только им понятные игры; сидели на маленьких полотенчиках молодые люди, а в тени кустов расположились на стульчиках старушки. Вода в озере была темной, а на проти-

вположном берегу рос густой смешанный лес.

Через некоторое время Вера увидела Анну Павловну на старом покрывале в ярко рыжем купальнике. Дети что-то строили из песка возле воды. Неподалеку Николай установил мангал и раскладной столик и готовился жарить шашлык. «И что он тут делает, он же собирался их только подвезти до озера. Неужели решили вместе отдохнуть?» – негодовала Вера. Она нарочито не смотрела в сторону Николая, оставила свою сумочку возле матери и пошла потрогать воду. Хотя и была июльская жара, нехарактерная для мая месяца, вода еще не успела прогреться и была холодной. Купаться Вера не осмелилась, но надела купальник и пристроилась неподалеку от Анны Павловны, которая уже всю организацию вела самодельный стол, непрерывно болтая с Николаем. Вера сидела, поджав ноги, трогала песок руками, просеивая его сквозь пальцы, изучала природу, наблюдала за людьми.

Вскоре мать Майи позвала ее за стол:

– Майка, пошли кушать! Шашлык готов!

– Я тут побуду. Спасибо! Я сыта, – крикнула Вера. Она, конечно, поела бы шашлык, он него исходил такой аромат, но не представляла себе, как она будет сидеть и есть рядом с Николаем после сегодняшней стычки. Он обозвал ее сукой, хотя она ничего ему не сделала. «Есть с ним за одним столом – совсем не уважать себя» – заключила про себе Вера. Вскоре Анна Павловна подошла к ней.

– Ну что ты? Обиделась на Николая? Он не против, чтобы

ты пришла, – касаясь ее плеча, сказала Анна Павловна.

– Я хочу побыть одна и нет настроения есть мясо. Принеси мне, пожалуйста, помидор и кусочек хлеба. – Анна Павловна исполнила ее просьбу.

После того как Полина и Андрей поели, они расположились сзади Веры, где затеяли какую-то игру и заодно кидались песком в ее в спину, но по голове ей не попадало, а на остальное она решила не обращать внимания. Впрочем, Анна Павловна периодически их одергивала, но это мало помогало. Это были до странности развязные дети. Видимо, родители не особо занимались их воспитанием, так что чего уж тут удивляться, что они такими выросли. А старшую дочь так совсем потеряли. Мало быть просто доброй матерью, чтобы вырастить нормальных детей. Вера это по себе знала. А Анна Павловна, похоже, была как раз из тех, кто только и может, что накормить и одеть, а все другое ее не волновало. Верины рассуждения прервал Николай, он принес ей шампур с сочным ароматным мясом.

– Бери, ешь, – предложил он сухо.

– Спасибо! Я не хочу, – уперлась она.

– Что это с тобой происходит? Что это за театр? С каких это пор ты такая вежливая стала? – хмуро спросил Николай.

– С тех пор, как ударилась головой, – резко ответила Вера и отвернулась.

«Что я еще могу сказать!» – думала она про себя. Вера представила, как объясняет им: «Извините, Майя умерла, а

я другой человек, просто пользуюсь ее телом». Или повторяет ту дурь, которую она вещала в школе учителям про то, что решила начать новую жизнь и стать хорошей девочкой. Глупее не придумаешь, а так по крайней мере она сказала правду».

– Ты правда все позабывала? – чуть смягчил в голосе Николай.

– Да. У меня с этим проблемы. Про сектантскую жизнь вообще ничего не помню. Люди какие-то ходят ко мне, что-то все время хотят, письма пишут, а я вообще не понимаю, о чем речь.

Анна Павловна позвала Николая, и он отошел. Позже он все же настоял, чтобы Майя присоединилась к их застолью. Вскоре подъехал его друг Анатолий. С момента разговора с Верой Николай все время наблюдал за ней: слушал, что она говорила, следил, как держала себя. Веру это немного смущало. А его друг все травил байки из жизни:

– Я как-то пригласил на свидание девушку, с которой познакомился в интернете. На встречу пришла стройная худенькая блондинка. Ну ничего такая девчонка, приятная. Мы погуляли в Лопатинском саду, потом зашли в кафе, и в конце встречи я предложил подвезти ее до дома. А в этот день был день города, много туристов и просто отдыхающих смолян. Я припарковал машину в одном из дворов рядом с центром. И вот мы стоим с ней у машины, я как джентльмен открываю переднюю дверь автомобиля – и тут со сторо-

ны детской площадки от местной ребятни прилетает баскетбольный мяч и попадает прямо в лицо моей новой знакомой. При этом у нее выпадает верхняя челюсть.

– Как это? – заливаясь от смеха, спрашивает Анна Павловна.

– Протез, наверное? – спрашивает хохоча Николай.

– Да. Это был протез. Я в шоке, такая молодая девушка, а уже без зубов. Ну, думаю, ладно! С кем не бывает, – шутит Анатолий. – Протез падает прямо под мои ноги. Она нагибается, подбирает его, и когда поднимает голову, то цепляется своими волосами за пуговицу моей джинсовой куртки. Она резко дергает головой – и тут с нее слетает парик.

– Ой, не могу! – смеется Анна Павловна аж сгибаясь.

– Ха-ха-ха! – вторит ей Николай.

Вера тихо хихикает себе под нос, представляя себе эту картину.

– Я просто в ступоре, – продолжает Анатолий. – Она смущается, извиняется и все такое, а я спрашиваю ее: «Слушай, скажи мне сразу, что у тебя не свое?»

– Предоставьте мне, пожалуйста, список, – добавляет Николай под общий хохот.

– Короче, стремная какая-то девчонка, не стал с ней больше встречаться, – говорил Анатолий. – А вы как думаете, девушка, правильно я поступил? – спросил Анатолий, обращаясь к Вере.

– Вам виднее, – пыталась отшутиться Вера.

– Нет, ну а вообще! Вот что самое страшное для женщины? – продолжал Анатолий.

– Толь, где ты там женщину увидел? – смеясь спросил Николай, переводя взгляд с Веры на друга и обратно.

– Подожди, Николай, дай послушать юную леди! Интересно же, как молодежь размышляет, – одернул Анатолий друга. – Вот по серьезному если, как ты, Майя, считаешь, что самое страшное в жизни для женщины?

– Потерять своего ребенка, – отвечает Вера. – Если по серьезному. – добавляет она. Тут все замолчали и задумались.

– Да. Правильно Майка говорит, наши дети – наше всё, – сказала Анна Павловна.

– Надо же! – отвечает Анатолий, переводя взгляд с Веры на Николая. – Девочка-то совсем выросла.

Николай пристально посмотрел на Веру. В этот момент к ним подбежали Полина с Андреем, которые всё это время бегали вдоль берега, и стали выпрашивать у Анатолия удочку, лежавшую у него в багажнике. Дети где-то раздобыли червей и решили попробовать ловить рыбу. Устав от пристального взгляда Николая, Вера решила присоединиться к ребятам. Она села неподалеку от них и просто наблюдала за происходящей рыбалкой. У детей не получалось ничего поймать. Их червей съедали маленькие рыбки. Когда у Андрея в очередной раз заклевало, и он собрался было тащить удочку из воды, Вера остановила его, сказав, что слишком рано, что подсекать надо на третью поклевку и делать это следует рез-

ко. Когда поплавок дернулся во второй раз, Андрей застыл от нетерпения. Вера объяснила, что, когдаловишь рыбу, шуметь нельзя. Рыба не дура и человека боится. На третью поклевку Андрей потянул удочку вверх – на крючке висел маленький окушок. Дети очень обрадовались улову. Полина побежала с рыбкой к маме. Анна Павловна стала ахать и нахваливать ребяташек.

Еще пару часов Вера провела рядом с детьми. Увидев, как Андрей неправильно надевал червя, она продемонстрировала ему, как это делать. Как ни странно, дети не огрызались и слушали ее. Вера устроила им маленький ликбез на тему «как правильно ловить рыбу». Как выбирать червя, закидывать удочку в воду, в какие места на озере лучше не кидать и всякие другие тонкости. На Николая все это произвело впечатление. Обратномой они возвращались все вместе на его машине. Перемирие с Николаем было достигнуто. Вера была рада, что он изменил к ней свое отношение. А всё потому, что он увидел в ней Веру, а не Майю, просто не понял этого. А Вера чувствовала себя так, словно выиграла еще один раунд какой-то игры у сатанистки Майи. «Ох, ей бы не понравилось, что я творю в ее теле», – размышляла Вера.

Каждый день Вера по-прежнему получала письма от сектантов. Ей очень хотелось закрыть окно в своей комнате, но там было невыносимо душно, и она предпочла просто не обращать внимания. Люба продолжала пристраивать Майины вещи, и Верина копилочка все пополнялась. Пару раз она

ходила навстречу с покупателями вместе с Любой. В подруге чувствовалась торговая жилка.

Однажды после одной такой вечерней встречи произошла неприятная история. Любе надо было зайти к своей бабушке, живущей в центре, и Вера возвращалась домой одна. Уже подходя к дому, она увидела, как два здоровых двадцатилетних парня напали на мальчишку лет десяти. Они схватили его за грудки и угрожали. Судя по доносившимся словам, мальчуган то ли попал в них мячом, когда играл, то ли они просто нашли повод, чтобы к нему прицепиться. Вера решила не вмешиваться и поскорее позвать кого-нибудь на помощь. Но вокруг как на зло никого не было, улица была совершенно пуста. Она ускорила шаг в сторону ближайшего подъезда, как вдруг услышала отчаянный крик схваченного мальчишки: «Мама!» У Веры внутри всё перевернулось. Голос ребенка напоминал детский голосок ее сына Лени. На какое-то мгновение она представила, что это и есть ее сын, которого она так давно не видела, и тут у Веры сработал материнский инстинкт, она развернулась и бросилась бежать обратно к месту потасовки. Она не представляла себе, как она остановит подонков, напавших на ребенка, но уйти она просто не могла. Она решила ничего не кричать, а неожиданно, как ураган, ворваться в их разборку. Ребятам же даже в голову не пришло, что проходящая мимо девушка решится вступить за маленького пацана. Они стояли спиной к приближающейся Майе, один из парней держал мальчика за во-

лосы, а второй бил ногами по коленям. Вера с разбега со всей силы толкнула в спину парня, удерживающего мальчишку. И несмотря на то, что удар был сильный, тот лишь накренился вперед, но умудрился при этом выпустить волосы ребенка. Мальчик взвизгнул и бросился бежать, а разъярённые ребята повернулись лицом к Вере. Она онемела от страха и стояла, вытаращив на них глаза, сердце колотилось с бешеным ритмом. Один из ребят нанес ей удар в нос. Правда, Вере удалось немного увернуться, но все же по носу ей попали, из него хлынула кровь. Вера упала и подумала, что сейчас они на ней живого места не оставят, как вдруг услышала сзади грозный знакомый мужской голос:

– А ну не троньте девчонку!

– Это Мамонтов, уходим, Серега! – ребята бросились убежать. Николай подошел к Вере и помог ей подняться.

– Ну ты лихая, я смотрю! Разве так можно! Хорошо я мимо проезжал, – сказал возмущенно Николай. Вера, словно оправдываясь, ответила:

– А что еще делать было! – Вера провела рукой по лбу, из ее носа продолжала идти кровь.

– Пойдем-ка, – сказал он, взяв ее под руку, и повел к машине, которую бросил на середине дороги. Он открыл переднюю дверь и велел ей сесть, а сам полез в бардачок за аптечкой.

– Да ладно, я дома, – начала было Вера.

Николай перебил ее:

– Ну вот еще! Не хватало, чтобы ты такая домой заявилась. Мать пожалей, – он достал перекись водорода и вату, сделал две турунды, смочил их в перекиси и засунул ей в обе ноздри, чтобы остановить кровь. – Дыши ртом. Сейчас остановится. Потом вытрешь влажной салфеткой. А я пока припаркую машину на место. – Николай захлопнул дверь автомобиля с ее стороны, обошел машину и сел за руль. – И запомни, Майя, в таких случаях лучше позвать на помощь. Ты же хрупкая девушка, что ты можешь сделать против здоровых парней?

– Я не смогла пройти мимо, – тяжело дыша ответила Вера.

– Я понял, – сказал Николай, подъезжая к подъезду их дома. – Но в следующий раз постарайся взять себя в руки! И, кстати, запиши мой номер телефона на такой случай. – Николай достал визитку из своего портмоне. На ней были написаны его фамилия, имя, отчество и ниже номер телефона. – А с ребятами я разберусь. Они из соседнего двора, не нашенские.

Вскоре кровь у Веры остановилась, она аккуратно вынула турунды из носа и вытерла салфеткой лицо. Николай посмотрел на нее долгим взглядом. В его темно-серых глазах она увидела нечто новое, чего не было раньше.

– Сегодня ты меня удивила! – сказал он.

– Безрассудностью? – спросила Вера.

– Добротой, – ответил Николай. – Ладно, пошли домой! Мать небось уже заждалась тебя.

Они вышли из машины и пошли к подъезду, попрощались на лестничной площадке, и когда она уже переступила порог квартиры, он крикнул ей вслед:

– Номер мой запиши!

Вера не стала рассказывать домашним об уличном происшествии, прошла к себе в комнату и решила в качестве успокоения полистать учебник по математике. «Как раз то, что надо, чтобы остудить голову. Интересно, и как Николай собирается разбираться с этими подонками, морду им бить что ли?» – размышляла про себя Вера.

В назначенный день Вера явилась в школу для сдачи математики. Полная учительница в очках скептически посмотрела на нее, посадила за первую парту прямо перед собой и сказала, что будет внимательно следить за тем, как та выполняет работу. Шансов списать у нее нет. Вера молча выслушала и приступила к решению. Надо отметить, было пару заданий, к которым она не знала как подступиться, поэтому просто пропустила их. Но при этом легко решила задачу повышенной сложности, используя теорию вероятности, которую изучала на первом курсе института. Раза два учительница вставала, подходила к Вере и заглядывала в ее записи. Ее лицо выражало удивление.

– Надо же, ты что-то знаешь!

– Я ведь ходила на уроки, – поясняла Вера.

– Неужели?!

Вера сдала работу, и учительница сразу приступила к про-

верке. Она ставила баллы на ходу, не переставая изумляться количеству правильных решений. Над задачей, в которой Вера использовала теорию вероятности, учительница надолго замерла, потом перевернула лист с решениями и попросила решить эту задачу на доске. Вера записала данные и начала объяснять ход рассуждений.

В какой-то момент учительница поднялась и решительно заговорила:

– Ты не Майя! Она ничего этого не знает и не умеет. Она проучилась у меня не один год, и я ее прекрасно знаю. Хитрый, злобный взгляд и грубая речь! Ты и ведешь себя совсем иначе. Ну-ка признайся, ты ее сестра-близняшка? Или просто двойник?

Вера сделала вид, что не понимает, о чем та говорит.

Учительница вышла из класса и пропала на полчаса. Как позже выяснилось, она звонила Анне Павловне, чтобы убедиться, что у Майи нет сестры-близнеца. Вернулась она с завучем и классным руководителем.

– Нет, Анфиса Леонидовна! Что вы такое говорите?! Как это не она?! Посмотрите, вылитая Майя Вавилова! – с такими словами завуч прошла в класс. – Может, девочка действительно дополнительно занималась. А может, у нее открылись сверхспособности после аварии? В это я еще могу как-то поверить, но чтобы не она?.. Это в голове не укладывается!

Классная руководительница вспомнила, что Майя часто посещала медицинский пункт, и предложила отвести девуш-

ку к медсестре. Анфиса Леонидовна и завуч согласились, и все вместе они спустились в медицинский кабинет. Там они поделились своими сомнениями с медсестрой. Та сначала рассмеялась, но увидев недовольные лица учителей, попросила Веру оголить левую стопу. Вера удивилась, но сняла кроссовку. Медсестра пояснила, что полгода назад Майе удаляли пяточную шпору, и там остался шрам. Она тогда еще заметила, что зашили неаккуратно. И вообще, Майю она знает хорошо, та частенько ходила к ней за освобождением от уроков: то, видите ли, голова у нее болит или зубы, то давление скачет или женские дни. После осмотра медсестра подтвердила, что сомнений быть не может – это Майя. Завуч пожалала плечами и сказала учительнице математики аттестовать Майю по ее предмету. Анфиса Леонидовна только покачала головой и молча вышла из кабинета.

Вере назначили даты, когда можно будет написать физику и химию. Получалось так, что каждый день она будет сдавать какой-то предмет. Этого-то и боялась Вера: ни одного дня для отдыха, туго ей придется.

Она благополучно со всем справилась, хотя уже старалась не переусердствовать, выполняя задания. Сомнения Анфисы Леонидовны произвели на нее впечатление. Надо же – никто ничего не заподозрил, кроме этой учительницы. Ни мать, ни отец, ни Николай; впрочем, с ним она мало общалась. Даже подруга не усомнились, кто перед ними. Люба, конечно, умом не блистала, и в этом Вере тоже подфартило.

Теперь оставалось ждать сдачи ЕГЭ. А пока можно немного расслабиться. Анна Павловна была сама не своя от счастья. Лезла к дочери целоваться и всем знакомым рассказала про успехи Майи. Когда Вера уже ложилась спать, в гости зашла Люба и сообщила, что нашла покупателей на ее ритуальный черный плащ и звезду Бафомета. Они ждут их завтра у Ворониной башни с внутренней стороны крепостной стены в семь вечера. Покупатели якобы туристы, приехали в их город на пару дней и планируют посмотреть крепость, а заодно и встретится с девушками. Цену предложили сказочную. Подруга все повторяла, что это ее лучшая сделка, и обещала завтра в шесть зайти за Майей.

На следующий день Вера осталась дома. Она решила заняться хозяйством, сварила борщ и помыла полы. Анна Павловна, как всегда, ушла на работу на почту, отец Майи, дальнобойщик, был в очередном рейсе, а дети – в детском саду.

В шесть Люба так и не появилась. Вскоре от нее пришла эсэмэска: она не сможет составить Майе компанию, и та должна встретиться с покупателями сама. «Когда еще представится такой случай», – писала подруга.

Вера переделалась в джинсы и футболку, положила плащ и звезду Бафомета в пакет и вышла из дома. Стоял теплый майский вечер. Солнышко еще освещало своими лучами всё вокруг. Из-за подготовки к школьным тестам Вера толком не замечала красоты городских улиц, где уже вовсю зеленела трава и на клумбах пестрели цветы, бережно высаженные

местными жителями. Большие головки красных тюльпанов покачивались на ветру, словно танцуя под музыку. Пышные кусты нарциссов радовали взгляд.

Вера через дворы направилась к Лопатинскому саду, а затем по улице Ленина добралась до здания областного военного комиссариата, обогнула окружающий его забор и, немного пройдя вперед, очутилась возле крепостной стены. Здесь она нырнула под ближайший проход в стене и оказалась с внутренней стороны крепости. Вера огляделась, но никого не увидела. Эта часть крепости была заброшена, здесь и днем-то редко можно было кого-то встретить, а уж вечером тем более. Вдоль стены пролежала узкая тропа, рядом с ней крутой склон, спускающийся в бывший Чертов ров. Местами в нем, будто большими пятнами, густо рос кустарник. Противоположная сторона рва была чуть менее крутой. Вера не пошла к Ворониной башне, располагающейся в десятке метров от нее: с этой стороны крепости попасть внутрь башни было невозможно, а рядом никого не было. «Неудачный выбор места для встречи, – подумала Вера, изучая старую кладку крепостной стены. – Особенно странно для туристов, которые впервые в городе. Что если покупатели перепутали башни и ждут меня не возле Ворониной, а у какой-нибудь другой башни? Надо было самой выбрать место, на той же улице Жукова, где находится военный комиссариат. Что-то я расслабилась. Придумали тоже».

Рассуждения Веры прервал женский крик: «Эй!.. Ты

Майя?» Вера повернулась и увидела во рву девушку в спортивном костюме, которая махала рукой и приглашала спуститься. Вера направилась к ней. Девушка стояла возле зарослей кустарника и ждала. «Что за странности, – удивлялась Вера. – Зачем она туда забралась? Еще бы в кусты залезла». Когда Вера приблизилась к покупательнице и поздоровалась, из кустов неожиданно возник парень в синей джинсовой куртке. Вера занервничала, но девушка попросила показать вещи, и Вера раскрыла пакет. Вдруг что-то коснулось ее шеи, вызвав сильную боль как от удара током. В глазах зарябило, Вера покачнулась и потеряла сознание.

Когда она пришла в себя, вокруг было темно и прохладно. Ее как будто парализовало. В какой-то момент Вера подумала, что, возможно, она опять в своем прежнем теле. И вся эта история с Майей была страшным сном, а на самом деле она лежит в Петербурге в больнице, и ее парализовало после наезда троллейбуса. Вере так захотелось проверить свою догадку, что она вспомнила: у нее давно вылезли все зубы мудрости, а у Майи их не было. Вера поводила языком по деснам, затем зубам и убедилась, что по-прежнему находится в теле подростка. Разочарованная, она напрягла память. В ее голове проигрался сегодняшний день вплоть до момента острой боли в шее. Ощущение собственного тела постепенно возвращалось. Она поняла, что лежит связанная по рукам и ногам на какой-то тряпке. Рот тоже был чем-то перевязан. Вера перевернулась на живот и оказалась на земле. Вера по-

терлась лицом о землю и стащила тряпку, закрывавшую рот, на подбородок. Развязать веревки на теле она, конечно, не могла. Голова раскалывалась. Вера подумала, что, будучи в юном теле, она сама стала превращаться в подростка и малость отупела. Как же опрометчиво было идти вечером на встречу с незнакомыми людьми, да еще и черт знает куда! В своей прошлой жизни она никогда так не поступала. А вслух негромко произнесла: «Товарищи ангелы, что мне теперь делать? Может, вы мне поможете в этой затруднительной ситуации? А то, боюсь, опять придется искать новое тело». Но никто не ответил: вокруг была тишина, дул ветерок, какой-то жучок забрался ей на голову и полз по своим делам.

– Как там дела у нашей Мириады? – поинтересовался Рене. – Я ощутил какое-то волнение, исходящее снизу от нее.

– Вляпалась в историю – все-таки сектанты добрались до нее, – с горечью сказал Корсар.

– Что такое? Ей угрожает опасность? – встревожился Рене.

– Да. Главное, не пойму, как ее угораздило пойти у них на поводу? В теле Веры она была всегда такой осторожной, а тут просто шальная стала, – возмутился Корсар.

– Помоги ей, – снисходительно сказал Рене.

– Я могу спуститься вниз? – спросил Корсар.

– Нет. Попробуй человеческими руками. Там есть кто-нибудь поблизости? – спросил Рене.

– Есть, – ответил Корсар.

– Вот они пусть и помогут, – предложил Рене.

– И что им делать в кустах? – с удивлением спросил Корсар.

– Корсар, ты же прожил много жизней. Что люди чаще всего делают в кустах?

Вера стала гадать, кто были эти парень с девушкой и зачем на нее напали. И так странно, что Люба сегодня не пришла. «Может, она с ними заодно? Нет, не может такого быть! Люба обожает подругу. Наверно, это какие-то Майины враги. Скорее всего сатанисты. Если бы это были грабители, то отняли бы пакет и сбежали. Моё тело вряд ли кому-то нужно. Тогда похитители скоро появятся, не просто же так они связали меня и бросили на улице. Возможно, стоит поторговаться с ними за жизнь».

Вдруг она уловила чьи-то приближающиеся шаги. Послышался хруст, кто-то прошел рядом с ней и остановился.

– Эй, кто здесь? – спросила Вера.

– Во блин! – удивленно воскликнул мужской голос. – Вы что тут делаете, девушка?

– На меня напали и связали, – беспомощно оглядываясь, ответила Вера. – Помогите мне!

– Кто напал? – Мужчина вынул из кармана брюк мобильный телефон, чтобы включить фонарик. Он осветил им, рассматривая лежавшую на земле Веру. Она прищурила глаза от яркого света, но разглядела рыжеволосого мужчину лет тридцати в синей толстовке. – Ничего себе! Это кто же вас

так?

– Какая-то компания ребят, – соврала Вера. – А где мы?

– В кустах, – сказал он ошарашенно.

– А что вы делаете в кустах? – не смогла удержаться Вера от вопроса.

– Я вообще хотел в туалет сходить, не стоять же возле стены у всех на виду. Вот и спустился в ров.

– Ааа! Кусты, – промолвила Вера. – Точно. Крепость. Ров. Они же напали на меня возле кустов.

– Ну ни фига себе история! Давайте я помогу вам освободиться. – Он достал из кармана брюк складной ножик и начал перерезать веревки. Вера села, стала разминать руки и ноги. Чувствовала она себя неважно. Попыталась встать, пока незнакомец отошел в туалет в заросли, но тело не слушалось ее, ноги разъезжались, да и что-то случилось с координацией движений. Вера посмотрела на телефон, который оставил ее спаситель: был девятый час. «Значит, я около двух часов пролежала без сознания», – заключила Вера. Когда мужчина вернулся, она стояла на коленях.

– Ну что, пойдём? – спаситель протянул ей руку.

– Стойте! А вдруг они еще где-то рядом! А вы один гуляете? – спросила она.

– Нет. С друзьями. Нас четверо. Они остались наверху.

Увидев Верино волнение, мужчина решил выглянуть из кустов и посмотреть по сторонам, есть ли кто рядом. Аккуратно раздвинув ветки кустарника, он повернул голову в сто-

рону крепостной стены и сказал, что возле башни компания ребят. Они что-то распивают, разговаривают друг с другом и одеты в странные черные плащи, головы их прикрыты капюшонами. Похожи на ролевиков. Их человек восемь. Вера подумала, что скорее всего кто-то из этой компании и напал на нее. Маловероятно, что это просто проходящие мимо подростки из театрального молодежного кружка. Наверняка это бывшие дружки-сатанисты из Майиной прежней жизни. Вера с уверенностью в голосе произнесла, что это они напали на нее. Мужчина предложил выйти с другой стороны и подняться туда, откуда он спускался. Его-то они не заметили, может, и им вдвоем удастся пройти украдкой. Но Вера понимала, что не увидели его просто каким-то чудом. К тому же он шел один и быстро, а сейчас они вдвоем. Не исключено, что она будет висеть на нем, ведь ее шатает, она еле передвигает ногами и не сможет быстро подняться. Однако сидеть здесь и ждать, пока она окончательно придет в себя, тоже нельзя. Она может до утра пробыть в таком состоянии.

Мужчина позвонил своим друзьям, ждавшим его наверху, и всё рассказал. Те ответили, что сейчас подойдут к тому месту, откуда он спустился в ров и, если вдруг кто-то попробует помешать им забраться по склону, они придут на помощь. Решено было не идти им навстречу, чтобы не привлекать внимание похитителей. Благодаря мужчине Вера поднялась и, схватившись за него одной рукой, пыталась шагать. Они кое-как преодолели заросли. Оглядевшись, Вера поня-

ла, что с глазами у нее все в порядке, просто в кустах было очень темно, поэтому ей казалось, что она ничего не видит. Правда, и на улице уже начинало темнеть, но пока что все было достаточно хорошо различимо. Вера старалась переставлять затекшие ноги как можно быстрее. Мужчина буквально тащил ее по склону рва. «Господи, только бы они нас не заметили!» – молилась Вера.

Когда они уже преодолели пол пути, они услышали угрожающие крики со стороны крепостной стены, а затем топот. Было похоже, что сектанты все вместе рванули вниз. Друг зья Вериного спасителя кинулись ему на помощь. Один из мужчин подхватил Веру за свободную руку, и товарищи вместе поволокли ее наверх. Двое других спустились навстречу сатанистам. Завязалась драка. Двое мужиков против шестерых парней лет семнадцати – двадцати. Девушки-сатанистки остались стоять у крепостной стены. Мужчины помогли Вере выбраться изо рва и ушли обратно., на помощь друзьям. Вера бессильно опустилась на траву и просто наблюдала за происходящим. Сатанисты облепили мужчин как мухи, повалив их на землю и нанося удары ногами. В их облике, во всех их движениях было столько жестокости! Увидев, что к ним приближается еще пара противников, трое отделились и бросились на них. Верин спаситель встретил одного из них сильным ударом в челюсть, тем самым сразу отправив его в нокаут. Парень остался лежать на склоне. Черные плащи изрядно мешали сатанистам. На их лицах уже не было уверен-

ности в победе, как раньше. Тогда один из них вынул из-под плаща кинжал и стал размахивать им перед своим противником, не решаясь нанести удар. А тот резким движением руки выхватил у нападавшего оружие и ударил им же парня в плечо. Юный сатанист вскрикнул и попятился, держась одной рукой за кровоточащую рану, а затем и вовсе рванул в сторону крепости.

В этом момент девушки, стоявшие наверху возле стены, ринулись ему навстречу. Одна подскочила к раненному парню, а вторая, спустившись в ров и не обращая внимания на дерущихся в нем ребят, прошла метров десять вперед и остановилась как раз напротив Ворониной башни. Здесь она достала какую-то вещь из-под плаща и присела на корточки. Вера попыталась разглядеть, чем та занимается. И тут рядом с сектанткой появился язычок пламени: Вера увидела, что там внизу лежали сложенные дрова, которые девушка подожгла. «Что она задумала? – испугалась Вера. – Зачем этот костер? Она что, поджечь кого-то собирается?». В горле у Веры пересохло от волнения. Она даже немного приподнялась с травы, но почувствовала боль в спине и опустилась обратно. Она понимала, что помощник из нее сейчас никакой, но как же ей хотелось сбежать вниз по склону и вырвать сатанистке все волосы! Тем временем, девушка отошла в сторону и вернулась с какой-то толстой палкой, засунула ее в костер, подождала, пока та хорошенько разгорится и направилась в сторону потасовки. Между тем мужчины окончательно побили

сектантов, агрессивные парни ретировались, подобрав полы рваных плащей и отирая кровь с разбитых лиц. Верин спаситель, заметив идущую девушку с факелом гневно спросил:

– Тебе, дура, тоже навалить или сама уберешься?

Она собиралась растерялась, но тут сверху раздался громкий голос одного из сектантов:

– Мы – адепты Сатаны!!! Мы под его защитой!!!

Девушка перепугалась, бросила факел и побежала к друзьям. После чего сатанисты драпанули.

– Сопляки! – крикнул им вдогонку один из друзей нового Вериного знакомого.

– А еще называете себя адептами сатаны, – сказал Верин спаситель, отчетливо и со злобой произнося каждое слово.

Поднявшись на склон, мужчины помогли Вере встать на ноги, вывели к дороге и вызвали такси, чтобы она могла добраться до дома. Она горячо благодарила их за свое спасение. Они посоветовали ей быть осторожнее и не гулять одной поздно вечером.

Дома она сразу прохромала в свою комнату и легла на диван. «Вот же гады! Не думала, что они на такое способны. Интересно, что они собирались делать со мной? – думала Вера. – Там внизу, во рву, они приготовили костер – кто их знает, что они там замышляли. А ее просто оставили в кустах, дожидаясь темноты». В дверь квартиры позвонили, и через секунду в комнату ворвалась Люба. Вера села.

– Майя, прости меня, прости!!! – затараторила подруга,

чуть не плача. – Это я во всем виновата! Что они с тобой сделали? Ты сбежала? – Люба трогала Веру за волосы, вынимая веточки и траву, а та ошарашенно смотрела на девушку. – Оказывается, это была ловушка, а никакие не покупатели, а я, дура, поверила им. Я же пришла к тебе в шесть, как договаривались, а они напали на меня в подъезде, прямо перед твоей дверью, схватили и потащили на чердак. Сказали: «Здесь посидишь, пока мы с твоей подругой разберемся». Потом отобрали телефон и написали с него тебе сообщение. Они хотели ритуал с тобой провести! Я слышала, как они это обсуждали. Собирались надеть на тебя твой плащ, на шею повесить знак Бафомета, привязать тебя к старому перевернутому могильному кресту, а потом читать какие-то заклинания на смерть и устроить черную мессу. А в самом конце все это с тебя сдернули бы – и плащ, и звезду, как бы изгоняя тебя из своего братства.

Вдруг распахнулась створка окна и маленькая детская рука просунула очередной конверт. Глаза Веры загорелись злобой.

– Ты еще пожалеешь. Тебе отомстят, – ехидно сказал мальчишеский голос.

Вера что было духу метнулась к окну и со всей силы зажала руку посыльного створкой окна. Он закричал от боли, Вера дернула створку обратно, высунулась и схватила белобрысого пацаненка за грудки.

– Если ты, сволочь, еще хоть раз что-нибудь кинешь мне

в окно, я тебе пальцы отрежу! Ты понял?!

И она, освободив одну руку, дала ему в лоб кулаком. Мальчишка упал на землю и, всхлипывая, побежал прочь.

– Майка, ты что? – испуганно спросила Люба.

– А то!!! – выпалила Вера. – Какого черта он сюда шляется?

– Митька тебя убьёт!!! – всполошилась Люба.

– Я сама кого хочешь укоюшу после сегодняшнего. Что я им сделала? – с раздражением спросила Вера.

– Ну как что? Общаться с ними перестала, обещала клинок достать, тот самый, который у Николая украла. И не выполнила обещания. Задания перестала выполнять, – поясняла Люба.

– Может, я болела! – сказала Вера с издевкой в голосе.

– Так ты на их сообщения не отвечала. Ни один конверт не открыла. Да и вообще захотела выйти из секты.

– Ладно, это уже не имеет значения. Люба, мне надо помыться, я вся извозюкалась. Да и на земле долго пролежала, как бы не простыть. Еще и голова болит! Только в себя стала приходить после больницы, а тут удар электрическим током получила. Это как раз то, чего мне так не хватало, – раздраженно проговорила Вера.

– Они электрошокером тебя ударили в шею? А я слышала, что...

Но Вера, перебив подругу попросила:

– Люба, иди домой. А я в ванну.

Подруга Майи только вздохнула и направилась к выходу.

– И пожалуйста, больше никаких продаж, можешь все оставить себе. С меня хватит приключений, да и с тебя тоже, – добавила Вера.

– Только ведь они не отстанут, Майя! – беспокоилась Люба.

– Я уже это поняла ... буду думать, – ответила она тихим упавшим голосом.

Никогда раньше Вера не попадала в такие серьезные передраги, чтобы прямо с угрозой для здоровья. Нет, конечно, в прошлой ее жизни были разные ситуации, но не такого характера. Вообще, она по жизни старалась избегать конфликтов. С людьми, которые ее обижали, переставала общаться, а если это было невозможно, просто сокращала встречи до минимума. Если на работе подбирался плохой коллектив, не задумываясь меняла работу. В детстве все спорные моменты решали ее родители; потом, когда она выросла, ей помогали друзья или родственники.

«Вот те на! Получается, я никогда сама не решала серьезные проблемы: я либо убегала от них, либо перекладывала на чужие плечи», – рассуждала Вера. От этого ей стало еще грустнее. Сейчас было просто не на кого опереться и попросить помощи, а уж сбежать тем более было нереально. Приняв душ и сделав перед Анной Павловной вид, что все хорошо, Вера села поискать информацию в интернете. «Выход из секты» – напечатала она в поисковике браузера, но сколько

ни гуглила, ничего дельного не нашла. В основном попадались советы, как вытащить своего родственника из такой организации. «Может, стоит обратиться в полицию?» – думала Вера. Жаль, некому подтвердить нападение на нее, Люба не в счет. А мужчины, помогавшие ей, не оставили никаких своих контактов.

На следующий день Вера отправилась в отделение полиции. Она расскажет все как есть, а дальше уже по обстоятельствам. Может, шуганут этих сектантов, а может, они уже где-то засветились. Секта состояла из молодых ребят: как поведала Люба, ни одного человека старше тридцати среди них не было, включая главаря. Местная бандитская группировка. Вера подошла к серенькому неприметному зданию районного отделения. Во дворе курил мужчина в форме. Она собралась с духом, поднялась по ступенькам и прошла внутрь. Она хотела было обратиться к дежурному, но заметила в конце коридора своего соседа Николая. Он беседовал с человеком в форме и, судя по услышанному разговору, работал здесь. «О нет! Только не это!» – подумала Вера. В этот момент Николай повернулся, и взгляды их встретились. Вера быстро пошла на выход. Николай догнал ее на улице.

– Ты зачем приходила? – спросил он, схватив ее за руку.

– Я просто хотела посмотреть расписание приема, – быстро придумала Вера.

– Ну что ты врешь! Говори, зачем пришла? – настаивал Николай, не отпуская ее.

– Это не твое дело! – резко ответила Вера. – Мало ли что мне надо! Тебя это не касается.

– Решила опять поиграть в плохую девчонку? – злился Николай.

– Ну все, хватит! – сердито сказала Вера, выдернув руку. – Это уже слишком! – Она развернулась и быстро зашагала прочь.

– Я надеру тебе задницу, Вавилова! – потеряв терпение, крикнул он вслед.

Вера обернулась и осудительно покачала головой, он удивленно посмотрел на этот ее взрослый жест и добавил:

– Я приглядываю за тобой!

Вера шла домой и думала, что это была дурацкая идея – пойти в полицию. Майины подвиги здесь все знают. Ей просто никто не поверит, ведь она сама состояла в этой секте. И если Николай здесь работает, то у него вообще предвзятое отношение к ней. Смотрит на нее всегда так пристально, провожает глазами. «Значит, он полицейский! Ну надо же! Никогда бы не подумала», – Вера как-то раньше она не задавалась вопросом, кем он работает. Хотя он даже нравился ей. Симпатичный, хорошо сложенный, уверенный в себе молодой человек.

Дома Вера заперлась в своей комнате. В этот раз переложить свою проблему на кого-то другого не получалось. Видимо, придется разруливать все самой. И тут она вспомнила про свою старую школьную подругу. Та давно уехала из Рос-

сии и перебралась в Мексику, так что наверняка не знала о ее смерти. Вера не забыла наставления ангелов о том, что ей не следует общаться с людьми из прошлой жизни, но иногда ведь можно сделать исключение? Вчера она пережила такой стресс, что все предостережения отошли на второй план. К тому же она не пытается связаться со своей семьей и даже не ищет о ней информацию, просто решает сугубо личные проблемы. Ее подруга Илона была очень разносторонним человеком, и в свое время ее тоже угораздило попасть в секту. Илона верила во всякую мистику и увлекалась гаданием на картах таро. Вообще, она была странной особой, но невероятно доброй и эрудированной. У нее было огромное количество друзей во всех уголках планеты.

Вера со старого почтового ящика отправила подруге письмо с просьбой прислать свой номер телефона. А потом списалась с ней по ватсапу. Как же было приятно общаться с человеком, который знал ее как Веру! Илона предложила созвониться по видеосвязи, но Вера сослалась на то, что у нее не работает камера на телефоне, а новый мобильный она все никак не купит. Они переписывались пол ночи. Илона поделилась всеми своими новостями, расспрашивала про мужа и детей; наконец, Вера поведала историю своего знакомства с сектантами, но представила все так, будто это случилась с ее племянницей. Илона рассказала, что сатанизм – это философское мировоззрение, особый взгляд на жизнь. Различают два типа сатанизма: радикальный и мирный. Мирные

сатанисты никого не убивают и не приносят в жертву. А радикалы – очень страшные люди, и здесь только один выход – бежать. Но, судя по рассказам Веры, те люди, с которыми связалась ее племянница, вообще никакие не последователи сатаны, а просто гопники. И ничего общего с сатанистами у них нет. Настоящие адепты тщательно скрывают свое увлечение. Они не носят черные одежды и всякую атрибутику типа звезды Бафомета или темного грима на шее. С виду они обычные люди. И вообще, друзья ее племянницы делают все неправильно. Похоже, они мало знают о сатанизме и следовать ему особо не стараются. «Просто какая-то клоунада – перевернутый крест, костер, черный плащ. Детишки развлекаются. Это несерьезно». Илона вспомнила, что в Смоленске у нее была подруга, и поэтому она уверена, что там есть и настоящие последователи Сатаны. Но ничего конкретного посоветовать Вере Илона не могла, только посочувствовала, и, так как было уже очень поздно, они попрощались.

Вера не могла заснуть, ворочалась на диване и все время возвращалась мыслями к тому, что же теперь делать. Ее мозг напоминал ей компьютер, которому задали задачу, и он не может остановиться, пока не найдет решение. Она рассуждала так: раз в Смоленске есть настоящие последователи Сатаны, то они могут быть недовольны тем, что здесь действует еще какая-то секта, которая тоже примазывается к сатанистам, но не следует их правилам и вообще в каком-то смысле позорит их. Ей пришла в голову идея – надо столкнуть две

группировки между собой. Теперь, имея план, Вера постепенно успокоилась и заснула.

Проснувшись утром, она вновь написала Илоне и умоляла ее связаться с подругой из Смоленска, чтобы побольше узнать про местных сектантов. Илона обещала помочь, но выяснила лишь, что сатанисты в Смоленске радикальные. И что есть так называемые чаты служителей тьмы, где они тусуются, общаются, обсуждают всякие мероприятия. Тогда Вера спросила, могут ли они при необходимости наехать на секту ее племянницы. Та ответила, что, если их интересы пересекутся, то их раскатают в асфальт, но очень маловероятно, что местным сатанистам неизвестно о существовании этой молодежной группировки. Илона убеждала Веру, чтобы она даже не думала связываться с радикальными сатанистами, это путь в никуда. С ними проблем не оберешься. Вера попросила подругу найти эти чаты служителей тьмы, чтобы поискать там нужную информацию. После беседы с Илоной Вера решила больше не ходить на улицу одной, а продолжить готовиться к экзаменам и помогать Анне Павловне по дому.

На следующий день, это была суббота, около двенадцати к Вере в комнату заглянула сестра Полина. В руках она держала одну из кукол Барби, которую Вера недавно ей отдала. Андрей ушел во двор играть с мальчишками, а Полина скучала. Она попросила сестру дать ей какие-то тряпочки, чтобы сделать куклам новые платья. Вера достала из шкафа старую бордовую занавеску и предложила вместе сшить ве-

чернее платье. Полина обрадовалась и стала помогать: вырезала намеченные кусочки ткани и скрепляла нужные места булавками. Они сидели на диване, работали и обсуждали диснеевских принцесс. Полина сказала, что ей не нравится принцесса София, потому что у нее неприятный голос. Вера вспомнила мультик и поняла, что действительно озвучка персонажа была не самой лучшей, но ей как-то не приходило в голову проводить параллель между личностными качествами и голосом. А ведь в чем-то девочка была права. Через два часа платье было готово, и Полина так обрадовалась новой одежде! После обеда Вера занялась физикой. Наконец, вечером от Илоны пришло письмо. Она дала ссылку на чат, в котором, как она говорила, стопроцентно сидят настоящие последователи сатанизма. Но это общий чат, где обсуждают сатанизм как таковой, ни о каких специальных мероприятиях и подготовке к ним речь не идет. Более серьезные чаты закрыты от посторонних, там только свои, и попасть туда не так-то просто. Но, за неимением других вариантов, придется пользоваться тем, что доступно. После всего пережитого в крепости Вера подумала, что терять ей уже нечего. Тем более что, хоть это и были подростки, они явно представляли опасность, и возможно не только для нее.

Вера отложила учебники и принялась искать информацию в интернете. Она снова и снова читала про сатанизм, его последователей, атрибутику, пытаясь придумать, как бы столкнуть одних сатанистов с другими. Спросила у Илоны,

какой предмет мог бы быть очень важен для сатанистов, та ответила – адописная икона с изображением дьявола, используемая в черной магии. Считается, что в ней содержится бесовская сила, накопленная в результате долгого применения в магических ритуалах и чтения над ней определенных заклинаний. А потом спохватилась и написала:

«Вера, даже не вздумай их ссорить! Ты с ума сошла! Это же опасно».

«Не-не, это я так, просто интересуюсь».

«Хочешь, я погадаю тебе на картах на будущее?» – предложила Илона.

«Но меня же нет рядом, – возразила Вера. – Разве так можно?»

«Ну конечно можно. Я же тебя знаю».

Ничего подходящего в интернете Вера отыскать не смогла. Никаких намеков или ссылок на что-то особенное для сатанистов. Конечно, ей не обязательно иметь сам предмет дома: достаточно, чтобы адепты поверили в то, что у нее он есть. А для этого надо как минимум иметь его фотографию. Отчаявшись найти что-то полезное на отечественных ресурсах, Вера решила вбить запрос на английском языке и продолжила заниматься поисковым серфингом на англоязычных сайтах. И уже почти в час ночи она нашла некоего американца Джонатана Голубба, хваставшегося своей уникальной коллекцией раритетов, среди которых у него якобы была и древнейшая адописная икона. Вера уже собиралась

ложиться спать, когда получила сообщение от Илоны: «Так все странно! Я попробовала погадать, как обещала, и, знаешь, карты говорят, что у тебя нет будущего. Возможно, это значит, что ты близка к смерти, как никогда. Ты очень рискуешь, связавшись с сатанистами. Пусть племянница сама разбирается. В конце концов, это работа полиции».

Вера успокоила подругу, сказав, что всяким таким гаданиям нельзя доверять, ее ведь нет рядом, она не может настроиться на ее волну, вот и предсказание получается такое странное. Илона обещала попробовать погадать еще раз и даже сходить к какому-то местному магу. Для Веры всё это было чушью. Гадания, карты таро – глупость какая-то. В одном ее подруга оказалась права – после смерти есть жизнь. Мы не просто умираем, мы перемещаемся в другой мир. С этими мыслями Вера и заснула.

С утра Вера пошла в магазин вместе с Анной Павловной. Когда они возвращались домой, перед Верой во дворе неожиданно выскочил рыжий парень в футболке. Все руки у него были в татуировках.

– Ты, сука, пальцы моему брату поломала! – злобно сказал парень.

– Чего? – спросила опешившая Вера, а потом догадалась, что перед ней Митька – родственник того мальчишки, который бросал ей письма в окно.

– Ты чего ругаешься? – сделала замечание Анна Павловна. Но Митьке, похоже, было все равно, что рядом мать Майи:

он схватил Веру за волосы и поставил ее на колени. Вера уронила сумки с продуктами.

– Да что ж это такое делается-то? – закричала Анна Павловна, когда Митька достал из кармана брюк нож и намотал распущенные Верины волосы себе на руку.

– Ох ты, батюшки! Помогите! Кто-нибудь, помогите! – звала на помощь Анна Павловна.

От боли у Веры посыпались искры из глаз, ей казалось, что снимают скальп с головы. Митька чиркнул ножом по Вериным волосам и отрезал пучок.

На шум из подъезда выскочил Николай. Он ударил Митьку сзади, и тот обмяк, сев на тротуар.

Вера с матерью, кое-как собрав пакеты с продуктами, зашли домой, а Николай продолжил разбираться с Митькой. Анна Павловна все причитала, а Вера пыталась оценить масштабы бедствия. Красивые длинные волосы были наискось подрезаны. Теперь ей оставалось только сделать каре, но в хвостик волосы все же убирались. Когда мать Майи немного успокоилась, она посоветовала позвонить Любе – она же парикмахер, как-никак. Вера и сама понимала, что без подруги здесь не обойтись. Что же это теперь получается, ей вообще из дома не выйти?

Николай зашел в пять вечера. Вера лежала на диване и читала книгу.

– Ты из-за него в полицию ходила? Он тебе угрожал? – строго спросил Николай.

– Да, – соврала Вера и нетерпеливо добавила, – А что с ним?

– Оформил ему хулиганку, пусть посидит с алкашами пару дней. Обещал больше не трогать. А что это за история с Петей?

– Он достал меня, заглядывает в комнату через окно, кидает мне конверты с угрозами, – объясняла Вера.

– А что сама вытворяла уже не помнишь? Как на балкон ко мне залезла и в квартире у меня шарилась? А как пряталась у меня в шкафу и ждала меня?

– Нет, – ответила Вера упавшим голосом.

– Здесь тебе, конечно, память отшибло! – горячился Николай. Вера не знала, что ответить.

– Я устала, – холодно сказала она и отвернулась к стене, решив так закончить разговор.

Николай молча встал, погладил ее по голове и вышел из комнаты.

Станный он – то кажется, что он ее ненавидит, то проявляет нежность. Между ним и Майей, видимо, какие-то свои, особенные отношения, о которых Вере, к сожалению, ничего не известно.

Немного погодя, Вера решила отправить письмо Джонатану Голуббу. Она неплохо знала английский: может, разговаривала и не очень хорошо, но письменно могла объясниться. Выразив восхищение его коллекцией, Вера спросила на прямую: есть ли у него на самом деле адописная икона?

Или он вводит всех в заблуждение, поскольку ходят слухи, что подобные иконы пропали давным-давно и, возможно, у него просто фальшивка. Надежды на то, что он ответит, было мало, но попробовать стоило.

Позже прибежала Люба, чтобы подстричь Веру. Услышав о том, что произошло на улице, она только заахала и напомнила, что предупреждала: с Митькой у нее могут быть проблемы. «Как вы мне все надоели!» – думала про себя Вера.

На следующий день от Джонатана пришло письмо, где он сообщал, что у него нет никаких сомнений в подлинности иконы, и в подтверждении прислал ее фотографии с разных сторон. На иконе был изображен Сатана, в самом низу была надпись на церковнославянском языке «Владыка Адов». Нарисовано было великолепно, дьявол с картины смотрел как живой. С другой стороны иконы был указан год, ей было больше ста лет. Вера чуть не взвизгнула от радости. Теперь осталось дело за малым – написать в чате сатанистов, контакты которого дала Илона, о ее продаже. Сначала надо было зарегистрироваться на сайте, где находились эти чаты, и придумать форумное имя для общения там с людьми. Вера изучила имена других участников единственного доступного для просмотра чата, все они отличались оригинальностью. Она открыла список древних женских имен. Глаза разбежались, Вера не знала, что выбрать. Наконец, она остановилась на Дульсинее, но оказалось, что на сайте уже кто-то занял это имя. Вера продолжила мониторить имена дальше, пока

не добралась до буквы М и прочитала: «Мириада». «Надо же какое имя! Как будто название звезды», – подумала Вера. Она не понимала, почему вдруг так зацепилась за него глазом, но вот понравилось и всё тут, и она решила использовать его. Тогда Вера принялась сочинять сообщение:

«Привет всем! Недавно у меня умерла тетка, она являлась последовательницей сатанизма. Мы все знали об ее приверженности сатанизму, впрочем, что тут такого необычного. Я и сама интересовалась этим направлением, но папин бизнес не оставляет времени больше ни на что. В загородном доме тетки я нашла много всяких интересных вещей, в их числе и старую адописную икону. От нее энергетика прет так, что сложно описать словами. Готова отдать икону истинным последователям Сатаны, а не черт знает каким человечкам. Хочу, чтобы она оказалась в руках настоящих сатанистов. Конечно, прошу некую оплату. Приехала на неделю в Смоленск, пишите, кто заинтересовался».

Чат всколыхнулся, появилось много комментариев о том, что это настоящее сокровище, драгоценная реликвия и очень сильная икона. Никто даже не усомнился в ее подлинности. Веру спрашивали, как звали ее тетку, где она жила и в какой сатанисткой организации состояла. Но никто не предлагал Вере купить икону. Лишь спустя три часа в чате написал сообщение некто Ацирус. Он попросил Верины контакты и сказал, что готов купить у нее икону. Тогда Вера как бы невзначай обронила фразу, что иконой заинтересовались

еще одни представители смоленского сатанизма – секта под названием «Глаз дьявола». В ответ опять поступило множество комментариев про то, что это некая подростковая группировка, не имеющая ничего общего с сатанизмом. Они полные отморозки, не соблюдающие никакие устои сатанинского движения и вообще мало чего смыслящие в этом. Люди писали:

«Это опять этот глаз проявился? Смешно!»

«Нет, ну надо же! Икона им понадобилась! Они ни одну мессу нормально провести не могут. Бездари и лентяи!»

«Ха-ха! Я как-то специально сходил на их тусу. Это нечто! Недалекие люди. Даже не знаю, к какой оккультной организации причислить эту группу. Полное отсутствие доктрины»

После десятка подобных комментариев Ацирус написал:

«Всё это, конечно, забавно, но как они узнали о продаже иконы? Надеюсь, в наш чат никто не проник из их группировки? Мириада, когда поступило предложение?»

«Час назад. Я нигде больше не давала объявление о продаже иконы, только обмолвилась хозяйке съемной квартиры, случайно увидевшей ее среди моих вещей, что собираюсь продавать ее. Может, она кому-то болтнула, – ответила Вера-Мириада».

«Это вы зря сделали! Напишите мне письмо на мой почтовый ящик, он есть у меня в профиле, и обговорим детали сделки».

Вера написала Ацирусу с почтового ящика, коим она

пользовалась еще до своей смерти. Вскоре от него пришел ответ, где он представился главным жрецом их сатанистской организации и спрашивал про сумму, которую та хочет получить за икону. Вера написала цену, Ацирус согласился не торгуясь и предложил встретиться в каком-то кафе на окраине Смоленска. Вера подготовилась к подобному предложению и ответила, что планирует смотреть крепостную стену и ей удобнее сходить в кафе недалеко от нее. Ацирус не возражал. Встречу назначили на завтра в семь вечера. Общение решено было сохранить через почту.

На следующий день в четыре часа вечера Вера написала в сатанинском чате: «Это вы специально сделали??? Вы украли у меня икону, решив не платить за нее!!! Я так хорошо отнеслась к вам, выставила символическую цену и что получила взамен? Будьте вы все прокляты!» Дальше Вера слала сообщения с ругательствами большими заглавными буквами со злобными смайликами.

В чате сразу стали интересоваться, что случилось, как украли, когда и где это произошло. Вскоре появился Ацирус, который просил подробно рассказать о случившемся. Вера сообщила, что двое парней напали на нее на лестничной площадке дома, когда она закрывала дверь съемной квартиры. Они сорвали у нее сумку с плеча и сбежали. А в сумке была икона, она решила взять ее с собой на прогулку, чтобы не возвращаться потом за ней домой. Вера при описании нападавших парней использовала наиболее выразительную

внешность двух сектантов, участвовавших несколько дней назад в драке с Вериными спасителями в Чертовом рву. Ацирус спросил, знал ли кто-то об их встрече в кафе. Вера объяснила, что не говорила об этом никому, но вчера вечером ей позвонил какой-то человек насчет продажи иконы. Она ответила, что уже договорилась с настоящими последователями Сатаны. Тот стал заверять ее, что их организация «Глаз дьявола» – единственные истинные адепты в Смоленске, а ваша секта просто сборище пенсионеров с философскими взглядами на жизнь. В чате посыпались гневные комментарии, а Ацирус написал:

«Ты дура! Зачем рассказала хозяйке съемной квартиры о продаже иконы? Незачем было болтать о таком! Ее вообще нельзя было никому показывать! Знакомые этой хозяйки пасли тебя весь день у квартиры. Дай номер, с которого звонил человек».

«Он звонил на домашний телефон, у хозяйки нет определителя номера».

«Если это действительно люди из группировки «Глаз дьявола», то мы с легкостью найдем их, ведь сегодня полнолуние. Только действовать надо быстро, эти отморозки могут испортить икону или продать кому-нибудь».

«А как же мои деньги, я скоро уезжаю из города»

Никто ничего вразумительного Вере не ответил, все только бурно обсуждали случившееся. А вскоре произошло то, что ей и не приходило в голову – ее удалили из чата и за-

блокировали профиль на сайте. Вера подумала, что это даже хорошо. Она снесла свой старый почтовый ящик, с которого писала. Не дай бог, они выйдут на ее семью в Петербурге. Впрочем, владелица ящика умерла, так что скорее всего они решили бы, что она воспользовалась чужим имейлом. Но все же Вере так было спокойнее. Дело было сделано. Осталось только подождать, чем все это закончится. Несказанно повезло, что именно сегодня должно быть полнолуние, когда все сатанисты проводят свои черные мессы на кладбищах. Времени на размышленья у радикальных сатанистов нет, а члены секты «Глаз дьявола» – молоды, горячи и горделивы. Две оккультные организации вряд ли найдут общий язык друг с другом. «А вдруг смогут? Поговорят да разойдутся. А что если Ацирус не поверил мне и понял, что я вру? – Веру терзали сомнения. – Новости буду узнавать через Любу, она всё про всех знает. Что-то да просочится».

Вера крепко спала в эту ночь. Уже почти неделю никто не бросал конверты ей в окно, и его створка всегда была широко открыта. Лето приближалось с каждым днем всё быстрее, под окнами дома уже успела вырасти высокая трава, и ее первый раз косили. Дребезжащий звук электрической газонокосилки эхом разносился по улице, а приятный запах свежескошенной зелени, знакомый с детства, разлетался по комнате. Отец Майи вернулся с рейса. Анна Павловна пекла оладьи на кухне, а Полина с Андреем, судя по тишине, еще спали. Отец Майи зашел в комнату к Вере, когда она соби-

ралась вставать с кровати.

– Эй, Майка! Давай сюда – на кухню! Там твоих друзей по телику показывают, – возбужденно сказал Михаил Валерьянович.

Вера вскочила на ноги, набросила халат и побежала на кухню. На экране маленького телевизора показывали репортаж местного Смоленского телевидения. Журналистка с какого-то кладбища вещала о том, что ночью в городе сошлись две сектантские группировки, по слухам одна что-то украла у другой. В результате очень много людей пострадало, противники расправлялись друг с другом очень жестоко. Дальше шел кадр из Смоленской больницы, где главный врач говорила о тяжелых повреждениях у доставленных к ним людей: это и ожоговые, и колотые, и режущие, и ушибленные раны.

– Майя, как ты вовремя вышла из этой секты! – воскликнула Анна Павловна. – Что они там не поделили?

На экране телевизора было плохо видно изображение, но расслышала Вера все хорошо. Довольная, она вернулась к себе в комнату. «Отлично! – подумала она. – Главное, что никто не погиб. В конце концов, они сами устроили себе такую жизнь. Пусть наслаждаются! Может, забудут теперь про меня».

Наступили дни ЕГЭ. Вера невольно волновалась. В прошлой жизни она сдавала экзамены очень-очень давно, так что и ощущения эти уже изрядно подзабылись. Свой первый экзамен – математику – она сдала на отлично и продолжила

готовиться к следующим. На улице Вера почти не бывала, всё время занималась дома. Вернувшийся с рейса отец Майи уже на второй день запил: большую часть дня он проводил на кухне или валялся в коридоре, хватая всех проходящих за ноги. Ужасный едкий запах от перегара стоял по всей квартире. Судя по тому, что этому никто не удивился, такие запои были привычны для остальных членов ее новой семьи. «Вот так семейка! Скорее бы съехать от них!» – мечтала Вера.

Вера продолжала общаться с Илоной в ватсапе, и в один из дней от нее пришло письмо: «Я общалась с местным магом, здесь у себя на острове в Косумеле. Взяла твою фотографию с собой – и знаешь, маг ошарашила меня, сказав, что я показываю ей фотографию умершего человека. Представляешь?! Я даже не знаю, что бы это могло значить!»

Вера оцепенела на мгновение. «То, что она – настоящий маг!» – подумала про себя Вера, но ответила другое – «Не знаю».

Вера уже привыкла к своему новому телу, к узким худеньким плечикам и маленькой груди. Все больше она привыкала и к имени. Она стала замечать, что всё чаще называет себя в мыслях Майей. При этом испытывала горечь и обиду, но новая жизнь текла своим чередом. «Ангелы, конечно, правы. Мне было бы лучше совсем забыть про старую семью. Пока это только причиняет мне страдание. Хотя ... старое знакомство помогло мне справиться с новыми врагами». Ве-

ра долго думала на тему жизни и смерти. Победа над сатанистами придала ей сил и желания развиваться в новой жизни дальше: она решила, что не будет сопротивляться своему внутреннему я и отныне будет называть себя Майей.

Побег

Майя стояла в холле приемной комиссии Смоленского филиала Национального исследовательского университета МЭИ и радовалась тому, что подала документы на поступление. Ровно как она и хотела – на факультет теплоэнергетики. Экзамены она сдала очень хорошо и не сомневалась, что вскоре будет зачислена в университет. Вокруг молодые ребята знакомились друг с другом, но ее не интересовали сверстники, и она вернулась домой. Анна Павловна была на работе, дети с отцом на прогулке, так что поделиться своей новостью было не с кем. Родители вообще были в шоке от происходящего: мать долго не могла поверить, что ее дочка сдала все предметы ЕГЭ успешно, а отец считал, что она разыгрывает их, говоря, что собирается учиться в университете.

Пока никого не было дома, Майя решила осуществить свое давнее желание и позагорать на крыше дома. Благо в Смоленске в отличие от Петербурга многие чердаки были доступны для посещения. Она надела свой паучий купальник, натянула платье, взяла книгу, старое покрывало и отправилась на чердак. Майя поднялась на последний этаж в подъезде своего дома и дальше по лестнице на еще один пролет вверх, и оказалась у двери, которая вела на чердак. Та, как и ожидалось, была незапертой, и девушка прошла внутрь. На чердаке было темно и пыльно, валялось много хлама. Здесь

также было множество проводов и кабелей, подвешенных на стропилах или лежащих на полу. Всё это тянулось к антеннам и блокам различных провайдеров интернета. Выглядело это забавно. Посреди чердака старого дома, построенного много-много лет назад, стояли маленькие аккуратные белоснежные коробочки с разными надписями типа «Ситиком» или «Маннет». Вера не стала задерживаться тут, нашла слуховое окно и через него выбралась на крышу.

Наверху дул теплый ветерок, солнце припекало, а над головой проплывали облака. Майя осмотрелась. Плоская крыша дома была обшита каким-то черным материалом, напоминающим рубероид. Здесь находились пара слуховых окон, несколько антенн и вентиляционные выходы. Остальное пространство было свободным. Майя расстелила покрывало на шершавой поверхности кровли недалеко от слухового окна и села. «Какой все же красивый Смоленск!» – думала она, созерцая город с высоты пятиэтажного здания. Жителям мегаполисов не доступна линия горизонта, ведь все кругом застроено большими домами. А тут взгляд отдыхает, ведь есть возможность видеть вдаль. Успенский собор зазвонил колоколами. А вокруг него, как и несколько столетий назад, располагались маленькие жилые деревянные домики. Холмистая местность города не позволяла строить здесь многоэтажки, и в этом было свое очарование. Майя легла на спину, думая о своем будущем. Радость от подачи документов в университет быстро прошла. С одной стороны, она лю-

била свою профессию и хотела бы и дальше работать в ней. Но с другой – она имела все нужные для этого знания и не нуждалась в обучении. «Как же, наверное, будет скучно сидеть на занятиях». За своими размышлениями Майя не заметила, как на крышу поднялся человек. Заметив симпатичную полураздетую девушку, он приблизился к ней.

– Добрый день! Загораете? – спросил мужчина.

– Ой! А вы что тут делаете? – испугалась Майя и села на покрывало.

Молодой человек улыбнулся в ответ.

– Не волнуйтесь, я вас не обижу. Я – художник и фотограф. Мой друг, ваш сосед по дому, не раз мне рассказывал, какие красивые пейзажи открываются с крыши вашего дома, вот я и решил попробовать поработать здесь. Но сначала маленький фуршет!

После этих слов он пошел в центр крыши и стал раскладывать небольшой столик. Из своей сумки он достал бутылку шампанского, сырную нарезку, конфеты и одноразовые стаканчики. – Хотите присоединиться к нам?

Майя замешкалась. Какой-то незнакомец с утра пораньше предлагал ей выпить. Хоть и симпатичный конечно: высокий, с длинными белыми волосами, убранными в хвостик. Она поняла, что загорать больше не получится. Не будет же она здесь лежать, пока он ест и выпивает. Замечательная перспектива! Майя встала и начала собирать покрывало.

– Только не уходите, пожалуйста, я не хотел вам мешать.

Хотите, я вас как-нибудь пофотографирую? Устроим фотосессию, – предложил молодой человек, но Майя не обращала на него внимания и продолжала собираться.

– А как вас зовут? – с отчаянием в голосе произнес он, но тут на крыше появился Николай.

– А ты что здесь делаешь? – спросил он, обращаясь к Майе. – А ну марш домой!

– Николас! Что ты такое говоришь? – воскликнул художник.

– Это моя соседка, Майя. Я рассказывал тебе про нее, – ответил он быстро, словно бросив. – А ну давай домой!

Николай подошел к девушке, накинул на нее покрывало, которое она уже сложила, вручил в руки книгу и подтолкнул в сторону выхода.

Майя была возмущена таким «джентельменским» поведением Николая – вообще-то она на крышу дома пришла первая! Но делать нечего: раздосадованная, она вернулась в квартиру. «Откуда вообще у мента могут быть друзья – художники?» – негодовала она. Потом вспомнила умоляющий взгляд красивого белобрысого незнакомца на крыше и подумала, что в прошлой жизни столько внимания со стороны мужского пола у нее не было. Раньше никто вот так сразу не бросался за ней ухаживать. Сначала она знакомилась с людьми при каких-то обстоятельствах, затем между ними завязывалось общение, и только спустя некоторое время за ней принимались ухаживать. Своего внимания она добива-

лась через общение, разговоры, во многом благодаря своему внутреннему содержанию, что считала очень правильным. Встретаться надо не из-за внешности, человек должен привлекать как личность.

Майю нельзя было назвать красавицей, но смазливое личико делало свое дело. Поначалу, когда люди вокруг проявляли к ней повышенное внимание, она думала, что с ней что-то не так. Например, когда ехала в автобусе и вдруг какой-то парень начинал разглядывать ее, ей сразу приходила мысль, что она, наверное, чем-то перепачкала лицо, потекла тушь или что-то не так с прической.

Мысли Майи прервал звонок в дверь. Она посмотрела в глазок и увидела там того самого художника. «Женская магия сильна как никогда», – сказала она про себя и открыла дверь.

Молодого человека звали Артур, он долго извинялся за произошедшее на крыше, восхищался ее красотой и вручил ей какую-то рекламную бумажку агентства фотомоделей со словами, что такая красивая, стройная девушка просто создана для этого. При агентстве есть школа фотомоделей, а ее директор – его старый хороший друг. Майя поблагодарила Артура и распрощалась. Сперва она решила, что это пустое дело и бросила визитку на подоконник в своей комнате. Но потом подумала, что глупо будет учиться в университете заново и не работать. Возможно, стоит пойти на заочный факультет, а в свободное время начать зарабатывать. По специ-

альности ее не возьмут, поскольку нет диплома об образовании, а вот подработать фотомodelью вполне можно. Она позвонила по телефону, указанному в визитке. Ее пригласили на просмотр в ближайшую среду в одиннадцать часов дня и попросили прийти строго к указанному времени, поскольку претенденток будут запускать небольшими группами. Майя сбегала купила себе изумрудного цвета купальник и черные туфли на каблучке, но ее все еще мучали сомнения – стоит ли участвовать в кастинге.

Она помнила все свои установки из прошлой жизни и наставления родителей насчет модельного бизнеса: и платят мало, и худеть заставляют чрезмерно, да и вообще чуть ли ни в проститутки записывают. Но все же на самом-то деле ей давно не семнадцать. Скорее всего, с высоты своего жизненного опыта она сможет разглядеть опасность. Как только предложат что-то неприличное, она сразу сделает ноги.

В назначенный день Майя приехала в агентство фотомodelей под названием «Астория». В небольшом прямоугольном холле была стойка регистрации и пару кожаных диванчиков цвета молочного шоколада. На стенах висели портреты фотомodelей. Среди них она узнала темнокожую красавицу Наоми Кэмпбелл, скандалистку Кейт-Мосс, Кару Делевинь и Жизель Бундхен. Остальные ей были неизвестны. Помимо Майи здесь находилось еще пять девушек, по-видимому, таких же претенденток, как и она. Симпатичные, с яркой внешностью, среди них была и азиатка. Они сразу оки-

нули ее оценивающим взглядом. Майя обратилась к сотруднице на ресепшене и представилась. Та попросила ее подождать внизу, сообщив, что скоро за ними спустится сам директор агентства, он всегда лично участвует в кастинге моделей. Девушки уже успели познакомиться друг с другом и хихикая перешептывались, периодически посматривая то на нее, то на сотрудницу ресепшена. Вскоре появился директор кастинга: лысый мужчина лет пятидесяти, с ярко лимонным шарфом на шее. Он окинул собравшихся девушек взглядом, подошел к рыженькой девчонке в джинсовой куртке и слегка гнусавым голосом с манерой тянуть слова произнес: «Вы свободны». Девушка возмущенно закатила глаза и сказала, что она может раздеться прямо сейчас, и он убедится, что у нее нормальная фигура. На что тот ответил, что ее второй подбородок он увидел еще спускаясь с лестницы. Потом демонстративно развернулся к ней спиной и пригласил всех остальных следовать за ним.

Они поднялись по лестнице и направились по длинному светлomu коридору с рядом дверей, в конце которого располагался небольшой светлый зал. Одна из стен от самого потолка до пола была в зеркалах. В зале находился молодой парень-фотограф и еще какая-то пожилая сотрудница с папкой для бумаг. В одном из углов помещения была ширма. Претенденткам сказали надеть купальники и пройти по одной по диагонали через зал. Девушки переоделись и выстроились в очередь, Майя встала последней. Первую дефилирующую

остановили на середине зала и попросили повернуться вокруг себя, а затем пройти в обратную сторону.

– Неплохая, – констатировал директор агентства.

– Антон, у нас такого типажа девушек полно. Да, фигура есть и лицо ничего. Но нужна ли нам еще одна такая модель? – возразила сотрудница с папкой для бумаг директору агентства. Тот махнул рукой и произнес, что девушка свободна.

Следующей пошла азиатка. Майе показалось, что она не чистокровная азиатка, там явно намешана славянская кровь, но девушка имела интересную внешность.

– Однозначно да! – воскликнул Антон.

– Обожаю азиаток! – вторил фотограф.

Будущая модель заулыбалась и побежала за ширму. Третью девушку остановили почти сразу, как она начала свой путь. Указали ей на неподходящую фигуру. Та обещала похудеть, но Антон был непреклонен: «Когда похудеешь, тогда и видно будет, а сейчас свободна». Майя не понимала, где они там узрели лишний вес. Пожилая женщина указала на «полные бедра» девушки, но Майя не заметила там ничего лишнего. Видимо, у них какой-то свой особый взгляд на фигуру. Настала очередь Майи. Она немного волновалась, идя по залу, ее попросили распустить волосы и покрутиться на месте.

– Вы нам подходите! – заявил Антон.

– Да. Приятная внешность у девушки и фигура непло-

хая, – оценила сотрудница.

– Она напоминает мне модель Кармен Касс. Разрез глаз, скулы. – заметил фотограф.

Отобранным девушкам выдали анкеты для заполнения и расписание занятий для обучения модельному мастерству. Майя со всеми познакомилась и, довольная, вернулась домой. Ей не терпелось посмотреть на модель Кармен Касс: насколько они похожи друг на друга? В интернете она нашла ее фотографии и биографию. Это была эстонская девушка, и у них действительно было много общего: выразительные скулы, аккуратный нос, форма головы и главное – взгляд.

Тем временем Майя по-прежнему продолжала общаться с Илоной. По сути, это был ее единственный друг. Весь июль Илона жаловалась на свою смоленскую подругу, через которую она нашла чат служителей тьмы, а та, в свою очередь, сделала это через двоюродного брата. Илона рассказала, что некая девушка под именем Мириада проникла в чат и привела к конфликту между смоленскими группировками сатанистов. Теперь они ищут ее. «Моя подруга пишет, что дала контакт чата не для таких дел, и обвиняет меня в том, что я допустила проникновение туда постороннего, которому плевать на сатанизм. Скажи мне, ты причастна к этому событию?» – спрашивала Илона. Майя все отрицала. Илона нервничала: ее-то, понятное дело, никто не достанет, а вот приятельнице и ее брату угрожают расправой. «Моя подруга чуть ли не каждый день пишет мне с наездом, что я скрываю твое

имя», – в очередной раз писала Илона. Майя чувствовала себя виноватой. Никто из сатанистов давно не тревожил ее, но другие люди оказались крайними в этой ситуации. В конце концов, она созналась, что общалась в чате от имени Мириады и выдумала историю с продажей иконы. Майя рассказала подруге всё: об американском коллекционере, который прислал фотографии иконы, о придуманном нападении в подъезде, о надеждах на стычку двух группировок на кладбище в полнолуние. Илона поругала ее, хотя и понимала, что у нее на то были веские причины – она это сделала не для развлечения. Но в то же время Илону восхитил план подруги. «И ведь действительно от группировки «Глаз дьявола» не осталось ничего, она просто распалась. Многие получили тяжелые травмы и боятся объединяться вновь, радикальные сатанисты запретили им выдавать себя за последователей Сатаны. Обещали расправу, если они будут вновь прикрываться именем дьявола». Что же касается полнолуния, писала Илона, то на самом деле это неважно: радикальные сатанисты итак знали, где искать сектантов «Глаза дьявола». А те виноваты сами: когда Ацирус спросил их об иконе, они стали хамить и хвалиться собой, ну вот и получили по полной.

После долгого разговора по душам Майя дала разрешение Илоне сказать свое имя ее смоленской подруге, но с условием не говорить про историю с племянницей. Она соврала Илоне о том, что сменила место жительства и найти ее очень сложно. Спустя несколько дней от Илоны пришло письмо:

«Я назвала твое имя, но вскоре подруга заявила, что у нее есть знакомая, которая работает в ЗАГСе. И она узнала, что такой человек умер больше трех месяцев назад. Просто чертовщина какая-то! В общем я, потеряла смоленскую подругу, очень жаль. Все так по-дурацки получилось!»

Еще через день Илона написала в ватсапе: «Я позвонила Вериней матери, она подтвердила, что Вера умерла. У меня вопрос – ты кто?» Майя оцепенела, прочитав это. Илона продолжала писать: «Слушай, я понимаю, что скорее всего ты тоже моя старая подруга, такая же, как и Верочка. Но кто именно? И на связь со мной ты вышла только ради решения проблем с сатанистами – значит, ты из Смоленска? А имя скрыла, чтобы тебя не могли найти. Знаешь, я не выдам тебя всё равно. Во-первых, моя смоленская подруга заблокировала меня везде; во-вторых, мне всё равно ничего не грозит – я живу в Мексике; а в-третьих, ты ведь тоже моя подруга. Ты очень много знаешь про мое детство и юность, вообще про меня. Такое может знать только близкий человек. Не смогла бы тебе Вера все это рассказать обо мне. Так кто ты на самом деле? Просто назови своё имя». Майя почувствовала, что по ее лицу текут слезы. Единственный человек из ее прошлой жизни, с которым она могла и хотела продолжать общение, был теперь потерян для нее. Что бы она ни сказала в ответ – ей не поверят. А даже если бы и поверили – не дай бог, Илона не сдержится и передаст все это ее детям. Это так плохо скажется на их психике. Они только похоронили мать, зачем

снова подвергать их такой нервотрепке? «Этого нельзя допустить», – прошептала Майя. Перед тем, как удалить номер Илоны с телефона, а вместе с ним и всю их переписку, она написала: «Прости, я не могу. Я дала слово держать всё в тайне. Да, я тоже твоя подруга».

Все оставшееся лето Майя ежедневно, за исключением выходных дней, посещала занятия по модельному мастерству. Оплату за обучение позже обещали вычесть из зарплаты. Их учили позировать, держаться на публике, дефилировать, красиво носить откровенно неудобную одежду и даже сделали им три урока хореографии в неделю. Иногда на занятия к ним наведывался Антон: как позже открылось, он и был другом Артура. Антон комментировал работу девушек и был при этом абсолютно безжалостен, чем пару раз вызвал слезы у своих подопечных. Но также он рассказывал им о сфере моды, об истории возникновения модельного бизнеса, об известных персонах. Он умел вдохновлять. Просил не путать агентство с притоном. И если у будущих работодателей возникнет хоть намек на неприличности, то просил сразу об этом сообщать директору агентства и ни в коем случае не принимать непристойные приглашения. Не позорить имя модельной школы. Педагог по дефилированию, хрупкая высокая женщина, советовала не соглашаться на предложения от бизнесменов сопровождать их куда-либо. Даже если речь идет не об интиме, а лишь о сопровождении. «Но только вам решать – модели вы или девушки на побегушках. Запятнав

однажды свою репутацию, восстановить ее будет ох как не просто», – объясняла она им.

Майе нравились занятия, она открыла для себя мир моды. В прошлой жизни она была очень далека от всего этого. Родители Веры убеждали ее, что относиться к модельному бизнесу надо осторожно. Он таит в себе много опасностей. И вообще советовали не связываться с этой сферой. Как и например со сферой театра, кино, с любым другим шоу-бизнесом. Якобы люди там работают неприличные и деньги там грязные. Теперь Майя думала, что они все сильно преувеличивали. Если юная модель не хотела интимных отношений, никто ее к этому не принуждал. Каждый решал сам за себя. Впрочем, юность ее прошлой жизни попала на девяностые, так что обвинять родственников в предвзятости было сложно. Времена действительно были тяжелые – возможно, тогда все эти непристойности процветали.

В августе Майю зачислили в университет, она выбрала заочную форму обучения. Осенью начались занятия, правда на заочном отделении они бывали лишь изредка, но регулярно проводились консультации. Майя читала книги и делала задания, трудностей у нее не возникало. Одновременно она продолжала посещать модельную школу при агентстве. Со всеми девчонками она была в хороших отношениях, но толком ни с кем не сдружилась. Ей не были интересны ровесники, их разговоры о романах и развлечениях. Взрослые же сотрудники не воспринимали ее всерьез, хотя охотно общались

с ней и признавали, что развита она не по годам. Несколько тридцатилетних ребят, работающих в агентстве, пробовали ухаживать за ней, но Майе это было не нужно. Среди прочего к ней регулярно заходила Люба, которая осенью должна была отправиться на практику в Великие Луки.

В последний день августа у Майи был день рождения. Она помнила об этом, но праздновать свое восемнадцатилетие не собиралась, ведь на самом деле это не ее праздник, она-то родилась в декабре в Петербурге. Анна Павловна же как-то между делом обмолвилась, что в этот день испечет вишневый пирог. Раньше всех в день рожденья Майи ее поздравила Люба. Она забежала в десять часов утра, когда Майя только успела позавтракать и привести себя в порядок. Подруга подарила ей лак для ногтей и коробку шоколадных конфет. Майя поблагодарила ее, они немного поболтали и Люба ушла. Не прошло и пяти минут, как подруга вновь появилась на пороге квартиры.

– Майя, там Джонни приехал! Прикинь! – говорила возбужденно Люба.

– Какой Джонни? – спросила удивленная Майя.

– Ну ухажер твой! На мотоцикле. Который бросил тебя весной! Ты что, забыла? – с негодованием спросила Люба.

Майя вспомнила историю, рассказанную главным врачом в смоленской больнице. Из-за неразделенной любви Майя спрыгнула с мотоцикла на полном ходу. За рулем был ее возлюбленный.

– Джонни приехал поздравить тебя с днем рождения, – продолжала говорить Люба.

– О господи! Еще его не хватало! – вырвалось у Майи вслух. – А его можно как-то убрать? – спросила Майя окончательно растерявшись.

– В смысле убрать? Ты о чем вообще? – удивленно спросила Люба.

– Я к тому, что можно с ним как-то не встречаться? Сказать ему, мол, Майя тебя видеть не хочет, езжай на все четыре стороны и всё такое.

– Я должна сказать? – ошарашенно спросила Люба.

Майя подумала, что, наверное, это плохая идея. Она один раз уже бегала от прошлых знакомых и друзей бывшей хозяйки ее тела, в результате получилось не очень хорошо. Вместо того, чтобы поговорить с теми же сектантами, почитать их письма и объясниться с ними, она пряталась от них. А если бы поговорила тогда, то возможно и не стали бы сатанисты мстить ей. Майя твердо решила выйти на улицу и встретится с Джонни сама. Она надела вместо домашних тапочек туфли и вышла из квартиры. Люба последовала за ней, ей было ужасно любопытно, чем закончится эта встреча. В нескольких метрах от подъезда сидел парень на мотоцикле, в руках у него был черный шлем. Симпатичный, но, судя по выражению лица, не обременённый интеллектом.

– Эй, Майка, привет! А вот и я! – нараспев прокричал Джонни на весь двор.

Он повесил шлем на руль, слез с мотоцикла и распахнул руки в стороны: видимо, он ожидал, что Майя бросится ему в объятья. «Во блин, попала» – подумала про себя Майя.

– Ты всё еще дуешься, малая? – спросил самоуверенно Джонни.

Майя не знала, с чего начать разговор, поэтому просто переминалась с ноги на ногу.

– Эээ! Смотри, что я тебе привез, красотка! – в этот момент Джонни достал из кармана своей кожаной куртки какую-то железную цепь с крупными звеньями. – С днюхой! Ты ведь о такой мечтала, да? – сказал он, подойдя к ней и буквально вложив эту цепь в руки.

Майя зачем-то ее взяла. Наконец, она собралась с мыслями и заговорила:

– Послушай, Джонни, тебе не стоило приезжать. Я начала новую жизнь. Думаю, тебе со мной будет скучно. Так что, пожалуйста, возьми эту свою цепь обратно. Меня больше не интересуют подобные вещи. Спасибо за поздравление и всего хорошего! – Майя повесила цепь через плечо Джонни, а тот всё это время смотрел на нее, выпучив глаза.

– Да ты че, вообще ох..ела!!! – сказал он, схватил ее за плечи и пару раз потрянул. – Ты думаешь, я за тобой бегать буду? Я сейчас на концерт еду. Давай садись, дура, если хочешь быть со мной.

– Не хочу. До свиданья! – сказала Майя и ушла в подъезд. Всё это время Люба стояла рядом с мотоциклом и на-

блюдала за происходящим, попеременно переводя взгляд с Майи на Джонни и обратно. Похоже, она тоже ожидала, что подруга встретит бывшего парня с распростертыми объятиями. Майю это даже как-то обидело. С чего бы это она должна быть в восторге от его приезда? Впрочем, Люба никогда не отличалась умом и сообразительностью.

– Это надо же – влюбиться в такое чмо! И имя дурацкое – Джонни. Хотя это скорее всего прозвище, – размышляла про себя Майя.

Она прошла к себе в комнату, села на диван, как вдруг в дверь позвонили.

– Вот же гад! Приперся опять! Я что, непонятно объяснила? Вот как с такими людьми общаться! – Майя схватила со стола большие портновские ножницы Анны Павловны, которые оставила Полина у нее в комнате, когда занималась кукольной одеждой. Потом она прошла в коридор и левой рукой с размаху открыла входную дверь, а в правой держала ножницы на уровне бедра:

– Я же сказала ... – со злобой говорила Майя.

На пороге стоял Николай. На его плече висела небольшая спортивная черная сумка.

– Что-то случилось? – спросил он встревоженно.

– А-а-а! – глубоко вздохнула Майя. – Я думала, это другой человек. Извини!

Майя аккуратно спрятала руку с ножницами за спину, решив, что сосед ничего не заметил. Николай прошел в кварти-

ру, закрыл за собой дверь, поставил сумку на пол, затем подошел к Майе вплотную и слегка наклонился над ней. Майя смутилась. Она уже было подумала, что он хочет поцеловать ее, но Николай осторожно вынул из Майиной руки ножницы, спрятанные за спиной.

– Пойдем-ка, расскажешь мне, кого ты ожидала увидеть, – сказал Николай, подобрал с пола свою сумку и прошел в ее комнату.

Майя последовала за ним. «Всё-то он видит! Хотя чему удивляться, он же полицейский, они под это заточены» – думала про себя Майя. Она рассказала Николаю всё как есть. Что вообще не помнит этого Джонни, что он показался ей достаточно агрессивным и она боится преследования, как в случае с Митькой, который обрезал ей волосы. Николай обещал поговорить с ним и сказал, что тот больше ее не потревожит. А если такое произойдет, то она сразу должна ему об этом рассказать. После этого он поздравил ее с восемнадцатилетием, пожелав оставаться такой, какой она стала после аварии с мотоциклом, и достал два небольших пакета из своей сумки. В одном были красивые пряники с узорами, а в другом – шоколадные конфеты.

– Был в Ярославле в командировке. Оттуда привез. Пряники – это, можно сказать, их достопримечательность. Очень вкусные, – сказал Николай, протягивая пакеты.

– Спасибо! – поблагодарила Майя.

– А с Женей я поговорю, не волнуйся! – сказал Николай,

вставая с дивана.

– Его зовут Евгений? – спросила удивленно Майя.

– Да. Джонни – Женя. Пока, Майка, – сказал Николай и вышел из комнаты.

С сентября модельное агентство стало привлекать самых продвинутых в обучении девушек к фотосессиям. Некоторые компании приглашали моделей для рекламы своих продуктов и в качестве хостеса – встречать гостей на каком-либо мероприятии. На одном из таких событий присутствовала и Майя. Она и еще одна девушка стояли на входе в день открытия Смоленского ресторана. Для трех часов, проведенных у дверей, девушки неплохо заработали, что очень их порадовало. Позже Майю вместе с другими начинающими моделями пригласили участвовать в рекламе нового гостиничного комплекса в пригороде Смоленска. Девушки позировали на территории комплекса: на гамаках, в лодках на озере, в местном ресторане, прогуливались по прилегающему парку. В общем, изображали приятный отдых. Бывали и необычные проекты от каких-нибудь организаций. Так общество защиты природы просило прислать пару фотомоделей из агентства для позирования на фоне мусора. Майю в тот раз не пригласили, хотя сам Антон утверждал, что она с ее естественной красотой больше создана для фотосессий на фоне природы, чем для подиума.

Однажды их посетил Артур и сказал, что хочет, чтобы в его художественном проекте приняла участие Майя. Они вы-

ехали за город к лесному озеру. Майю загримировали, одели в образ ангела и положили ее в лодку, усыпанную цветами. Она думала о своем и смотрела на небо, проплывающие мимо облака, на вершины больших могучих сосен, которые как будто образовывали купол над озером. Фотографии и набросок у Артура получились очень удачными. Он изо всех сил пытался продолжить отношения после съемок: регулярно звонил и заходил в модельную школу, но Майе удавалось избегать его. Как-то раз он пришел к ней домой, а в это время отец семейства Вавиловых был в очередной запойке. Он открыл дверь, едва держась на ногах:

– Чего тебе, волосатый, надо? – спросил отец, держа в руках маленький топорик, которым только, что колол орехи для своих двойняшек. Артура след простыл. Больше он домой к Майе не навещался.

В середине октября агентство сообщило, что есть заказ на загородную фотосессию на фоне лиственного леса. Майя уже привыкла к приглашениям работать за городом. В назначенное время к модельному агентству подъехала машина и повезла ее и еще нескольких девушек в Смоленскую область. В этот раз ее коллегами были Влада – блондинка с огромными голубыми глазами и внешностью под мальчика, и Женя – высокая шатенка, ходившая вместе с Майей на занятия в модельной школе. Влада окончила курсы агентства в прошлом году, Майя лишь иногда пересекалась с ней в коридорах модельной школы и знала ее поверхностно. С Женей же

она была знакома хорошо. Та была разговорчива, но не умела слушать: возникало такое ощущение, что девушка разговаривает сама с собой. Майя поначалу пыталась следить за тем, что Женя говорит, но потом поняла, что это просто поток мыслей – что вижу, о том вещаю. Видимо, Жене было все равно, кто собеседник. Главное, что она говорит в присутствии человека, а значит, все нормально. Когда интонация Жени становилась вопросительной, Майя начинала слушать, что та рассказывает. Как оказалось, этого вполне достаточно.

За пределами Смоленска водитель какое-то время жаловался, что машина барахлит, а потом и вовсе остановился, сообщив, что автомобиль сломался и дальше он не поедет, но заказчик уже прислал другую машину, чтобы доставить их до места фотосессии. Девушки пересели в фургон. Две прикрученных к полу скамейки напротив друг друга и полная изоляция от водителя. Им дали фонарик.

– Замечательно! – возмущалась Женя. – Что это за колымага! Мы же модели! Как можно возить нас на такой машине, будто дрова!

– Странно все это. – рассеянно ответила Майя, внутри у нее нарастала тревога.

Девушки ехали три часа, интернет работал с постоянными перебоями, никто из девчонок так и не понял, куда их везут. Майю немного укачало от такой поездки. Наконец, автомобиль остановился и им разрешили выйти. Они были в деревне. Самая обычная заброшенная деревня, полуразвалив-

шиеся домики с почти сгнившими заборами. С одной стороны деревни шел сосновый лес, с другой – поля. «Мы что в жанре хоррор будем сниматься?» – промелькнуло в голове у Майи, когда она увидела окружающую разруху. Правда, воздух здесь был очень вкусный, насыщенный кислородом и ароматом хвои.

– Чертоги Бабы-Яги, – сказала ухмыляясь Влада.

Водитель фургона (широкоплечий высокий мужчина с грубыми чертами лица, будто высеченными топором неумелыми руками) и его маленький худенький спутник с крючковатым носом и в кожаной куртке попросили девушек не задерживаться и следовать за ними. Они пошли к дому, окна которого были заколочены, но сама изба сохранилась неплохо в сравнении с другими соседскими домиками. Ветхий невысокий забор местами прогнулся. На участке стеной стоял разномастный высохший к осени бурьян. Рядом с калиткой, покрытой местами мхом, была расположена покосившаяся от времени деревянная лавка, дальше шел колодец и росли какие-то кусты, но разглядеть Майя не успела, мужчины торопили их.

Девушки вошли в дом, поднялись по лестнице из четырех ступенек. Видимо когда-то это было крыльцо дома, но со временем его обшили вагонкой и сделали сбоку окно, превратив в небольшое помещение. Дальше они попали в сени с тремя дверьми. Одна из дверей была приоткрыта, за ней виднелся крытый двор. Похоже, там когда-то держали скот.

За второй виднелся чулан, а третья вела непосредственно в жилую часть. Девушки зашли туда. Здесь тоже все было по старинке. Напротив входной двери стояла русская печь с лавками. Справа от нее была кухня, слева столовая, которая дальше переходила в горницу. В ней располагался платяной шкаф, две двухспальные кровати возле стен, стол и продолжение русской печки – лежанка. Был здесь и так называемый красный угол со страшной почерневшей от времени иконой. В доме царила атмосфера заброшенности: похоже, хозяева при отъезде вывезли все, что было дорого их сердцу, оставив лишь одну мебель.

Тот из мужчин, что пониже, в кожаной куртке, запер дом изнутри. Пройдя в комнату, он грубо скомандовал: «Садитесь!». Дом был остывший и сырой, девушки сели на кровать напротив печки-лежанки.

– Слушайте меня, дурынды! Я вас сюда не для работы привез. Вы – мои заложницы. И пока ваш придурок– директор не выплатит мне должок, вы будете сидеть здесь, – сказал мужчина, стукнув кулаком по стоявшему рядом столу.

Девушки вздрогнули. При этих словах у Майи внутри все упало. А ведь она же чувствовала, что что-то не так! Как только им предложили пересесть в фургон, стало понятно, что происходит что-то не хорошее.

– Из дома выходить только по надобности, – продолжал мужчина. – Из сеней есть дверь во двор, там же рядом туалет. Минимум продуктов лежит в пакете на кухне, хотя вам

жрать не полагается, вы же модели, – ухмыльнулся он. – Во дворе будет сидеть мой человек. Назовем его Егор.

В этот момент в дверях появился водитель фургона. Он смачно плюнул на пол сквозь зубы.

– Если вздумаете бежать, скажу, чтобы пристрелил вас. Окна не открывать, они все равно заколочены. Все понятно?

– А при чем тут мы вообще? – возмутилась Женя.

– А не твое дело! – рявкнул на нее похититель в кожаной куртке.

– А почему Антон захочет выплачивать деньги чужих для него людей? – вмешалась Майя.

– Ну почему же чужих! Влада его племянница, – парировал мужчина.

– Слушайте, так может вы и оставите себе его племянницу, мы-то вам зачем! – возмущенно заявила Женя.

– А затем, что одну ее увезти я не мог, это вызвало бы подозрение, а троих для фотосессии вполне, – пояснил похититель.

– Но сейчас-то мы вам не нужны? – продолжала спорить Женя.

– А сейчас вы слишком много знаете, поэтому сидеть будете вместе. И таки да, если племянницу я еще поберегу, то вас мне проще просто застрелить. Короче, сидите здесь и помалкивайте. В деревне давно никто не живет, так что вой вам все равно бы не помог. Пойду позвоню своему старому другу Антону. А ты, Владушка, пошли со мной, поговоришь

со своим дядькой, – при этих словах он грубо взял девушку за шиворот джинсовой куртки, и они вместе с Егором вышли из комнаты в сени.

Женя запричитала. Майя достала телефон, но ни интернета, ни сети не было. По телу бежала дрожь: то ли здесь так холодно и промозгло, то ли это животный страх за свою жизнь. Она захотела посмотреть комнаты. В столовой у окна стоял старый деревянный стол со стульями. Майя обогнула печь и направилась на кухню через пыльные зеленые занавески, которые чисто символически разделяли два помещения. Здесь на полу перед самым горнилом лежали дрова, чему она несказанно обрадовалась. Майя решила проверить, насколько темно станет в помещении, если выключить свет. Она погасила лампы в кухне и столовой, и наступила ночь, лишь по самым краям заколоченных окон пробивались тонкие струйки света. Майя вновь включила электричество. Неприятный оранжевый свет от ламп забил в глаза.

Вскоре пришла заплаканная Влада, и они вместе вернулись в комнату. Влада села на кровать напротив Женьки и закрыла лицо руками. Наступила немая пауза, которую прервал звук отъезжавшей машины. Видимо, это уехал похититель в кожаной куртке. Влада наконец прервала молчание, но никаких новостей не принесла, нормально пообщаться с дядей ей просто не дали. Женя не умолкала ни на минуту, мучая всех вопросами, что же будет дальше. Майя сказала, что вариантов у них нет, они заперты и надо просто сидеть и

надеяться, что Антон договорится с похитителями. Если повезет, то долго ждать не придется, а пока имеет смысл протопить печку. Девчонки согласились. Майя залезла на лежанку, открыла заслонку дымохода и затопила печь, воспользовавшись Жениной зажигалкой. В скором времени в доме стало тепло. Влада легла на кровать возле окна и отвернулась к стене. Женя достала пилку для ногтей и занялась маникюром. Майя тоже решила отвлечься бытовыми вещами. Она заглянула в платяной шкаф и достала оттуда старое постельное белье, подушки и одеяла. Чтобы ночью не спать на всем влажном, выложила все это на лежанку для просушки.

– Ты как моя мамаша, – сказала Женя суеотящейся Майе.

Позже девушки собрались сходить все вместе в туалет. Они вышли в сени и прислушались. Из-за двери, ведущей на бывший скотный двор, раздавались звуки работающего телевизора и смех Егора. Майя открыла дверь в чулан. С одной стороны там стоял стол, а с другой виднелся ряд полок, заваленных всяким хламом типа банок, старой посуды и одежды. Здесь же было и не заколоченное окошко. Правда такое маленькое, что в него не пролезет даже голова. Но приятно было посмотреть на дневной свет.

– Ну что ты там застряла? Мы же в туалет собирались, – бросила раздраженно Женя.

И все же Майя еще спустилась по лестнице, по которой они поднимались в дом, и тихо подергала за ручку входной двери – вдруг не закрыли. К сожалению, она была заперта.

Затем вернулась к девчонкам в сени. Они вышли во двор и сразу попали на широкую лестницу, один конец которой вел на чердак, а другой непосредственно на бывший скотный двор. Внизу на старом автомобильном кресле сидел Егор, перед ним на табуретке стоял маленький телевизор. Увидев девушек, он окинул их злобным взглядом, но не успел ничего произнести, Женя его опередила:

– Мы в туалет.

Мужчина показал указательным пальцем руки на находящееся рядом с ними в углу небольшое помещение. Женя открыла дверь, внутри был обычный деревенский туалет с дыркой в деревянном помосте. Места там было мало. Длинноногая Женя даже не смогла запереться в нем, колени не давали этого сделать. Дверка так и осталась приоткрытой. Мужчина не сводил с них глаз, пока все девушки не вернулись в сени. Сбежать не представлялось никакой возможности.

Весь вечер девчонки провели одни, если не считать того, что каждые два часа их навещал Егор. Между собой они прозвали его амбалом. Он молча смотрел на них исподлобья и возвращался к себе. Иногда он выходил на улицу покурить. Женя все время что-то рассказывала, любовалась фотографиями в своем телефоне и играла. Влада молчала и иногда плакала. Интернета и сети не было совсем. Искусственный свет от электрических ламп утомлял глаза девушек. Наконец, наступила ночь, и все собрались спать. Влада так и осталась на кровати одна, а Майя с Женей легли вместе.

Через какое-то время Женя и Влада заснули, а Майя не могла сомкнуть глаз от перевозбуждения. Она понимала, что гораздо старше своих компаньенок и обязана что-то придумать. Ну неужели она на пятом десятке лет не может справиться с каким-то тупым гопником у них на охране? Ладно девчонки, они совсем молоденькие, а она не должна забывать, что на самом деле взрослая женщина. А раз так, то и нечего вести себя как ребенок. Неясно, что будет дальше. Скоро уже сутки, как они заперты в этом доме. Если бы у Антона были деньги, он бы, наверное, уже отдал их. Значит, что-то пошло не так. Анализируя многочисленные истории с похищением, Майя осознавала, что все для них может закончиться очень плохо, так что надо действовать, а не сидеть сложа руки. «Думай, думай, ты взрослая бабища! Придумай же что-нибудь!» – говорила она сама себе. Но кроме идеи о том, что нужно обыскать дом и изучить все уголки, ей ничего не приходило в голову. «Какие могут быть интересные места в деревенском доме? – рассуждала она. – Это подпол да чердак. Правда, на чердак нам не пройти, а вот подпол надо бы поискать. В деревне у бабушки в погребе были маленькие окошечки, через которые их кошка Мурка лазила на улицу. Да, выхода в подполе, конечно, не будет, а окно, если и обнаружится там, то еще меньше, чем в чулане. Может, здесь есть где-то прогнившие деревяшки?» Майя заснула с мыслями о том, что в подполе можно спрятаться от похитителей, только какой от этого толк, они же не дураки – дога-

даются, что беглянки внизу.

С утра, позавтракав, Майя собрала девушек в комнате и шепотом сообщила, что планирует исследовать дом, а их попросила постоять на шухере. На кухне она действительно под половиком нашла дверь в подпол. Пока Влада была в сенях на страже, а Женька подстраховывала в кухонном проеме между занавесок, Майя подняла старую крышку подпола. Внизу было темно и пыльно, веяло холодом, но она решила лезть. Включив фонарик на телефоне, Майя аккуратно спустилась по старой деревянной лестнице и осмотрелась. Окон здесь не было. Одна из стен была выложена серым кирпичом, что показалось ей странным. Почему только одна? На земле стояли старые деревянные ящики и железные ведра. Не найдя ничего интересного, Майя вылезла из погреба, и девчонки покинули свои посты. Затем она изучила все стены в доме, заглянула во все шкафы и наконец наведальась в чулан. Там она также прощупала все, что только можно, даже забралась на стол потрогать потолок. Оставалось последнее – проверить пол. Майя сдернула старый половик, осмотрела открытую часть комнаты и нагнулась под стол, где обнаружила еще один вход в подпол. На крышке погреба в самом центре была небольшая щель. «Ну надо же! Зачем им два входа? И что-то я не припомню, чтобы помещение внизу было таким большим».

Майя сообщила о своей находке девчонкам. Было решено дождаться, когда охранник в очередной раз выйдет поку-

рить на улицу, и тогда попытаться поднять крышку погреба. Для удобства стол заранее переставили под окно. Наконец охранник пошел на перекур. Открыть подпол стоило им больших усилий, крышка была тяжелая. При этом издался такой хруст, что все испугались, как бы Егор со два не услышал подозрительные звуки. Майя нащупала лестницу и попробовала спуститься. Внутри все поросло паутиной и было покрыто такой пылью, как будто она попала в яму. Внизу было небольшое помещение с лавкой. Напротив нее – та самая кирпичная стенка. Теперь стало понятно, зачем она здесь. Майя решила там не задерживаться и быстро поднялась обратно. Только девушки закрыли подпол и поставили стол на место, как входная дверь на бывшем скотном дворе закрипела и послышались шаги Егора. Девушки поспешили в дом. Немного отдышавшись, Майя рассказала, что два помещения в подполе изолированы. Есть вероятность, что похитители не знают о существовании второго погреба в доме. А если так, то можно попробовать одну идею. Она предложила спрятаться в погребе ночью. Когда охранник с утра не обнаружит их, то, скорее всего, бросится искать. То есть покинет дом. Вот тогда-то и надо бежать.

– Давайте прямо сейчас там спрячемся, – предложила Женя.

– Нет, девочки, не торопитесь, – отговаривала Майя. – Сейчас неподходящее время, лучше всего будет это сделать ночью. Егор будет спросонья заторможенный и решит, что

мы сбежали. Пойдет нас искать по округе. Вот тогда мы и уйдем через лес в ближайший поселок, а оттуда позвоним в полицию. На дворе октябрь, сейчас быстро темнеет, хотя бы из этих соображений нам не стоит устраивать побег сейчас, – пыталась убедить она девчонок. Влада бросала взгляд по очереди то на Женю, то на Майю.

– А если приедет этот мелкий мужичок и начнет нас здесь резать – кромсать? – спорила Женя.

– Вся эта затея сама по себе безумная! – отвечала Майя, разводя руками. – Она может и не сработать. А вдруг Егор не пойдет нас искать, а решит ждать хозяина или закроет двор на амбарный замок и будет невозможно выбраться? А мы еще и не самые лучшие условия выберем для побега, – пыталась объяснить Майя.

– А почему он должен пойти нас искать? Сбежать-то из дома не реально! – спросила Влада.

– Остается надеяться на его глупость и страх перед хозяином. Не найдя нас ни в доме, ни на улице, он сядет в машину и поедет по деревне. Возможно, даже побоится звонить начальнику. Попытается сначала найти сам. Нам это на руку! И потом, с утра он может просто не дозвониться до спящего хозяина, а тот-то поумнее. Вот этого человека нам нужно бояться вдвойне. Может, дом в его собственности, и он в курсе двух погребов. Для амбала Егора дом скорее всего чужой. Это видно по его поведению, ходит так отстраненно.

– К тому же в любой момент может появиться хозяин, и

мы можем столкнуться с ним во дворе, – предположила Влада.

– Вот-вот! – закивала головой Майя в знак согласия.

– Так вот я и говорю, он сейчас как приедет, так и отрежет нам уши, – заявила Женя.

– У нас нет выбора, девочки, – с мольбой в голосе ответила Майя.

– Мы там всю ночь на лавке просидим? – продолжала ворчать Женя.

– Нет, давайте без безумств. Ляжем спать, как обычно, а в шесть утра переберемся в погреб. В восемь Егор придет нас проверять. К тому же, а вдруг сегодня нас отпустят? Что если Антон передаст деньги похитителю, и мы отправимся домой?

– Как бы это было хорошо! – воскликнула Влада. С этим согласились все.

К сожалению, новостей от похитителей до конца дня так и не поступило. Вечером Майя собрала немного воды и еды. На ночь поставила будильник на вибрацию. Утром она проснулась раньше всех, девушки спали как ни в чем не бывало. До запланированного пробуждения оставалось еще полчаса. Майя прислушалась: дом был будто живой. Казалось, крыша шатается, по чердаку на тонких ножках передвигаются какие-то существа; стены вздыхают от тяжести и протяжно стонут заколоченные окна с просьбой освободить их от многолетнего заключения. Майя вспомнила, как ба-

бушка говорила, что деревянные дома – живые организмы. А на самом деле это дерево рассыхается, в щелях зимуют насекомые и ветер раскачивает старые постройки. Вот и сейчас ветер задувал под старые набитые на окна доски и издавал протяжный звук «ууу». И все же дом было жаль, как и всю деревню в целом. Когда-то здесь кипела жизнь, а теперь разруха и пристанище для нехороших людей. За размышлениями обо всем этом время пролетело быстро. Она разбудила девушек, они оделись и собрались уходить. Влада предложила заправить кровати, чтобы еще больше сбить с толку Егора, но Майя сказала, что лучше так не делать. Пусть думает, что побег был совершен недавно и пустится их догонять.

Девушки тихо вышли в сени и прошли в чулан. В этот раз двигать стол было нельзя, и они залезли под него. Крышка погреба поднялась легче, чем накануне, Женя и Влада по очереди спустились, Майя была последней. Она положила себе на голову крышку подпола и потянула рукой коврик, который раньше лежал под столом. Небрежно накинула его на крышку, которая больно давила ей на голову, а потом присоединилась к подругам. Втроем они с трудом уместились на лавке. Майя попросила девчонок не спать, а то еще свалятся с лавки и нашумят. Женя жаловалась, что в погребе невозможно дышать. Влада включила свой телефон: было принято решение играть по очереди в пасьянс.

– Как дела у Мириады? – спросил Рене. – Опять какие-то всплески энергии приходят от нее.

– Ее опять угораздило попасть в приключение со смертельной опасностью, – ответил грустно Корсар. – Похоже, нам снова придется вмешаться.

– На этот раз что? – поинтересовался Рене.

– Местные бандиты. Но! Благодаря подобным ситуациям Мириада вовсю выполняет поставленную перед ней источником задачу. Она неплохо продвинулась.

– Это замечательно! – сказал Рене.

– Я помогу ей, – убежденно ответил Корсар.

– Ни в коем случае, – категорически заявил Рене. – Пусть сама выкручивается.

– А если у нее не получится? – умоляюще спросил Корсар.

– Значит, мы скоро встретимся и обсудим это. Корсар, я знаю, ты очень близок с Мириадой, ведь вы прожили одну из жизней вместе, но позволь ей справиться самой. В ней огромный потенциал.

– Это была самая первая ее жизнь, и по правилам того времени я, как ее гид, должен был сопровождать Мириаду в ее первом земном опыте. Мы жили в Сирийской деревне, она была такой лихой девчонкой! Кто бы подумал тогда, что со временем у нее будут проблемы по части принятия решений, – погрузился в воспоминания Корсар.

Наступило восемь утра. До девушек донеслось, как наверху хлопают двери – со скотного двора в сени и из сеней в жилую часть дома. Это Егор пришел их проверять после ночного сна. Девчонки замерли и прислушались. Но, кроме зву-

ков ближайших дверей, шумов не было. А если бы не щель в дверце погреба, то, возможно, они и того бы не услышали. Майя на мобильном телефоне засекала, через сколько времени вновь раздастся стук открывающихся дверей. Уже через пару минут входная дверь в жилую часть дома опять хлопнула – Егор обнаружил пропажу. Снова хлопок двери. Пятиминутная тишина и очередная открытая дверь, на этот раз охранник зашел в чулан. Девушки почувствовали, что по полу над ними ходят. Они оцепенели от страха быть обнаруженными. Майе казалось, что удары ее сердца разносятся повсюду. Но Егор ушел.

Вскоре девушки услышали передвижение за кирпичной стенкой, располагавшейся в метре от них. Видимо, охранник спустился в погреб в кухне и осматривал его. Затем раздался его протяжный крик, а следом шум падающих ящиков и железных ведер. И через какое-то время вновь череда открывающихся дверей в доме. Майя решила засечь последнее перемещение Егора и через пятнадцать минут после этого вылезти из погреба. Охранник метался по дому минут двадцать. Девушкам же внизу катастрофически не хватало воздуха. Наконец, всё стихло и прошли долгожданные пятнадцать минут. Было ужасно страшно вылезать наверх, но ждать больше было опасно, Егор мог вернуться. Майя приподняла крышку подпола и увидела распахнутую дверь в чулан, по полу дул сильный сквозняк. Пару минут она прислушивалась к звукам, но в доме похоже никого не было. Тогда

девчонки друг за другом выбрались наверх и через сени вышли во двор.

Егор покинул дом даже не заперев дверь, хотя Майя уже приготовилась открывать ее подручными средствами. Девушки выбежали из дома: как и ожидалось, охранник уехал на машине искать их. Все радовались свежему воздуху и обретенной свободе. На лицах Влады и Жени появилась озорная улыбка. Майя сказала, что надо идти в сторону леса, по деревне нельзя. Девчонки вышли из калитки, перешли через дорогу на другую сторону деревенской улицы и рванули вдоль одного из домов, за которым почти до самого леса тянулся забор. Дойдя до конца участка, они прошли еще метров семь и уперлись в крутой обрыв, густо заросший кустарником. Внизу тек полноводный ручей. Так просто пересечь его было нельзя. Девушки двинулись по краю обрыва, пытаясь найти удобное место для перехода, пока не увидели старый настил через него. Майя ступила на полугнилые скользкие бревна и осторожно перебралась на другую сторону. Влада последовала за ней. Женя решила быстро пройти по мостику, но поскользнулась, упала и ударилась подбородком об бревна. Из рассеченной кожи пошла кровь.

– Ну всё!!! Я не пойду по лесу. Вы с ума сошли, там сейчас мокро и грязно! Как вы себе это представляете? Надо выйти задом по деревне и идти на шоссе, – с упреком говорила Женя.

– Женя, но именно там нас и ждет Егор! Как ты этого не

понимаешь? – пыталась убедить ее Майя. – На дороге нас легко заметить, здесь не так часто ездят водители.

– Да ты вообще задолбала воспитывать меня! Считаешь себя самой умной! – Тут она обратилась к Владе: – Она такая зануда, просто сил нет. Почему мы должны все время слушаться ее? Все-то она знает. Ей столько же лет, как и нам! Нифига она не знает, просто выпендривается.

Майя открыла рот от изумления, Женю понесло:

– Вы как хотите, а я не пойду! – продолжала она.

Влада вопросительно посмотрела на Майю.

– Девочки, решайте сами, но я иду по лесу, – спокойно сказала Майя. Она пошла вперед, не оглядываясь и думая: «Больно надо еще о вас заботиться! Вы не мои дети, чтобы я переживала. Я предлагаю разумные вещи, неужели Женя не может почувствовать это интуитивно? Или у нее слишком раздутое самомнение и пустая голова, в которой вообще редко появляются какие-либо мысли?».

Влада последовала за ней, а Женя осталась на другой стороне ручья и направилась к шоссе. Сети по-прежнему не было, да и телефоны вот-вот разрядятся. Девушки не представляли, где они. Майя предложила и дальше идти в глубину леса, и только через час попробовать выйти на лесную дорожку, которая, по идее, должна привести их к какому-нибудь поселению. Сначала их путь пролегал через сосновый лес, больше смахивающий на парк. Если бы не обстоятельства, то можно было бы наслаждаться природой. Майя лови-

ла себя на мысли, что здесь очень вкусный воздух. Вообще она обожает хвойные леса. Запах детства, когда все летние каникулы она проводила у бабушки в деревне – там на Вологодчине тоже был бор. Вскоре началась березовая роща. Девчонки с унынием посмотрели на золотые березки и осины, которые в городе так радовали глаз, ковер из листвы на земле и уже не легко проходимый лес. Но Майя настаивала, что надо двигаться через него, здесь найти их будет сложнее.

Прошло три часа с момента их побега, но на пути, как назло, не разу не повстречалось ни троп, ни опушек или ручьев, ни каких-либо следов жизнедеятельности человека. Кроссовки стали влажными, ноги гудели, но страх быть пойманными не давал окончательно замерзнуть. Наконец, они увидели длинную канаву и решила идти вдоль нее. Влада удивилась, чем же им поможет грязная канавка, это же не тропинка лесных жителей. Майя объяснила, что эти канавы выкопаны людьми для пожарной безопасности, а значит они приведут как минимум к лесной тропе. Так и получилось, канавка вывела их к лесной дороге, где они немного отдохнули, посидев на старом поваленном от грозы дереве, и пошли дальше. Они шагали, медленно волоча ноги, страх исчез, сменившись усталостью. В какой-то момент Майе показалось, что дорога будто дичает и сужается: она сказала, что лучше повернуть в обратную сторону, так как скорее всего они удаляются от поселения, а не приближаются к нему. Влада тяжело вздохнула, но повиновалась. Майя выключила свой телефон,

чтобы сохранить остатки заряда на звонок Николаю. Именно ему она собиралась звонить, как только будет возможность. Через час девушки заметили вдали первые деревянные домики. Собравшись с силами, они ускорились и вышли из леса. решено было идти задами деревни, а не по центру – вдруг Егор катается по улицам соседних деревень. Неожиданно у Влады зазвонил телефон. Она было хотела поднять трубку, но Майя аж взвизгнула:

– Не бери!!!

Влада выронила мобильник из рук, не успев ничего нажать.

– Это Женя звонит, – сообщила Влада.

– А если Егор? Он может начать нас шантажировать Женей. Скажет, что убьёт ее, если мы не вернемся, – протараторила Майя.

– Может, отбой нажать? – спросила испуганная Влада

– Не надо. Пусть звонит. Как только закончатся гудки, выключи его, а то он скоро умрет у тебя.

– Да он уже почти сдох, – ответила она.

Девушки свернули с лесной дороги направо и пошли по самой кромке леса до ближайших участков. Деревня оказалась жилой, за заборами были ухоженные огороды и сады, подготовленные к зиме. Вскоре девушки вышли на наезженную трактором дорогу: на влажной земле видны были темные полосы от гусениц машины. На одном из участков возле забора стояли три бабушки и разговаривали. Две из них бы-

ли в старомодных плащах серого и синего цвета, а третья в стеганой куртке. И традиционно у каждой на голове был цветастый платок. Они с удивлением посмотрели на девушек. Влада с Майей переглянулись и решили подойти к ним.

– А вы откуда, девоньки? Неужто за грибами ходили? – спросили бабушки, как только беглянки приблизились к ним.

– Здравствуйте! – поздоровались девушки.

Дальше продолжила Майя:

– Мы гуляли по лесу и потерялись. Подскажите, а как называется ваша деревня?

– Светлаково, – ответили бабушки, ахая.

– А какой ближайший крупный город и сколько времени до него на машине? – спросила Влада.

– Смоленск. Часа полтора будет. Да вы промокли все, девоньки. Пойдемте, я вас дома согрею, обсушу, а потом уж и в город отправитесь, – предложила улыбчивая круглолицая бабушка в синем плаще – видимо, хозяйка участка.

Девушки обрадовались, поблагодарили ее и пошли вдоль забора к калитке. Участок у бабушки был большой. Только картофельное поле было соток на шесть, а за ним огород и сад. Голубенький одноэтажный дом с пристроенным скотным двором смотрел окнами на деревенскую улицу. Пройдя внутрь, Майя поинтересовалась, как у них обстоят дела с мобильной связью. Бабушки ответили, что связь в деревне плохая, но есть. Хозяйка представилась Нюрой и сказа-

ла, что лучше всего у нее ловит на картофельном поле возле компостной кучи. Майя оглядела распаханное поле и увидела в дальнем углу насыпанный горкой компост. Подумала и сказала, что сначала все-таки сходит позвонит. Влада последовала за бабушкой Нюрой в избу, а подруги хозяйки разбрелись по своим домам.

Майя, озираясь по сторонам пошла прямо по полю, и без того мокрые кроссовки утопали в свежевскопанной трактором земле. Хорошо еще осень выдалась на удивление сухая и не особо дождливая. Добравшись до кучи компоста, она включила телефон и набрала Николая. Тот сразу поднял трубку.

– Николай! Я нахожусь в деревне Светлаково Смоленской области. Забери меня, пожалуйста, отсюда.

– Майя?! Ты куда пропала. Мать места себе не находит! – выпалил Николай.

– Нас похитили, меня и еще двух девчонок.

Майя сбивчиво стала излагать всю историю. В какой-то момент Николай прервал ее и сказал, чтобы они закрылись в доме у старушки и ждали его приезда. На улицу не выходили. Он выезжает.

Майя нажала кнопку «отбой» и направилась к дому бабушки Нюры. «Вот как я скажу, чтобы она закрылась в собственном доме и никого не пускала? А что если она испугается и прогонит нас, а тут нарисует амбал Егор! Страшно представить, что тогда будет», – размышляла Майя. Она

ступила на крыльцо, сняла обувь, встряхнула ее немного и прошла сперва в сени, а затем в жилую часть дома. Это была тоже классическая русская изба. Напротив стояла русская печь, справа – кухня, а слева – столовая, переходящая в горницу. Правда, этот домик был побольше площадью, чем тот, в котором их удерживали похитители. Навстречу ей выбежала серенькая кошечка, потерлась о ее влажные джинсы, фыркнула и ушла в горницу. Майя последовала за ней. Влада уже пила чай, сидя за длинным прямоугольным столом возле окон. У бабушки Нюры было уютно. На подоконниках комнатные цветы, на каждом окне два типа занавесок: одна плотная ярко-желтого цвета, а вторая – белоснежная кружевная. У стены стоял невероятной красоты старинный буфет из красного дерева и трюмо с зеркалами, внизу которого располагался маленький комод.

Майя присоединилась к Владе, специально выбрав место у самого окна, выходящего на деревенскую дорогу. С одной стороны, отсюда был хороший обзор улицы: если появится фургон, она его увидит. А с другой стороны, если и увидит, то успеет ли сообщить бабушке про опасность и смогут ли они быстро закрыть дом?

Пока Майя была в своих размышлениях, Влада вела спокойную беседу со старушкой. На столе стояла вазочка с пряниками и пиала варенья. На белоснежной скатерти лежал хлеб. Бабушка Нюра налила Майе чай, а та все думала, сказать ли про опасность или нет. Потихоньку она начала согре-

ваться, щеки зарделись, захотелось спать, но расслабляться было нельзя. Влада перебралась на лежанку; бабушка звала Майю присоединиться к подруге, но та делала вид, что допивает чай, а сама все прислушивалась и поглядывала в окно. Вдруг долетел звук приближающейся машины. «Для Николая еще рано», – решила Майя, внутренне напрягаясь. Машина-девятка остановилась у дома, кто-то постучал в калитку. У Майи как камень с души упал – не фургон.

– Кого это принесло? – недоумевала бабуся. Накинув шерстяной платок, подошла к окну, приоткрыла его и крикнула:

– Петрович, ты, что ли? Случилось чего?

– Случилось, – ответил низкий мужской голос. – Зайти нужно, баб Нюр!

– Так заходи, милый, – пригласила его старушка.

– Мне надо, чтобы ты вышла сначала.

– Иду я, иду...

Как только бабушка вышла из дома, Майя приблизилась к боковому окну, выходящему во двор, и осторожно отодвинула занавеску, чтобы была возможность подсматривать. Полноватый пожилой мужчина в полицейской форме прошел на участок, сам за собой закрыл калитку. Видимо, он здесь был частым гостем. Влада с лежанки спросила, что там такое, но Майя приложила палец к губам, призывая к тишине. Хотя это было бесполезно, все равно ничего не было слышно. Мужчина что-то говорил, а бабушка всплеснула руками, поднесла их к лицу: было видно, что чем-то удивлена и од-

новременно расстроена.

– Случилось что-то, – коротко сказала Майя.

– Может, труп нашли в окрестностях? – с ужасом в голове предположила Влада, очевидно намекая на Женю. Майя пожала плечами.

– Они идут в дом, – сообщила Майя.

И действительно, вскоре дверь отворилась, и бабушка Нюра с мужчиной прошли в комнату.

– Добрый день! Кто из вас Вавилова Майя? – обратился он к девушкам.

– Я, – ответила Майя, стоя теперь уже у лежанки.

– Роман Петрович Рубцов, полицейский, – представился мужчина. – Звонил мой коллега, Николай Мамонтов, просил меня подъехать сюда, поберечь вас. Ты, баб Нюр, дверь давай закрывай, нечего на распахку ее держать. Дело такое – нам неожиданности не нужны.

– Так как же! Надо Тамаре да Валентине хоть сказать, что бандиты в селе, – стала возражать старушка.

– Позвонишь сейчас и расскажешь, нечего бегать туда-сюда. Ща как подстрелят тебя за огородами. Телефон тебе для чего дети купили?

– Да не берет у нас тут! – возразила бабуся.

– На чердак лезь, – продолжал настаивать мужчина.

– Ох! – всплеснула руками бабушка и вышла в сени.

Успокоенная присутствием полицейского, Майя наконец-то забралась посушиться на лежанку. Она с трудом сня-

ла влажные джинсы, носки и испытала невероятное облегчение. Разложила вещи на печке и залезла на нее сама, уже было не до стеснения перед чужими людьми. Петрович стал расспрашивать у девушек о похищении, позже к беседе присоединилась и бабушка Нюра. В ходе разговора так и не удалось понять, в какую из местных деревень похитители привезли девушек. По словам Петровича и хозяйки дома, в округе много заброшенных сел, и по описанию места у них намечилось сразу три локации.

Через час подъехал Николай. Петрович с бабушкой вышли на улицу встретить его. Вскоре он появился в комнате. Увидев полураздетую, сиротливо сидящую на печке Майю он заулыбался, подошел к ней, положил свою руку на спину и ласково спросил:

– Ну что, мартышка, ты опять в приключения попала?

– Коллега, давайте я расскажу про обстановку? – вдруг прервал его Петрович.

Николай повернулся к нему и внимательно выслушал. Посоветовавшись, они решили, что Петрович отвезёт Владу в Смоленск домой, а Николай с Майей прокатятся до той самой деревни, где сидели девчонок держали в заложницах. Нужно отыскать третью девушку. Майе ужасно не хотелось возвращаться туда, но Николаю одному было бы сложно найти нужное место. Влада с Петровичем попрощались со всеми и вышли из дома. Майя принялась одеваться. Бабушка Нюра стала рассказывать Николаю об одной из заброшенных дере-

вень в округе: мол, ей кажется, что по описанию больше всего подходит. Майя вспомнила, что кроссовки оставила под стулом у окна. Она подошла к столу, за которым еще совсем недавно они пили чай, бросила взгляд в окно и увидела на улице пробегающую мимо палисадника Владу.

– А почему Влада бежит? – вырвалось у нее от удивления.

Николай, ничего не сказав, выскочил из дома. Майя с трудом натянула влажную обувь на ноги и бросилась вслед за ним. Бабушка Нюра бежала следом за ней.

Дверь калитки была распахнута. В метре от входа на пожелтой осенней траве лежал Петрович, лицо его было залито чем-то темным. «Кровь, – поняла Майя. – У него голова разбита». Рядом с ним – бабушка Нюра на коленях. Она всхлипывала и что-то бормотала под нос, вытирая платком лицо мужчины. Около дома напротив стоял фургон Егора с распахнутыми дверями. Майя перевела глаза туда, куда убежала Влада несколько минут назад, и увидела завязавшуюся драку между Николаем и Егором. Сама Влада стояла неподалеку от них, испуганно прижавшись к забору...

Николай был почти на голову ниже противника и раза в полтора уже в грудной клетке. Егор отчаянно размахивал кулаками, но Николаю удавалось уворачиваться, хотя Майя заметила у него рассечённую бровь – значит, ему уже досталось от этого амбала. И тут Николай нанес Егору быстрый удар в челюсть, тот пошатнулся, и Николай, воспользовавшись моментом, схватил его за голову, просунул ее под

своё плечо, так что шея очутилась под его мышкой, и начал душить. Глаза Егора наливались кровью, становясь красными, он беспомощно махал руками и пытался высвободиться, но Николай с каким-то ожесточением на лице давил его все сильнее, пока тот и вовсе не обмяк и не потерял сознание. Тогда Николай достал наручники из своего портмоне, которое упало перед дракой и надел их валяющемуся на земле Егору, сложив его руки на животе.

Бабушка Нюра вызывала скорую помощь для Петровича, а Майя подошла к всё еще стоявшей у забора и плачущей Владе. Казалось бы, сейчас они были в безопасности, Егор арестован, с ними Николай, но девушка была в ступоре. Оторвать ее от забора оказалось достаточно сложным.

– Он напал на вас на выходе с участка? – спросил Владу подошедший к ним Николай.

– Да, – тихо ответила та. – Он ударил Петровича машинным ключом по голове, когда тот только вышел из калитки. Он упал, а я выбежала на дорогу и бросилась бежать. Я кричала: «Помогите!», но вышло так тихо... Мой голос куда-то пропал! – Влада заплакала, Майя обняла ее и постаралась утешить.

Через несколько минут появилась скорая, Николай с водителем положили Петровича на носилки. Он был в сознании, но молчал. Лицо его было бледным, глаза растерянными. Вслед за отъехавшей скорой прибыли смоленские коллеги Николая. Они забрали Егора и обещали подвезти Владу

до Смоленска.

Проводив всех, Майя с Николаем выдвинулись в сторону заброшенной деревни, которую им подсказала бабушка Нюра. Интуиция не подвела старушку – это была та самая вымершая деревенька. Майя показала дом, где их держали в заложницах. Вокруг никого не было. Майя с Николаем прошли на участок, убедились, что нигде нет припаркованных машин, и направились на бывший скотный двор, дверь которого была настежь открыта. Майя повсюду осторожно следовала за Николаем. Они зашли в сени, но жилая часть дома была заперта на ключ. Николай достал из портмоне какую-то связку отмычек и, немного повозившись, открыл дверь. В доме были разбросаны вещи, валялись сломанные табуретки, чьи-то резиновые сапоги, осколки разбитой посуды. Везде горел свет. Они прошли в комнату и увидели лежавшую на полу Женю. Глаза ее были закрыты. Майя бросилась к ней.

– Женя, что с тобой?

– У меня сломаны ребра. Очень больно. Пить хочу, – с трудом прошептала Женя.

Николай вызвал скорую, потом нашел на кухне бутылку воды и налил ей в чашку. Майя пыталась приподнять голову Жени, чтобы той было удобнее пить, но девушка застонала от боли. Ее накрыли одеялом, ведь дом выстудился. Женя не разговаривала: было видно, что ей плохо. Вероятно, одними сломанными ребрами там не обошлось. Под глазом у нее был большой фингал и несколько мелких ссадин на лице.

Майя, чтобы отвлечь Женю до приезда врачей, рассказала ей про их с Владой приключения и арест Егора; заверила, что теперь все будет хорошо, она подлечится в больнице, а потом отправится домой. После отъезда скорой Майя с Николаем как смогли закрыли дом и тронулись домой на машине в Смоленск. Начинало темнеть.

– На черта ты связалась с этим модельным бизнесом? Что тебе, денег не хватает? Или звездушкой хочешь быть? – ласково обругал ее Николай.

– Не хватает, – подтвердила подавленная и ужасно усталая Майя.

– На что тебе не хватает? Скажи, сколько тебе надо? Я дам, – настаивал Николай.

– Ты же не можешь содержать всех соседских девчонок, – возразила Майя.

– Ты – не все! – выпалил он, посмотрев на нее пристально.

– Неужели? Что ты хочешь этим сказать? – спросила Майя, глядя в упор на Николая.

Николай ухмыльнулся:

– Помнишь, ты однажды спряталась у меня в шкафу?

– Да, – машинально ответила она и тут же спохватилась, что соврала, но промолчала.

– Я скажу тебе так – если бы ты сделала так сейчас, я бы отнесся к этому по-другому.

– Замечательно, – произнесла она, а сама подумала: «Хорошо бы узнать эту историю со шкафом, а то все про это

упоминают, а она ничего не понимает. Надо бы позвонить Любе и всё выведать у нее, уж она-то должна знать».

За окном пошел дождь. Николай включил дворники. Машина ехала плавно, сосед был хорошим водителем. В салоне было тепло, и Майя вновь почувствовала страшное желание спать. Увидев слипающиеся глаза Майи, Николай сказал, чтобы она пересела на заднее сиденье и поспала. Так она и поступила. Она заснула мертвым сном и проснулась только утром на диване в своей комнате. Видимо, Николай перенес ее спящей из машины в дом.

Николая не было дома несколько суток. Хотя соседка уверяла, что он ночует дома, но возвращается очень поздно. Майе не терпелось всё разузнать, как отреагировал Антон, поймали ли организатора похищения и как амбал Егор догадался, что именно в доме у бабушки Нюры спрятались девушки. А пока Майя позвонила Любе и попросила рассказать про историю со шкафом Николая. Люба в очередной раз удивилась выборочной памяти подруги и поведала следующее:

– Через балкон ты забралась к нему в квартиру, сняла с себя всю одежду и спряталась у него в шкафу. Ты тогда была безумно в него влюблена! Он пришел с работы, зашел в комнату, лег на диван – и тут ты такая как выскочишь из шкафа, как бросишься на него! Николай снял тебя, как назойливого котенка, замотал в свое покрывало и выставил за дверь.

Майя потеряла дар речи. Она ожидала чего угодно, но

только не такого. Быстро попросившись с Любой, она попыталась вспомнить, что же она ответила Николаю на фразу «сейчас бы я отнесся к этому по-другому». Вспомнив, подумала: «Вот это стыдоба! Сколько же этой гадкой девчонке было лет? Пятнадцать или шестнадцать. Интересно, что он к ней испытывал, совсем же малолетка была. Надо быть осторожнее».

На пятый день после истории с похищением Николай явился в гости к Вавиловым. Он прошел в комнату к Майе, принес ей сверток шоколадных конфет и рассказал, как все было. Выяснилось, что никаких денег Антон не должен был этому бандиту, тот был самым обычным грабителем. По большому счету, Антону не особо и дорога была его племянница: они мало общались, в его жизни она присутствовала чисто номинально. Кто придумал такую глупость, что он выложит за нее любые деньги – неизвестно. Как бы там ни было, его сестра давно умерла, так что упрекнуть его в равнодушии было некому. Со слов Антона, он решил подождать неделю: глядишь, бандиты отступят, когда поймут, что ему все равно. Также какой-то его друг обещал помочь ему разузнать о похитителях, но со временем Антон планировал обратиться в полицию. Правда, это не спасет его от ответственности, нельзя скрывать сам факт похищения.

– Егор – просто шестерка, так испугался вашей пропажи и гнева хозяина, что не решился сообщить ему о побеге. Более того, он нехило психанул, раскидал вещи в доме и даже не

закрыл дверь во двор.

– Я помню, как он кидал ведра и ящики в погреб и орал как сумасшедший, – сказала Майя.

– Выбежав из дома, он обежал его вокруг, осмотрелся по сторонам. Никого не найдя, сел в свой фургон и поехал по деревенской дороге. Не обнаружив вас там, он поехал искать в лес. Где-то в этом промежутке времени вы вышли из дома и пошли в лес. Вам очень повезло, надо сказать. Егор же опять проехался по деревне и выехал на шоссе, решив подождать вас там. Вот тут-то и попалась Женя. Он схватил ее, благо дорога была пуста, посадил в машину и повез обратно в дом.

– Я пыталась отговорить ее идти к шоссе, но Женя просто неумная. Свою голову человеку не поставишь, увы! – сокрушалась Майя. – Хорошо, что она вообще осталась жива.

– Воодушевленный поимкой, он еще больше уверился в том, что звонить хозяину не надо. Избил Женю, разузнал у нее, как вы сбежали и что планировали делать дальше. Затем отнял у нее телефон и принялся вам названивать. Но ваши мобильники были не в сети. Тогда он поехал по соседним деревням и расспрашивал у местных жителей про двух якобы потерявшихся в лесу девушек. В какой-то момент телефон Влады стал доступен, но она не брала трубку, тогда он позвонил своему старому знакомому хакеру и попросил узнать координаты его местонахождения. И друг помог ему – так он узнал, что вы в Светлаково.

– Значит, я была права, звонила не Женя, а он! – восклик-

нула Майя.

– Да, ты молодец. Повстречав вначале деревни местного пьяницу, он выведал у него, что старушка Нюра принимает у себя гостей. В сельской местности же моментально разносится любая новость – правда, иногда в искаженном варианте. Подъехав к дому, он увидел наши с Петровичем машины, но это не остановило его. Он решил, что сможет справиться и отбить вас. Дождавшись, когда Петрович с Владой выйдут с участка, напал на них. И все бы у него сложилось, если бы ты не увидела в окне убегающую Владу.

– А как Петрович? Он жив? – озабоченно спросила Майя.

– Жив! Только теперь ему дорога на пенсию, до которой он всего-то год не дослужился, – ответил Николай. – А вообще мужик – молодец, он мне очень понравился. Не ёрничал при нашей встрече. Знаешь, некоторые начинают задираться. Мол, вы, городские, считаете себя круче и выше нас, сельских. А тут мы – власть! Вполне мог сказать, чтобы я не лез в не свое дело, так как происшествие не на моей территории. Несмотря на свою внешнюю неуклюжесть и возраст, Петрович крут. Даже после того, как его огрели машинным ключом по голове, он схватил Егора за ногу, чтобы у Влады было время сбежать.

– Да. Он мне тоже понравился. А организатора похищения задержали?

– Конечно. Все понесут наказание. Но это наша внутренняя кухня, подробностей тебе знать не надо. Как у тебя дела?

Как дома? – поинтересовался Николай.

– Пока всё ничего, – с глубоким вздохом сказала Майя.

– Почему это пока? – улыбнулся Николай.

– Отец скоро вернется с очередного рейса. Первый день он адекватный, всем рад, играет с детьми, гуляет с ними в Лопатинском саду, даже на аттракционы водит. А вот на второй всегда уходит в запой. Будет опять песни петь с утра до вечера, а потом валяться в угаре на полу. А уж какой запах тут стоит! Просто невыносимый! Кажется, вся квартира пропахла. Всё никак не привыкну... – вдруг вырвалось у Майи.

Николай покачал головой.

– Ты так выросла за последние три месяца. Прямо-таки эволюционировала.

Майя засмеялась в ответ. Николай еще немного посидел с ней, они попили вместе чай с шоколадными конфетами, затем он попрощался и ушел. В новой семье Майя действительно сильно изменилась. Как ни странно это звучит, она стала более самостоятельной и решительной, чем была Вера в прошлой жизни. Она гордилась тем, как избавилась от сатанистов – можно сказать, спасла город от компании гопников. Придуманый план побега от похитителей ей тоже придал значимости в собственных глазах. В прошлой жизни она воспитывалась в хорошей семье, у нее было все, что нужно для нормального развития. Она получила прекрасное образование, устроилась на работу, где совершенствовала свои навыки и росла профессионально. Затем познако-

милась с молодым человеком из такой же благополучной семьи и родила двоих детей, которым смогла предать всё то, чему ее научили родители. Но никто не учил ее жить с алкоголиком, иметь дело с гопниками, решать конфликтные ситуации с людьми из разных слоев общества. Люди ее круга образовывали своего рода резервацию. Нет, конечно в прошлой жизни ей тоже встречались гопники и алкоголики, но она не вступала с ними в контакт, обходила стороной. Она знала об их существовании, но не общалась. Она бы и нынче так поступила, но жизнь заставила ее взаимодействовать с ними. В каком-то смысле Майя открывала для себя новую сторону мира.

Воодушевленная успехами, Майя запланировала разобраться с проблемой алкоголизма Михаила Ивановича. В ее прежней семье алкоголиков не было, но она знала, что у пьянства всегда есть причина. Человека что-то не устраивает в жизни, он не в силах это исправить и начинает пить. Слышала она также мнение, что в пьянстве мужчины нередко виновата женщина. Отсутствие женщины в жизни мужчины тоже может привести к увлечению алкоголем. У Майиного отца с женой всё было в порядке. Они редко ссорились и делали это больше в ворчливой манере. Было видно, что они любят друг друга. Тогда Майя подумала про работу – вдруг это она вызывает у него такой стресс, что его тянет к бутылке. По рассказам Михаила Валерьяновича было понятно, что быть водителем-дальнобойщиком ему нравилось. Он часто

травил байки и рассказывал разные истории про произошедшее с ним и его знакомыми шоферами в рейсах. «Может, он просто устает от этих длительных поездок, волнуется за доставку груза, переживает, что кто-то может напасть, ведь они ночуют в своих машинах на трассах. Что если попробовать его отвлечь по приезду домой? Первый день он пусть гуляет с детьми, а на второй и третий дни чем-то его занять. А там глядишь, может стресс и сам по себе пройдет, и пить ему не захочется. Только чем же его занять? Надо будет посоветоваться с Николаем», – рассуждала Майя.

Одно она решила для себя наверняка – больше никакого модельного агентства. Правы были ее родители из прошлой жизни, когда говорили, что в модельном бизнесе крутятся большие деньги и много мошенников. Иногда можно просто оказаться не в том месте и не в то время и получить море неприятностей. Лучше просто держаться от него подальше. Поэтому никакого модельного агентства!!!

Рыбалка

В эту ночь Майя плохо спала. Она долго ворочалась в постели и всё никак не могла уснуть. Уже под утро ей приснился странный сон. Будто она все еще в том самом деревенском доме, где их удерживали похитители, а вместе с ней бабушка Нюра, которая приютила их в Светлаково. Бабушка заваривала чай на кухне, а Майя, глядя на закрытые окна горницы, решила, что пора бы их раскрыть. Она подошла к одному из окон и каким-то чудесным образом открыла его настежь. Словно оно не было заколочено досками снаружи. В окне она увидела не двор заброшенного дома, а какой-то городской парк. На центральной дороге, посыпанной гравием, стояли резные деревянные скамейки, а по бокам от них росли могучие исполинские сосны, ели, пихты и другие не так часто встречающиеся в природе деревья. Вдали виднелся большой пруд с фонтаном. Вдруг из леса вышла сама она с Николаем. Майе как будто показывали кино с ее участием. Девушка села вместе с Николаем на одну из скамеек. Он обнял ее и стал целовать в шею, а она улыбалась ему в ответ. Майя смутилась увиденному, отошла от окна и пошла к следующему. Окно распахнулось с той же легкостью, но картина там была совсем другая. Она в теле Веры сидела на полу в гостиной в своей петербургской квартире. В комнате стояла наряженная искусственная елка. Еще маленькие Таня с Леной играли ря-

дом с ней в железную дорогу, построенную из детского конструктора. Майя вспомнила, что это был за день, ее сердце сжалось от боли. Она отодвинулась от окна и подошла к следующему. Открыв его, Майя увидела неизвестную ей молодую женщину, одетую в стиле тридцатых годов. Та стояла на перроне какого-то европейского вокзала. Ее голубой шелковый шарфик развивался от порывов ветра, и она все время поправляла его, чтобы он не налетал на ее изящную шляпку. Старинный поезд с деревянными вагонами медленно подъезжал к перрону, стуча колесами по рельсам и гудя. Через несколько минут поезд остановился, и из вагонов стали выходить проводники. Они ставили небольшие лестницы, чтобы пассажиры могли спуститься на перрон. Одним из первых из поезда вышел пожилой мужчина в костюме, в руке он держал саквояж. Молодая женщина, улыбаясь, пошла ему навстречу. Когда они поравнялись, он обнял ее за плечи, а она что-то начала рассказывать ему. Майя перевела взгляд на комнату, в которой находилась: осталось лишь два закрытых окна. Последнее из них было с черной полусгнившей рамой. Она не помнила, чтобы оно находилось в таком плохом состоянии. Подойдя к нему, она попробовала его раскрыть. Для этого ей пришлось приложить усилие: дверцы разошлись, ручки шатались в разные стороны. Майя поднатужилась, и окно с силой распахнулось. Поток теплого влажного воздуха дунул ей в лицо, и она увидела удивительную картину. В поле какой-то жаркой страны стояла стайка ребятишек.

Они собрались вокруг маленькой щупленькой девочки лет десяти с распущенными волнистыми волосами и в оборванном старом платье. В руках она держала лук и натягивала тетиву под громкие скандирования детей. Она целилась в мишень, установленную на пастушьем столбе в десяти метрах от нее. В качестве мишени была ступица колеса от телеги. Девочка выстрелила – и попала точно в самый центр. Дети загоготали радостным ревом. Майя отошла от этого окна и задумалась: «Откуда в этом доме такие разные виды из окон? Разве такое возможно?»

– Кто эти люди? – спросила Майя вошедшую в комнату бабушку Нюру, которая принесла в горницу вскипевший чайник.

– Не узнала? Это всё ты, Мириада.

На этом моменте Майя проснулась. Во сне ей будто показали сцены из какого-то старого кино, которое она уже видела раньше, но со временем основательно забыла, помня лишь атмосферу происходящего. Она чувствовала некую причастность к каждому из увиденных событий. Было и еще одно странное ощущение: ей показалось, что она чувствовала переживания этих девушек. словно между ними была тонкая нить, по которой они передавали ей всю гамму чувств, которую испытывали в данный момент. И все же, несмотря на то, что Майя находилась под впечатлением от сновидения, она не придавала этому значения и решила, что ее мозг просто устал. В ее голове перемешались все события разом: и недав-

нее похищение, и история с сатанистами. Отсюда и деревенский дом, в котором ее и двух девушек удерживали похитители, и имя Мириада, которым она представилась в чате смоленских сатанистов. Звонок телефона прервал Майину задумчивость. Она взяла трубку. Это был Николай:

– Привет! Чего там, спишь еще?

– Нет, уже встала! – ответила Майя, подавляя желание зевнуть.

– Зайди-ка ко мне! Я кое-что придумал для тебя. Это про твоего отца, – ответил Николай.

– Ага. Сейчас. У меня есть десять минут? – спросила Майя.

– Конечно.

Майя наспех оделась, вымыла лицо и причесалась. Затем зашла на кухню, поздоровалась с завтракающими Анной Павловной и детьми и вышла из квартиры. Она прошла вперед по лестничной площадке и позвонила в дверь Николая.

– Открыто, Майка, входи! – прокричал Николай из-за двери.

Майя потянула ручку двери и прошла внутрь. В небольшом темном коридоре никого не было. Майя осмотрелась вокруг: у самого входа стояла вешалка, а за ней вдоль стены располагались стеллажи с открытыми книжными полками. Из комнаты появился Николай, одетый в одни только черные джинсы. Майе стала как-то не по себе от такого вида.

– Не ври мне, ты спала! Пойдем кофе пить, там и погово-

рим. – ответил он и прошел в кухню.

Майя прошмыгнула за ним. В гостях у соседа она не была еще ни разу. В общем-то, планировка квартиры была та же, где и она жила. Только она была двухкомнатной. Об этом ей как-то рассказала Анна Павловна. Дома у Николая было достаточно аккуратно, для молодого холостого мужчины это даже удивительно. В кухне на подоконнике сидел большой серый кот. Николай открыл холодильник, стоящий у окна, чтобы достать продукты, а Майя посмотрела на белый кухонный стол с посудой, за которым было пару деревянных стульев. На спинке одного из них увидела оранжевую футболку. Она стянула ее и, когда Николай поставил продукты на стол, молча протянула ему. Николай взял футболку из ее рук, улыбнулся и, надевая, сказал:

– Надо еще Василия покормить. Он не любит гостей и не проявляет к ним никакого интереса.

Кот как будто в подтверждение зашел за зеленую занавеску и оставил видимым лишь свой длинный пушистый хвост. Майя с Николаем сели за стол, на котором уже стояла турка со сваренным кофе. Майя разлила его по чашкам.

– Вот что я предлагаю. Ты же хотела чем-то отвлечь батю по возвращению из рейса?

– Ага, – ответила Майя, делая глоток кофе.

– Давайте все вместе сходим на рыбалку. Втроем. Я знаю отличное место.

– Это у черных камней или у белой скалы? – улыбаясь

спросила Майя.

– Надо же! Ты брильянтовую руку смотрела. Вы же кроме диснеевских мультфильмов и Гарри Поттера ничего не видели. Я в разговоре с твоим братом Андреем упомянул как-то Тома Сойера, назвав его просто Том. Так он подумал, что это я про кота из мультика «Том и Джери». Мне и в голову не могла прийти такая ассоциация.

– Вообще идея с рыбалкой отличная! – похвалила Николая Майя.

– Идем с ночевкой в одно очень классное место под Дорогобужем. Ловить будем на самом Днепре. Погода пока позволяет. Нам надо увезти твоего отца подальше от города, чтобы было меньше соблазна вернуться в тот же день домой. Конечно, у нас в Смоленске есть свой Днепр, мы могли бы ловить и здесь. У нас река не хуже, чем под Дорогобужем, она и пошире и поспокойнее. А там место не людное, узкое совсем, близкое к истоку Днепра.

– Нам нужна палатка, – заметила Майя.

– Спальные мешки я добуду, палатка у меня есть. Батю беру на себя: как только приедет, сразу звони или пиши эс-эмэску, я зайду к вам. Вот и посмотрим, права ли ты, что у него просто стресс после рейса и он запоем его снимает.

– А у тебя есть другие предположения? – ухмыляясь спросила Майя.

– Есть. Он просто пьяница! – тут Николай рассмеялся, крошки хлеба посыпались у него изо рта.

– Ну спасибо! Что ты вообще понимаешь! – сказала с досадой Майя.

– Уж побольше тебя, дева моя юная! – парировал Николай.

Они позавтракали, и Майя все-таки потискала прятавшегося за занавеской кота, который испуганно смотрел на нее как на исчадие ада. Видать, в прежние времена ему тоже досталось от нее. Потом Николаю позвонили с работы, и он ушел разговаривать в комнату за стеной. А Майя решила помыть посуду – неудобно было вот так просто уйти из гостей, не попрощавшись. Кухня была такая же небольшая, как и у них. Здесь стоял старый кухонный гарнитур орехового цвета, доставшийся ему, наверное, еще от родителей. Зато вся техника была современной. А еще Майе понравилась лампа темно-зеленого цвета: она напоминала большой советский таз, но без ручек и светила очень ярко. По вечерам, когда темнело, лампа очень красиво смотрелась с улицы. Большой теплый свет лился из нее потоком и казалось, в этом доме очень тепло и уютно.

Николай вернулся на кухню, всё еще продолжая говорить по телефону. Обсуждая с коллегой какие-то детали, он опустился на четвереньки перед дверцей кухонного гарнитура, где была раковина, и вынул оттуда какие-то синие свертки. «У меня их пять», – сказал он в трубку. «Хотя подожди, нет, их шесть». Здесь он обратился к Майе:

– Принеси мне из шкафа в комнате вот такой же сверток.

Он там в самом низу лежит, справа.

– Из какого шкафа? – уточнила Майя. Этот вопрос ввел Николая в ступор. Он обещал перезвонить и нажал кнопку «отбой». Затем поднялся, подошел к Майе и, глядя ей в глаза, спросил:

– В какой комнате у меня платяной шкаф?

Майя растерянно пожала плечами в ответ и подумала, что спросонья сделала очередную глупость. Надо было пройтись по комнатам и найти этот шкаф, вряд ли у него их много. Николай положил ей свою руку на плечо и спросил:

– Майя, ты не помнишь, где у меня шкаф?

– Нет, – Майя опустила глаза.

– Значит, и историю со шкафом ты тоже не помнишь. – утвердительно сказал он.

– Извини, я тогда соврала, – ответила Майя.

– Я так и подумал.

– Почему? – спросила Майя.

– Потому что я полицейский и чувствую, когда люди врут. Скажем так, я многое подмечаю в поведении людей. Может, тебе к врачу сходить, сделать обследование? Хочешь, я всё организую? Скажи-ка, ты много чего не помнишь?

– Я не помню некоторые эпизоды, но врач сказал, что это нормально для такой травмы и со временем память восстановится.

– Хорошо, если так, – ответил Николай.

Майя, сославшись на дела, попрощалась и быстро ушла.

В своей комнате она села на кровать и задумчиво смотрела на пробегающих за окном людей. Произошедшее немного расстроило и смутило ее. Общаться с Николаем ей очень нравилось, между ними с каждым днем росла дружба. А еще он стал первым ее настоящим другом в этой новой жизни. надежным, умным, интересным. Его доверие дорогого стоило, она понимала это. А теперь он поймал ее на вранье. Может ли подобная неправда оттолкнуть его? Что если он почувствует, что она все время врет? А ведь ей придется так делать, ведь она – это она, а не прежняя Майя.

Было и еще кое-что. Самой себе она должна была признаться, что влечение к Николаю она все же чувствовала. Молодое тело давало о себе знать, хотя она старалась не думать об этом. «Николай считает, что он старше меня на двенадцать лет, а на самом деле все с точностью наоборот. Это я старше на двенадцать лет». Поразмыслив так какое-то время, Майя решила с этого момента всегда отвечать на вопросы Николая честно. Если он будет спрашивать про что-то из прошлой жизни Майи, она будет говорить, что не помнит. В конце концов, это же будет правдой.

Спустя три дня из очередного рейса вернулся Михаил Валерьянович. Дети радостно встречали его в коридоре, висли у него на шее, предвкушая завтрашнюю прогулку в Лопатинском саду. А Майя сразу позвонила Николаю. У того уже всё было готово: он взял у знакомых еще пару удочек и привел в порядок свою палатку. Тем же вечером, пока Майя разгова-

ривала с Любой по телефону, Николай успел забежать к ним домой и договориться с отцом о рыбалке. Они условились, что послезавтра он будет ждать их в восемь утра во дворе дома у своей машины. Их задача – соответствующе одеться, обязательно взять сапоги и что-то из еды. Анна Павловна удивилась, куда это они втроем собрались и зачем с ночевкой. До Дорогобужа полтора часа пути, каких-то девяносто километров, почему бы не вернуться в Смоленск в тот же день? Но Майя сказала, что мечтает о приключениях. Это же так интересно, провести ночь в палатке на берегу реки, а одна с Николаем она не хочет. Анна Павловна лишь усмехнулась, напомнив Майе о ее подростковой влюбленности в соседа.

На следующий день Майя поднялась в семь утра, с трудом разбудила Михаила Валерьяновича. Завтракать уже не было времени, поэтому они быстро оделись и вышли во двор. Накануне она одолжила у Любы старую демисезонную куртку, ей было жаль надевать на рыбалку недавно купленные вещи. А Михаил Валерьянович был одет в какую-то потрепанную куртку цвета хаки и такие же выдавшие времена штаны. Когда они вышли на улицу, Николай уже копошился в багажнике своей машины. Они поздоровались с ним, положили общий на двоих рюкзак, а затем расселись по местам. Майя разместилась на заднем сиденье автомобиля, а Михаил Валерьянович сел вперед. Николай проверил колеса, и они двинулись в путь. Под плавную езду и мужской разговор про

российские дороги Майя уснула. Когда она проснулась, машина ехала где-то за городом. За окнами с обеих сторон дороги шел смешанный лес в красивом золотисто – красном осеннем наряде. Солнце то появлялось, то исчезало за облаками. Встречных автомобилей почти не было. На вопрос, где они сейчас едут, Михаил Валерьянович ответил, что они двигаются по так называемой Старой смоленской дороге, которая была проложена очень много лет назад, задолго до появления трассы Москва – Минск. Раньше эта дорога была единственным сообщением между Москвой и Смоленском. Тут Николай вспомнил про своего двоюродного деда, который был кузнецом и жил где-то в этих местах. Мужчины завели разговор про кузнечное дело, а Майя наблюдала за проносящимся мимо пейзажем. Иногда лес сменялся полем или небольшими жилыми деревеньками. Деревянные разноцветные домики с резными ставнями и палисадниками, колодцы – лебедь, подготовленные к зиме огороды и сады.

Вскоре они въехали в Дорогобуж. Майя представляла себе этот провинциальный город по-другому: думала, там будут сплошь панельные дома да магазины. Но в том месте, где они проезжали, он был больше похож на сельское поселение. Помимо небольших частных домов, встречались красивые старинные здания. Впрочем, потом она увидела и ряд панелек. Михаил Валерьянович показал Майе завод азотных удобрений немного в отдалении от жилой части города. Из нескольких труб шли клубы густого белого дыма. В скором

времени Николай свернул на какую-то песчаную дорогу, а потом и вовсе выехал на поле с высокой желтой пожухлой травой. Колеи тут не было, и машину трясло со страшной силой: колеса то наезжали на кочки, то проваливались в ямы, и Майя подумала, что долго она так не протянет, ее уже начинало укачивать. И вообще, разве можно вот так ехать по полю, они же портят плодородный слой почвы. «Во Николай дает!» – возмущалась про себя она. Через пять минут они остановились, отсюда до берега Днепра надо было немного пройти. Майя вышла из машины, облегченно вздохнула и вдохнула свежий, насыщенный кислородом воздух. Она пошла к реке. Под ногами стелилась осенняя трава, легко сгибаясь под натиском резиновых сапог. Днепр тут был шириной метров двадцать – и не подумаешь, что это могучая река, простирающаяся аж по трем государствам, России, Белоруссии и Украины. Здесь он был близок к своему началу и представлял собой скромную речушку. Берег был пойменным, на обоих его сторонах находились поля. Где-то совсем вдали виднелся лес. Никаких признаков жизни людей – ни хижин, ни сарайчиков или сел.

Майя сразу отметила, что у берегов река достаточно сильно заросла кувшинками. А значит, ловить рыбу надо будет очень аккуратно, иначе леска удочки запутается в водной растительности, а замену она может и не найти, и оставшееся время рискует провести без дела. Она подошла к воде, зачерпнула ее ладонью. Вода была чистая и холодная. Ми-

хаил Валерьянович присел рядом с Майей, тоже зачерпнул ладонью воду и отпил, громко причмокнув губами, сказал: «Днеприще!» Затем он вернулся к машине, достал удочки и занялся их настройкой. Он закинул одну из них в воду на предполагаемое место ловли, чтобы оценить глубину и решить, как лучше прикрепить грузики на леске, какой длины ее оставить и прочие детали. Николай же с Майей решили сначала обосноваться на месте и поставить палатку. Они осмотрели берег, на котором росла трава и иногда встречались одиноко стоящие молодые деревья, и собрались поставить палатку в некотором удалении от воды. Пока они этим занимались, Михаил Валерьянович успел поймать маленького окушка.

– Неплохое начало, ребята! Давайте позавтракаем и возьмемся за дело по-сурьезному, – сказал он.

Николай вынул из своего багажника раскладной столик и стулья на металлокаркасе. Они перекусили бутербродами, которые сделала для них Анна Павловна еще дома, запили чаем из термоса и пошли ловить рыбу, разбредясь немного по берегу, чтобы не мешать друг другу. Стоял теплый осенний день. Солнце ласково освещало все вокруг. Погода была замечательная.

Мужчины ловили рыбу на спиннинг, стоя на речном перекате, а Майя решила ловить по старинке – на крючок. Накануне рыбалки Полина и Андрей раздобыли ей червей и сложили их в пластмассовую баночку из-под майонеза. Майя

выловила самого жирного червячка, надела его на крючок и забросила удочку в воду. Она вдруг вспомнила, как в детстве дедушка брал ее на рыбалку. Как они уходили летом спозаранку на лодках по реке. Дедушка хорошо знал места, где водилась рыба, где с утра проплывали стаи лещей и окуней. Он ловил крупных рыб, а она, будучи еще маленькой девочкой, небольших плотвичек или карасей. Большая рыба ей была не по зубам, девочке просто не хватало сил вытащить ее из воды. В такие моменты леска сильно натягивалась и, казалось, вот-вот порвется. И этот страх порванной лески остался с ней на всю жизнь. Сейчас же, стоя в тишине, смотря на поплавок и слыша лишь иногда, как в полголоса матерится Михаил Валерьянович, Майя отдыхала душой. Она поглядывала иногда на Николая, который был увлечен своим спиннингом и похоже получал удовольствие не меньше Михаила Валерьяновича.

Майя стояла возле воды, стараясь не погружаться в нее сапогами, поскольку в это время года уже холодно, ноги могут замерзнуть. Зато осенью нет докучливых насекомых, от которых летом у воды нет спасения. К обеду совместными усилиями они наловили половину ведра рыбы: в основном, там была плотва, окуни и щучки среднего размера. Майя сварила уху из только что пойманной мелкой рыбешки, добавив туда картошки и зелени. Получилось вкусно, мужчинам очень понравилось. Правда, Майя сетовала, что после чистки рыбы окончательно ею пропахла и что уже мечтает о том, как

приедет домой и примет ванну. Во второй половине дня улов был богаче. Помимо средней рыбешки Николай поймал два больших судака, а Михаил Валерьянович – пару здоровых голавлей. Он был абсолютно счастлив. Смотря на него, Майя думала, как же здорово Николай придумал насчет рыбалки. Муж Анны Павловны впервые за долгие годы на второй день после рейса не запил и получает удовольствие от жизни другим способом.

Михаил Валерьянович ловил рыбу почти до самого заката солнца. А Николай с Майей закончили на пару часов раньше, чтобы вместе приготовить ужин. Они развели костер, Николай зажарил одного судака, а Майя –взятые с собой сосиски и сделала картошку в углях. И когда уже почти всё было готово к трапезе, раскладной столик был накрыт, Николай достал бутылку коньяка. Вера посмотрела на него с недоумением. Михаил Валерьянович в это время сворачивал удочку, готовясь к ужину.

– Ты с ума сошел! – возмущенно прошипела Майя вполголоса, сердито смотря на Николая.

– В бутылке всего половина. Если разлить на троих, то по сто грамм получится. А иначе батя отказался бы ехать с нами. Какая рыбалка без выпивки? Ну сама-то подумай! – оправдывался Николай.

– В чем тогда вообще смысл нашей поездки? – с раздражением спросила Майя.

– Не сможет он напиться! К утру всё у него выветрится,

домой он вернется нормальный, – продолжал убеждать Николай.

Михаил Валерьянович, увидев наполовину пустую бутылку коньяка, аж охнул:

– Это все, что вы взяли, ребятушки? Надо было водочку брать! Какая рыбалка без водки! Как же мы улов обмоем?

– Я же тебе говорил, – сказал Николай, обращаясь к Майе.

Майя назло мужикам выпила ровно одну треть от оставшегося в бутылке коньяка, чтобы Михаилу Валерьяновичу досталось поменьше. Коньяк был неплохой, но она вообще не очень любила алкоголь. И только потом подумала, что она не знает, как на ее новый организм подействует спиртное. Может, она станет агрессивной и злой, а может, у нее разболится голова; или вообще она обезумеет и полезет купаться в холодный Днепр. Пока по ее телу просто разливалось тепло и возникло желание спать. Майя облокотилась на тканевую спинку стула, но голову положить было не на что, а она тяжелела всё больше и больше.

Михаил Валерьянович весь вечер рассказывал забавные байки про охоту и рыбалку. Он был хоть и простым, но житейски умным, а главное – добрым человеком. Майе понравилась история с охотничьей собакой двоюродного брата Михаила Валерьяновича. Тот для охоты завел себе русско-го спаниеля. Тренировал щенка весь год, и когда осенью в октябре месяце к нему приехал отец Майи, они собрались вместе на охоту. Брат не переставал хвастаться собакой: го-

ворил, что нынче охота будет гораздо проще, чем раньше. Девочка-спаниель действительно оказалась очень умной собакой, помогла выследить дичь и вела ее до конца. Братья поймали пару зайцев в смоленском лесу и потом принялись охотиться на птиц. У них получилось подстрелить пару уток, пролетающих над Днепром, но те упали в воду. Тут-то хозяин и скомандовал своей собаке плыть и принести добычу. Спаниель осторожно подошла к воде, которая на момент октября уже была достаточно холодная, какое-то время переминалась с лапы на лапу и не обращала внимания на команды хозяина. А затем и вовсе развернулась и пошла обратно на берег. В ее глазах явственно читалось: «Плыви сам. Сейчас холодно!» Конечно, никто из братьев плыть в холодной воде не захотел, и они вернулись домой с одними зайцами. Михаил Валерьянович хохотал до слез, рассказывая эту историю про замечательную самодостаточную собаку брата.

Наконец, было решено лечь спать. Будильник завели на девять часов утра, все равно в октябре раньше ловить нет смысла. В палатку как раз умещалось трое людей. Было достаточно свободно, можно было с легкостью перевернуться набок и даже поерзать. Михаил Валерьянович лег между Майей и Николаем, заявив:

– Буду оплотом вашей чистоты, да и внуки мне пока не нужны. Свои дети еще не выросли.

– Ну ты даешь, папа! – удивилась Майя. – Нам такое и в голову прийти не могло!

– От любви до ненависти один шаг, – сказал Михаил Валерьянович и закрыл глаза. В палатке раздался смешок Николая.

«До какой ненависти? – подумала про себя Майя. – Ах да, Майя с Николаем враждовали».

От алкоголя Майя спала очень крепко. Она проснулась только со звонком будильника. Наштупала телефон, отключила его и огляделась. Рядом лежал Николай. Михаила Валерьяновича в палатке не было. «Встал уже. Надо же!» – подумала Майя и тоже решила прогуляться. Она надела куртку и сапоги и вышла на улицу. Там было свежо и тихо. Воздух еще не успел прогреться и охлаждал горло. Михаила Ивановича нигде не было видно. «Где же он? В поля что ли ушел?» – размышляла про себя Майя. Она обошла палатку и еще раз осмотрелась. Вокруг не было ни единой души. Тут она заметила почти у самой кромки воды валяющиеся сапоги Михаила Валерьяновича. «Сапоги здесь, а где же он сам? Ведь у него больше нет обуви». Она подошла ближе, подняла их и пощупала изнутри. Правый был сухой, а в левом было немного воды. Майя перевернула его, и оттуда вместе с водой выпал пучок водорослей. У Майи заколотилось сердце от плохого предчувствия, она бросилась бежать к машине Николая – вдруг Михаил Валерьянович туда забрался. В салоне никого не оказалось, тогда Майя кинулась будить Николая. Она ворвалась в палатку и стала трясти его, спящего, за плечо:

– Коля! Проснись! У меня отец пропал.

– Как пропал? – спросил удивленно Николай, потирая глаза. – Прогуляться, наверное, пошел.

– Нет его нигде! Я уже все осмотрела поблизости, – уверенно говорила Майя.

Пока Николай одевался, Майя рассказала про свою находку на берегу реки. Лицо Николая посуровело. Николай быстро пошел к машине, Майя засеменила за ним. Он открыл автомобиль и протянул правую руку в сторону бардачка, вынув из него старенький бинокль. Достав его, захлопнул дверь машины и молча пошел к реке. Настроив бинокль, Николай принялся осматривать оба берега реки и поля рядом с ними. Майя сначала стояла рядом, переминаясь с ноги на ногу от нетерпения, а потом решила осмотреть палатку. В ней она нашла ту самую куртку Михаила Валерьяновича цвета хаки и его кнопочный телефон. Держа все это в руках, вернулась к Николаю. Тот опустил бинокль и сказал:

– Нет его нигде, а до ближайшего населенного пункта далеко. Да и как он ушел без обуви! Не в носках же пошел по полю.

– Обуви у него больше не было. Да и одежды тоже, – подтвердила Майя.

– Получается, вышел он из палатки без куртки. Значит, рассчитывал быстро вернуться. Но не вернулся. И сапоги ты нашла у самой воды? – спросил Николай, почесывая подбородок.

Майя кивнула в ответ.

– Кстати, а сапоги стояли аккуратно рядом друг с другом?

– Рядом, но валялись, – уточнила Майя.

– Вот так загадка! – вздохнул Николай и достал пачку сигарет из кармана брюк.

– Так что же теперь? – спросила Майя.

– Похоже, утонул, – ответил Николай, закуривая.

– Но сейчас же холодно! Зачем он в воду полез? – недоуменно спросила Майя.

– Не знаю, Майя, – пожав плечами и хмурясь сказал Николай. Все его вещи на месте. Часы, компас, все снасти, куртка и даже мобильник. Пропал только он. – Николай пристально посмотрел на Майю.

– Давай собираться в Смоленск. – тихо сказала Майя, глянув на Николая мокрыми глазами и пошла к палатке.

Домой возвращались молча. Майя сидела рядом с Николаем и с ужасом думала, как она расскажет обо всем Анне Павловне. Уму не постижимо, и зачем они только это затеяли. А если он не утонул? Вдруг просто ушел по берегу, сплел себе из камыша лапти и пошел в ближайшее поселение. Звучит безумно. Самое страшное, что Анна Павловна и Полина с Андреем будут считать, что это она виновата, ведь ей пришла в голову идея съездить с ним на рыбалку. Николай то и дело смотрел на Майю, периодически поглаживая ее руку на подлокотнике кресла. Но Майя не обращала на это внимание. Она всё думала, что будет говорить дома. В итоге она ре-

шила, что расскажет всё как есть, вплоть до увиденных брошенных сапог, а Анна Павловна пусть сама делает выводы. Уже подъезжая к дому, Николай предложил рассказать обо всем сам, но Майя отказалась. На вопрос «почему» она ответила, что есть вещи, которые надо делать самому. Она его дочь, а он их сосед, и говорить должна она. Тогда Николай сказал, что пойдет вместе с ней.

В это время Анна Павловна готовила обед и очень обрадовалась возвращению ребят. В кухне стоял дым коромыслом. Николай поставил ведро рыбы на пол. Анна Павловна заахала, что порыбачили они на славу. Майя предложила всем вместе выпить чаю: она хотела, чтобы Анна Павловна сперва села. Как только та разлила по чашкам чай, Майя рассказала в подробностях о сегодняшнем дне. Анна Павловна внимательно слушала ее, вытирая переброшенным через плечо полотенцем выступавший пот на лице.

– Вот, только сапоги остались на берегу. Один валялся рядом с другим. А отца нет.

Майя замолчала, наблюдая за реакцией Анны Павловны.

– Да, – сказала Анна Павловна, вздыхая. – Он приплыл с утра уже бухой, спит у себя в комнате. Опять в запой ушел, что тут сделаешь.

– Как лежит?! – спросила ошарашенно Майя. Потом вскочила и пулей кинулась в гостиную.

Николай последовал за ней. Там на диване лежал Михаил Валерьянович. Свернувшись калачиком, он сочно поса-

пывал. От него несло спиртным.

– Вот гад! Нет, ну надо же!!! – воскликнула Майя.

Неожиданно Николай захохотал, а потом, обняв ее за плечи, сказал:

– Я же говорил, он просто пьяница! Нет у него никакого стресса.

Майя, не оборачиваясь, ткнула Николая локтем по ребрам, но тот продолжал смеяться.

– Знаю я этих алкоголиков! Им просто нравится то состояние, в котором они находятся под действием спиртного, и они ни на что его не променяют.

На смех Николая прибежали проснувшиеся дети. Майя, не глядя на него, ушла к себе в комнату. Она была очень зла на Михаила Валерьяновича – она так переживала, и что в результате? «Просто свинья» – размышляла она про себя. Позже Михаил Валерьянович сам рассказал историю своего исчезновения.

«Значит, дело было так! Выхожу я рано утром, часиков в шесть, из палатки. По нужде надо было. Сапоги надел, куртку накидывать не стал: думаю, всё равно скоро вернусь. А небо-то какое чистое было над Днепром! И стая птиц там как мест пролетала. Утки собрались на юг. Летят треугольником, кричат в воздухе. Красота! Сделал я дела свои неподалеку и уже думал вернуться в палатку, как говорится, доспать. И тут слышу слова песни «Летят утки, летят утки и два гуся». Смотрю – лодка по реке плывет, а в ней два мужика, один

толстый такой, в плаще, а второй – лысый и худощавый, в армейской куртке. Лодка-то у них моторная была, но в этом месте Днепра мелко, они свой мотор выключили и на веслах шли. Заодно бутылочку винца распивали. И так мне к ним в компанию захотелось! Чтоб песни наши русские попеть да пообщаться. И я заорал им с берега:

– Мужики! Возьмите меня с собой!

Тот, который толстый, привстал в лодке и закричал мне в ответ:

– А чего, давай! Звать-то как?

– Михалыч я, мужики! – и надо же, совсем из головы вылетело, что телефон надо забрать из палатки да куртку прихватить. На улице свежо было. Мужики подгребли к берегу, я и полез в лодку. Только вот сапог мой за борт лодки зацепился и упал в воду. Лысый, Витькой его звать, быстренько так наклонился за борт – и выловил его. Да как кинет сапог на берег! И говорит, мол, зачем тебе обувь-то мокрая, все равно не надеть. А толстый в это время из-под лавки достал старые синие сапоги сорок пятого размера и мне протягивает. Великоваты, конечно. У меня-то сорок третий размер. Ну, думаю, ладно! Я тогда свой второй сапог снял и на берег тоже бросил. Чего пару разлучать-то! А мужики, к которым я в лодку залез, тоже на рыбалку ходили. Опытные рыбаки. Про столько мест мне рассказали, мы с вами, ребяташки, сходим как-нибудь. А дальше поплыли мы по Днепру до самого Смоленска. У крепостной стены меня приятели мои

новые высадили, и я дворами прошел до дома. Отличная поездка получилась!»

У Майи по-прежнему не укладывалось в голове, как же можно было так поступить. Взрослые люди так не делают! Уплыть, никого не предупредив? Это же ненормально! И ладно бы он это сделал на пьяную голову, но ведь нет же, он был трезвым. «Вот тебе и житейски умный Михаил Валерьянович, который при виде бутылки забывает обо всем на свете» – думала Майя. Когда она пересказала рассказ Михаила Валерьяновича Николаю, тот удивился. Ведь Днепр давно обмелел, и когда-то судоходная река в наши дни едва проходима для той же моторной лодки. Особенно в узкой болотистой части под Дорогобужем.

– Видимо, прав Михаил Валерьянович, опытные мужики! Не первый раз спускаются по Днепру, знают, где мели, – сказал Николай.

– Сколько ж винца у них было – у этих опытных мужиков! Папаша напился в хлам! – удивлялась Майя.

– Винцом они водку называют, – заулыбался Николай. – Я один раз так попался. Водку вообще не люблю, предпочитаю более слабые напитки. Мы с другом поехали как-то зимой на лыжах покататься в Смоленской области. На обратном пути он предложил заехать к его бабушке в местную деревню. Я согласился. Приехали. Бабуля нам обрадовалась, стала на стол накрывать и спрашивает: «Может, винца, мальчики?» Друг на меня взгляд переводит, он знает, что я не любитель

выпить. Ну, думаю, чего бабку обижать, старается человек угодить, вот и отвечаю: «Винца можно». Бабуля полезла в подпол и принесла бутылку водки. Вот тогда-то я и узнал, что винцом они называют другой напиток.

– Вот это да! Вино и винцо – два разных напитка, – засмеялась Майя.

После этой истории, случившейся на рыбалке, Майя решила больше не пытаться отучить Михаила Валерьяновича от алкоголя. Видимо, не всё подвластно людям. Возвращаться в модельный бизнес она не собиралась, хотя это был интересный опыт, который пригодился и в быту. Майя стала лучше подбирать свой гардероб, больше знала, что с чем сочетается и какие цвета и фасоны идут ее фигуре. Хорошим подспорьем были и кое-какие комментарии учителей. Так один раз преподаватель по дефилированию сказала Майе, чтобы она никогда не вздумала носить одежду с леопардовым принтом. На ней это будет выглядеть вульгарно.

Антон, директор модельной школы, позвонил Майе спустя две недели после спасения из заточения и предложил продолжить обучение, но она отказалась. Тогда он заявил, что хочет как-то компенсировать всё произошедшее и передаст через Николая некую сумму денег. Майя отказываться не стала, но подозревала, что не по доброй воле он на это пошел: скорее всего, Николай его замотивировал. Уж больно мало оптимизма слышалось в голосе Антона. Когда она получила обещанные деньги, то прикупила себе одежды и обу-

ви на все времена года: зимний пуховик и сапоги, демисезонную куртку и летний плащ и много чего другого. Кое-что из одежды подарила Полине с Андреем. Те были в восторге и впервые в жизни обняли ее. А Анна Павловна немало удивилась, как это Майя сумела так точно подобрать размер на ребят.

Дни шли, листья уже почти облетели с деревьев, приближались холода. Смоленск стремительно погружался в позднюю осень. Майю не покидала мысль о том, что надо искать работу: невозможно всё время прятаться за учебниками и тетрадями в своей маленькой норке (так она называла свою комнату в доме новой семьи). Хотя иногда вот так уйти с головой в процесс обучения тоже хорошо. С тех пор как Майя поселилась в семье Вавиловых, комната преобразилась. Она купила новые салатные шторы и ночник для вечернего чтения, который поставила возле кровати. На подоконнике поставила ряд цветов – наконец-то и им нашлось место в этой комнате. А на самой двери повесила большой ловец снов, который ей привезла Люба из Святых Лук. Подруга забеременела от своего ухажёра, с которым она познакомилась во время практики. Теперь они жили вместе в квартире его родителей в Святых Луках. Расписываться они не стали, объясняя это тем, что на хорошее торжество денег пока нет, а просто расписаться в ЗАГСе они не хотят. Ловец снов сделала сестра ухажера. На круге из ивовых веток были натянуты нити разных оттенков синего цвета: голубой, васильковый,

лазурный... Они переплетались между собой, образуя вместе подобие красивой паутины. Местами в ловец были вплетены бусины и перья. По индейским преданиям ловец снов защищает от злых духов и пропускает только хорошие сны, в то время как плохие запутываются в паутине. Перед сном Майя подолгу смотрела на него, погружаясь в свои мысли.

Анна Павловна регулярно приносила разные газеты с вакансиями. Майя просматривала и их, и сайты в интернете, но ей всё не нравилось. Работать в общепите типа Макдональдса или Кинг-бургера она была не готова: суматоха и толпы молодых ребят не особо привлекали ее. После всех перенесенных стрессов хотелось найти тихое и спокойное место. Последние полгода были слишком тяжелыми, никогда у нее в прошлой жизни такого не было. Николай обещал помочь и в конце ноября нашел ей работу в городском архиве. Не бог весь что, маленькая зарплата, но обстановка как раз та, что была нужна сейчас Майе. Коллегами по работе оказались две пожилые женщины, а в обязанности Майи входило заниматься оцифровкой документов. Спокойная, тихая работенка. Со своими коллегами она сразу нашла общий язык, и всё сложилось как нельзя лучше. После первой рабочей недели Николай зашел к Майе в гости. Прошел в комнату, потрогал пушистые перышки на ловце снов, висящем на двери.

– Скучаешь по Любе? – спросил он.

– Боже упаси! Она такая суматошная. Давно хотела от нее избавиться, – ответила Майя, иронически закатывая глаза.

Николай засмеялся, поставил свою небольшую черную спортивную сумку на пол, а сам сел рядом с Майей на диван. Подпер голову рукой, откинулся на спинку дивана и сказал:

– Я тут увлекся фотографированием. Мой друг Артур кое-чему меня поучил. Хочешь посмотреть мои снимки?

– Конечно! – ответила Майя.

Николай потянулся за сумкой, достал стопку фотографий и протянул ей. Майя стала рассматривать фото. На снимках в основном были виды Смоленска: городские улицы, разные дома, достопримечательности. Среди них Майе попалась фотография города, сделанная из окна какого-то высокого здания.

– Какой красивый вид! А откуда это снято? – спросила Майя.

– С одного из куполов Успенского собора, – ответил Николай.

– Надо же! А как ты туда попал? – удивилась Майя.

– Была одна история по работе. Я помог местному настоятелю навести порядок и справиться с хулиганами. В благодарность он предложил мне сходить позвонить в колокола. Я поблагодарил его, но сказал, что с большим удовольствием сделал бы несколько фотографий с высоты собора. И настоятель исполнил мою просьбу.

– Я бы тоже с удовольствием сходила, – с завистью сказала Майя.

– Вид оттуда открывается фантастический, но тебя бы

с собой я не взял, – категорически заявил Николай. – Это небезопасно. Чердак необычный: чтобы на него забраться, надо пройти по крыше собора, а она достаточно крутая, да и места там мало. Сам чердак неровный и состоит из куполов и арок внутренней стороны храма. То есть как такового пола нет, ходишь по балкам и настилам, которые держат крышу.

– Адреналина, я так понимаю, ты там получил предостаточно! – предположила Майя.

– Это да. Еще то приключение! – усмехнулся Николай. – Чтобы туда идти, нужно быть физически подкованным человеком и не бояться высоты.

– Ты там вместе с настоятелем собора лазил? – с иронией спросила Майя.

– Нет, что ты! Он выделил для меня одного из своих молодых служителей. Он покрепче меня будет. Кстати, здесь не все фотографии, я распечатал только снимки, сделанные с одного из куполов собора, а с остальных не так интересно. Там мешает специально поставленная подсветка перед окнами, она загораживает вид на город и портит снимок.

– Подсветка собора в ночное время? – поинтересовалась Майя.

– Подсветка куполов собора. Это в общем-то отличная идея, с ней в темное время суток собор выглядит просто волшебно, – уточнил Николай.

– У тебя отличные фотографии! – сделала комплимент Майя. Снимки и правда были хорошие.

– Спасибо! У меня появилась идея. Хочу поснимать город с высоты птичьего полета.

– Это как? – спросила Майя.

– Поскольку летательные аппараты мне недоступны, то с крыш домов. Первую вылазку планирую сделать на неделе. А завтра вечером можно сходить куда-нибудь на разведку. Если хочешь, присоединяйся ко мне. Ты ведь, кажется, тоже любишь бывать на крышах? – спросил Николай.

Майя вспомнила свою вылазку на крышу их дома, когда Николай выгнал ее оттуда. Сейчас она понимала, что он просто приревновал ее к Артуру. Ее не переставало удивлять, как они – такие разные люди, вода и огонь – умудрились сдружиться. Умиротворенность и интеллигентность Артура в противовес резкости и техничности Николая. А может, причиной всему интерес Николая к фотографии. Но ничего такого Майя не сказала, а просто ответила:

– Да. Оттуда открывается чудесный вид.

– Тогда договорились.

– А что за история с настоятелем собора? – спросила Майя, и Николай стал рассказывать:

– Ты знаешь, это был очень необычный случай. Я никогда такими вещами не занимался, а тут вот пришлось. Случилось это зимой. Какие-то подростки стали пакостить на территории храма. Причем делали самые безобидные вещи, но они сильно огорчали служителей собора. Каждое утро на снегу вокруг храма появлялись неприличные рисунки, бран-

ные слова и даже сатанинские пентаграммы. Ребята просто баловались, никто из них не входил в состав сект. Когда настоятель обратился в местный отдел полиции, там только посмеялись и сказали, что дел очень много и некогда этим заниматься. Тогда настоятель как-то вышел на меня, и я решил, что надо помочь, несмотря на загруженность и не мой участок города. Сами служители храма уже ловили этих пацанов с поличным, вели беседы, но всё было бессмысленно, те продолжали хулиганить. Да и в общем-то что с ними можно было сделать? Наверное, ничего. Ремня дать. Возраст двенадцать – тринадцать лет. Тогда я подумал, что надо пойти на хитрость. Живых людей они не боятся, возможно мертвые на них произведут впечатление. Короче, решил я их напугать, чтобы не повадно было больше заниматься безобразиями. Настоятель меня поддержал. Мне дали еще двух служителей в помощь. Ночью мы поверх одежды натянули белые простыни, нарисовали себе кровавые глаза, взяли себе по трости. Как только подростки появились на территории храма и начали пакостить, мы медленно выдвинулись к ним с разных сторон. Специально издавали охающие, ухающие и постанывающие звуки. Представляю себе, как это выглядело со стороны! Такое я еще в своей полицейской практике не делал. Мелкие пакостники с визгом разбежались в разные стороны, и больше настоятель храма не жаловался на ночные происшествия.

– Вот это история! Чтобы полицейские переоделись в при-

видения и пугали местных хулиганов, первый раз такое слышу. Всегда думала, это не ваши методы, – восхищалась Майя находчивостью Николая.

– Как только не раскорячишься для спокойной жизни местных жителей, – ответил Николай.

На следующий день вечером Николай, как и обещал, зашел за Майей и они отправились на прогулку. Он повел ее в сторону центра Смоленска и по пути рассказывал о том, что есть целая субкультура, которая занимается посещением крыш домов. Она получила название руфинг. И есть несколько разновидностей этого занятия: экстремальный, тихий и арт-руфинг. Тихий руфинг – это то, чем они сейчас планируют заняться, то есть просто пойти полюбоваться городом с высоты птичьего полета, отдохнуть, расслабиться, сделать несколько фотографий. Экстремальный руфинг – это когда люди поднимаются на крыши домов через пожарные лестницы или водосточные трубы. Его цель – получение адреналина от опасной ситуации. А арт-руфинг занимается организацией каких-то мероприятий на крыше дома. В интернете можно найти людей, которые, например, организуют свидания. Накрывают стол, украшают крышу воздушными шариками, включают музыку и так далее. Всё для создания романтической обстановки. Или, к примеру, проводят концерты и мастер-классы.

Майя впервые услышала о руфинге. В Петербурге крыши были закрыты для посещения, и вот так просто житель не

мог подняться даже на чердак своего дома.

– На какую из крыш города ты хочешь забраться? – спросил Николай.

– Ты ведь уже немного занимался этим. Откуда ты видел самый красивый вид на Смоленск?

– Тогда нам к Аллее звезд, – сказал Николай.

– А что это такое? – поинтересовалась Майя.

– Так называли недавно построенный жилой дом. Это пятнадцатизэтажное здание, с его высоты открывается шикарный вид на площадь Победы. Кстати, на сегодняшний день это самое высокое здание в центре в нашем городе.

– Тогда пошли туда скорее, – нетерпеливо сказала Майя, блеснув глазами. Николай заулыбался.

– Идем, идем! – согласился Николай. – Только, Майя, давай сразу договоримся. Надо быть очень осторожными. Сейчас зима, снег, лед, наверху может быть скользко. Кроме того, главное правило для руферов – это не шуметь. Если нас услышат жители верхнего этажа, то могут вызвать полицию.

– Но ты же и есть полиция? – иронически заметила Майя.

– Тем более. Надо держать марку. Знаешь, многих жильцов, особенно пожилых старушек, раздражает наше таскание по крышам. Внимательно смотри под ноги, все металлические конструкции обходи или перешагивай, наступать не надо. От них больше всего шума.

– Вредные старушки! – ерничала Майя.

– У меня было пару таких вызовов на работе. Люди зво-

нили в полицию и жаловались, что кто-то чужой ходит по крыше. Я приезжаю, а там руферы сидят, – рассказывал Николай.

– И что ты делал? – с интересом спросила Майя.

– Ничего. Говорил, что всё понимаю, но сегодня они засветились перед жителями дома, поэтому придется спуститься со мной вниз. Потом просто отпускаял. Ну а что такого они сделали? Люди пришли полюбоваться закатом с городской крыши. Руферы как правило очень доброжелательные и спокойные люди. Бывает, что ребята действительно шумят, но иногда просто попадают на глаза какой-нибудь старушке, пока поднимаются на чердак. Только ты, пожалуйста, без меня никогда по крышам домов не ходи. Ладно? Мало ли что! – убеждал ее Николай.

– Хорошо, не буду, – уверяла Майя.

Они добрались до дома Аллея звезд, поднялись на лифте на последний пятнадцатый этаж, прошли еще один лестничный пролет и вышли по чердаку на крышу. По всему ее периметру был невысокий бортик, где-то чуть ниже Майино го колена. Крыша была слегка припорошена снегом. Майя аккуратно ступала по ней, следуя за Николаем. В лицо дул легкий ветерок, редкие снежинки падали с неба. Так высоко она еще ни разу не забиралась. Всё же крыша пятиэтажного здания, в котором она жила – это совсем другие ощущения. В какой-то момент у нее закружилась голова и она остановилась, в то время как Николай ушел вперед. Заметив это,

он повернулся и пошел к ней обратно.

– Испугалась, Майка? – спросил он ласково ее.

– Очень высоко, – ответила она, как бы оправдываясь. Николай подошел к ней, взял ее за руку, крепко сжал ее пальцы в своей ладони и медленно повел за собой. Они подошли почти к самому краю крыши, откуда открывался вид на площадь Победы. Только один шаг оставался до бортика. Николай обнял ее за талию, крепко прижав к себе. Ее сердце заколотилось быстрее. «Какие у него сильные руки», – подумала Майя. Потом посмотрела сначала вниз, на небольшие многоэтажки, окружающие здание, а затем вдаль – и увидела потрясающе красивый вид: на площади Победы в сотнях огней и подсветок сновали туда-сюда машины, а среди них как муравьи двигались люди. Это как будто был другой мир – иной город, который она еще не знала. Они стояли так минут десять, а Майя все не могла оторваться от увиденной красоты. Она чувствовала себя на границе между повседневностью и вечностью и неожиданно испытала желание нарисовать то, что видит. Она поделилась им с Николаем, и он сказал, что каждый раз, когда он приходит на крышу, его посещает вдохновение. Вот и сейчас ему хочется сделать фотографии города, но слишком темно и снежно. Не самое удачное время для его творческого занятия. Николай показал Майе виды на город с других сторон крыши: на улицу Николаева и Исаковского. Но больше всего ей, конечно, понравился вид на площадь. Это было такое впечатляющее зрелище! Ветер вдруг

стал усиливаться, и Майя опять почувствовала страх. Николай извлек из рюкзака маленький голубой резиновый коврик и предложил сесть в центре крыши рядом с вентиляционным выходом. Они уселись на коврик, Николай достал термос с горячим смородиновым чаем, который сделал дома. Он обнял Майю свободной рукой за плечо, и около часа они провели в беседе.

С Нового года Майя с Николаем регулярно выбирались на крыши Смоленска. Николай фотографировал, а девушка наслаждалась видом города. Она очень ждала настоящей не календарной весны, когда будет тепло и появится возможность подолгу сидеть наверху. Она представляла себе, как в эти вылазки будет брать с собой учебники, чтобы позаниматься. На крыше Майя отдыхала душой, ощущала удивительную свободу и умиротворение. Фотографии Николая с каждым месяцем становились все лучше, чувствовалось развитие. Он всегда печатал немного фотографий и для Майи, она любила разглядывать их. У фотографий было и преимущество перед реальным видом, открывающимся непосредственно с крыши: фотоаппарат мог увеличить увиденный пейзаж, приблизить его. Снимки получались гораздо интереснее того, что видели глаза напрямую. Вот увеличенный Арбитражный суд, Драматический театр, городская типография, Успенский собор. И всё как на ладони. Так, разглядывая однажды снимки, она увидела, что на крыше Успенского собора возле центрального купола есть печная труба. Она

поделилась этим с Николаем, и тот рассказал, что служитель, сопровождавший его по чердаку собора, показывал ему эту печку. Сейчас ею не пользуются, есть электрическое отопление, но раньше ее топили, так как наверху было очень холодно в зимнее время.

За зиму они вдвоем обошли десятки крыш. Были на крыше Арбитражного суда, Городской Думы, башни торгового центра Галактика и дома Книги. Однажды даже побывали на крыше городской администрации и студенческого общежития. И конечно же забирались на крыши старых пятиэтажных жилых домов. Майя всегда приносила печенье, а Николай брал с собой термос с горячим чаем, заваренным с травами или ягодами. И бессменный коврик, на который они усаживались рядом и делились своими мыслями, впечатлениями и просто пережитым за день.

Пару раз за зиму Николай уезжал в командировки на неделю. Майе он оставлял ключи от своей квартиры, чтобы она поливала цветы и кормила кота. Хотя Василий иногда целыми сутками шлялся на улице, она поражалась, как он еще ни разу не принес в дом каких-нибудь блох или еще чего похуже. Иногда он приходил с рваным ухом или поцарапанным до крови носом, прихрамывал на одну из лап, а через сутки уходил гулять как ни в чем не бывало. Он перестал ее бояться, но особо и не ласкался. Николай в дни его отсутствия разрешал Майе ночевать у него дома. Один раз она так и поступила, когда из очередного рейса пришел Михаил Вале-

рьянович. Через день он по традиции ушел в запой, и жуткий запах перегара, разносившийся по всей квартире, вызывал у Майи приступы тошноты. Тогда она пять дней прожила в квартире у Николая. Спала в дальней от кухни комнате или, как ее еще называл Николай, комнате отдыха. Она была смежной со спальней Николая, где располагался большой платяной шкаф с бельем. Тот самый, где когда-то спряталась обнаженной Майя. И если спальня была приблизительно квадратной, то комната отдыха имела продолговатую форму и больше напоминала купе. У стены стоял небольшой раскладной диванчик, а напротив него был огромный аквариум литров на пятьсот, но с самыми простыми рыбками: неонами, гуппи, барбусами... На фоне водных растений они сновали туда-сюда, ощущая себя в таком объеме как в океане, а красивая подсветка теплого оранжевого цвета после восьми часов вечера сменялась на ультрафиолетовое излучение, и тогда аквариум выглядел просто волшебным.

В тот день, когда она уже ожидала приезда Николая, произошла неприятная история. Майя с утра ходила в университет на очередное занятие. Ее однокурсники, такие же молодые девчонки и парни, попросили у нее конспект, который расхваливал один из преподавателей. Нельзя было сказать, что Майя дружила с ребятами, но в те редкие встречи в дни консультаций в университете она свободно общалась со всеми. Одному молодому долговязому студенту она явно нравилась, но Майя дала понять, что он ей не интересен. Ребя-

та, конечно, пару раз видели, как Николай ждал Майю после занятий у университета, чтобы отправится на очередную крышу где-то в центре Смоленска, но ничего об их дружбе не знали. Как-то раз один из студентов узнал Николая:

– Это же мент, Мамонтов! Ему от тебя чего надо?

– Ничего. Это мой друг, – стискивая руки, ответила Майя.

– Не фигу себе у тебя друзья!!! Ему ж тридцатник! – удивился студент.

Майя просто пропустила эту фразу мимо ушей, попросилась и пошла к стоявшему возле машины Николаю. С тех пор прошло несколько месяцев, и вот сейчас ее однокурсники, две девушки и двое парней, пошли вместе с ней до дома за конспектом, который она обещала вынести. Они остались ждать на лестничной площадке перед квартирой Николая, а Майя прошмыгнула внутрь и пошла на кухню, где на подоконнике временно хранила все тетради. Она схватила конспект и вышла обратно к ребятам, не закрыв за собой входную дверь.

– Ты же вроде не здесь живешь? – спросил долговязый парень.

– Сейчас временно здесь, а вообще, да, моя квартира дальше, напротив лестницы.

– Ты чего, с мужиком этим старым живешь? – высокомерно спросила одна из девчонок.

– Ну ты даешь! Чего, молодых парней нет? Или на его бмвэу позарилась? – продолжил уязвленный отказом Майи

долговязый парень.

Она была так ошарашена подобными хамскими вопросами, что даже не нашла, что ответить. Но тут за ее спиной показался Николай – как оказалось, он приехал раньше. Он аккуратно отодвинул Майю в сторону, схватил парня за шиворот и поднял в воздух.

– Что это за базар такой, придурок! А ну валите все отсюда. – Николай опустил студента на пол, потом потащил по лестничной площадке, а затем по лестнице вниз. Входную дверь подъезда он открыл головой парня.

Оставшиеся ребята сбежали вслед за ними.

– Ты вообще больной, – кричала одна из девушек.

– Мудила! – вторила вторая.

– Да, конечно, а вы – нормальные! Пришли за помощью, а ведете себя как гниды. Студенты... – сказал презрительно Николай, едва сдерживаясь, чтобы не сорваться на бранные слова.

– Ты пожалеешь! – грозились Николаю девушки, выходя на улицу.

Затем он вернулся обратно к квартире, где по-прежнему стояла в дверях с конспектом в руках растерявшаяся от происходящего Майя, обнял ее за плечи и сказал:

– Пойдем чай пить, я привез конфеты ручной работы. – И они оба сделали вид, что ничего не случилось.

Анна Павловна сватала Николая Майе в мужа и всё приговаривала, чтобы они предохранялись. «Николай, конечно,

человек серьёзный и ответственный, но все же надо быть осторожной», – говорила она. Майе ужасно не нравились эти бабские нравоучения, тем более что у нее ничего не было с Николаем. За месяцы близкой дружбы между ними он ни разу не сделал шаг в сторону интимных отношений, а сама она инициативу не проявляла. И как Анна Павловна не понимала, что для него она маленькая девочка, только что закончившая школу! Он словно боялся прикоснуться к ней, шутки ли – двенадцать лет разницы! Майя думала, что если бы к ее дочери вот так повадился ходить какой-то взрослый тридцатилетний мужик, то она давно бы выгнала его из дома и вообще устроила ему разборки, что мол ему надо от столь юной девушки, какие могут быть у него общие интересы с малолеткой. Правда, один раз Майя невольно услышала разговор Николая и Анны Павловны. Она тогда собиралась в университет и по пути решила выбросить мусор. Поднялась на один лестничный пролет, открыла крышку помойного ведра, как вдруг на лестничную площадку вышла Анна Павловна, в то время как Николай зашел в подъезд. Они столкнулись на лестнице и между ними состоялся такой разговор:

– Коленька, здравствуй, я как раз с тобой поговорить хотела, – начала Анна Павловна.

– Что такое? – спросил встревоженно Николай.

– Я о таком зяте, как ты, только мечтала, но все же Майя еще совсем ребенок. Вы, пожалуйста, осторожнее живите, ей

еще рано иметь детей.

– Анна Павловна, я все понимаю, вы не переживайте. Я позабочусь о Майе, – сказал Николай.

Он как будто понял, что не стоит опровергать ее слова. Она все равно не поверит. Майя понимала, что их встречи со стороны выглядели ненормально, но ведь на самом деле Николаю нравится Вера, а ей гораздо больше, чем семнадцать. Это она была старше его на двенадцать лет, это она могла между делом дать дельный совет или навести на умные мысли. В общении с ней Николая поражало, как много всего она знает, какой широкий сформировался у нее кругозор, как взросло она мыслит. Ему нравился ее юмор. И конечно не стоило забывать, что Майя все больше расцветала как девушка. Это тоже цепляло Николая. Ей он тоже нравился. Никогда раньше ей не приходилось общаться с таким типом мужчин, он так сильно отличался от ее бывшего мужа буквально во всем, начиная от внешности и заканчивая внутренним миром. Бывший муж имел худое и сухощавое телосложение, Николай же – плечистый и сильный. Первый был экологом из интеллигентной семьи потомственных педагогов. Его речь насыщена красивыми словами и выражениями. Он мыслил глобально, в масштабах целой планеты, всего мира. Судьбы стран, народов занимали его мысли. В то время как Николай вырос в семье простых рабочих, работал в полиции и по долгу службы много общался с ворами и убийцами, то есть с самой низкой социальной прослойкой

общества. Речь его была проста и наполнена жаргонизмами. Его мысли текли совершенно в другом направлении. Николай думал локально и трезво, его занимали вопросы порядка в реальной бытовой жизни людей, порой в конкретном доме, районе. Это было совсем другое восприятие мира. И Майя была очень рада этим различиям. С одной стороны, было очень интересно открывать для себя что-то новое, а с другой это служило ее своеобразной защитой от себя самой. Она нуждалась в том, чтобы между бывшим мужем и новым избранником не было ничего общего. Он не должен напоминать ей о нем. Это было очень важно, ведь она очень сильно любила своего прежнего мужа, и воспоминания приносили ей много грусти.

Виды Смоленска продолжали влюблять в себя. По вечерам, смотря на ловца снов, она представляла себе, как бы она разбежалась по крыше какого-нибудь дома и уже на самом его краю обернулась бы птицей и полетела над городом, то опускаясь вниз, то опять взмывая вверх. Она летела бы над домами, мимо стареньких пятиэтажек, мимо крепостной стены и Лопатинского сада, к новостройкам, а потом над лесами и озерами, далеко-далеко. Майя всей душой полюбила Смоленск, но и свой родной город Петербург не забыла. Порой она с радостью вспоминала о нем, а иногда ее одолевала тоска.

После нового года она впервые зашла на страницы своих детей в социальной сети. Судя по выложенным фотографи-

ям и комментариям, их жизнь нормализовалась. Леня завел себе новую подружку, почти на всех фотографиях она была рядом с ним; Таня по-прежнему выкладывала свои работы акварелью. Она подписалась на обоих и регулярно следила за новостями на их страничках. Майя привязалась к своей новой семье, смирилась с их недостатками и образом жизни. Анне Павловне она помогала с ребяташками, поскольку та совершенно не справлялась. Она забирала Андрея и Полину после школы, читала им книги и проверяла, как они пишут прописи. Анна Павловна умилялась этому, но Майя дала себе слово, что детей у нее больше никогда не будет. Она своих уже вырастила.

Подземные приключения

В один из апрельских дней Майя сидела у себя в комнате за столом и писала курсовую работу, заданную в университете. Створка окна, как всегда, была настежь открыта. Свежий весенний воздух проникал в комнату, в нем улавливался запах только что оттаявшей после зимы земли. Вот-вот прорастет трава и наступит долгожданная теплая пора. Майя набирала текст на ноутбуке, переводя взгляд с клавиатуры на экран и обратно, как вдруг заметила боковым зрением какое-то движение по полу комнаты слева от себя. Она отвлеклась от своего занятия, посмотрела на то место и увидела идущего по полу кота Василия. Хвост его был распушен, спинка выгнута, он вальяжно ступал по старому обшарпанному паркету.

– Эй, дружок! Ты решил зайти ко мне в гости? – спросила иронически Майя, подойдя к коту и беря его на руки. – Пойдем-ка домой, дорогой, у меня тут делать нечего!

Василий что-то мяукнул в ответ, а Майя, выйдя из комнаты, сменила домашние тапочки на летние сандалии, спрятанные в углу коридора под шкафом. Выйдя с котом на лестничную площадку, она прошла вперед и позвонила в квартиру Николая три раза. Так у них было условлено, чтобы он знал, что пришла Майя. Вскоре дверь отворилась.

– Привет, Майка! – обрадовался Николай.

– Вот тебе подарочек! – ответила Майя и протянула ему кота.

– На улице нашла? – спросил он, забирая его к себе.

– Нет, в своей комнате. Представляешь, прыгнул ко мне в открытую створку окна.

– Во дает! Ты для него совсем своя стала. Возьмет и поселится у тебя, – пошутил Николай. – Майка, пошли на крышу Николаевского дома, скоро закат.

– Хочешь пофотографировать? – поинтересовалась Майя.

– Хочу воздухом подышать, – ответил Николай.

– Пошли.

Майя вернулась домой, надела джинсы и тонкую трикотажную кофту, сверху накинула куртку и захватила печенье Мария. Николай же, как всегда, был в своих черных джинсах и синей куртке, он взял с собой термос с чаем и голубой резиновый коврик. Они встретились на лестничной площадке и отправились в центр города. На улице было тепло, весело светило весеннее солнце. Природа оживала с каждым днем все больше. Казалось, еще вчера почки на деревьях были совсем маленькими, а сегодня они стали ярче и зеленее. В такие вылазки Николай никогда не брал машину, пешая прогулка по городу была неотъемлемой частью их отдыха. Благо и жили они недалеко от центра Смоленска. На улице Николаева стояли старые желтые сталинские дома. На крышу одного из них они и собрались забраться. Поднявшись на последний этаж, Майя и Николай вышли на чердак, где

через слуховое окно выбрались на крышу. Оттуда открывался прекрасный вид на Смоленск. Насладившись его видами с разных сторон дома, они по традиции уселись на резиновый коврик Николая и стали ждать заката. С высоты птичьего полета заход солнца был особо впечатляющим зрелищем, недаром многие ружеры рвались на крышу только из-за него. Николай достал чай, и они начали беседу.

– Вот скажи, сейчас, когда ты уже почти закончила первый курс университета, ты не жалеешь, что выбрала именно это учебное заведение? – спросил Николай.

– Нет. Меня всё устраивает. Хотя сейчас у нас идет общая образовательная программа, предметов по специальности пока нет, – ответила Майя.

– Устала учиться? – участливо спросил Николай.

– Немного. Конечно, весна отвлекает от серьезных мыслей, хочется больше свободы. Очень жду лета, – объясняла Майя. – А ты помнишь тот момент, когда решил стать полицейским? – с интересом спросила Майя.

– Да. Это было в последних классах школы. Когда пора было подумать, куда поступать и чем дальше заниматься по жизни, – сказал Николай.

– Мама говорила, что полицейский в тебе жил еще когда ты был ребенком. Она рассказывала, как ты защищал всех попавших в беду в нашем дворе.

– Знаешь, в детстве мне просто нравилось помогать людям, которые не могут за себя постоять. Не то чтобы я хотел

стать полицейским или подражал каким-то киношным героям. Я просто не мог пройти мимо, чтобы не помочь. Прямо как ты прошлой весной, помнишь? Не смогла пройти мимо мальчишки, которого избивали взрослые парни. Помогая людям, я получал большое удовлетворение. Ну и спорт тоже мне всегда нравился. Но сам по себе он казался каким-то бессмысленным, что ли. Ты поддерживаешь отличную физическую форму, в некотором роде – работаешь на грани своих возможностей, насилуешь свое тело, и всё это для получения каких-то призрачных медалей и наград. Типа ты выступаешь за свой район, город, страну. Всё это меня не вдохновляло. От полицейского тоже требуется отличная физическая форма, но в этом хотя бы есть смысл. Ты спасаешь здоровье и жизни других людей. В последних классах школы я просто проанализировал все то, что мне нравится, и пришел к выводу, что надо поступать в школу милиции, – объяснял Николай.

– А тебя никогда не коробило, что твой круг общения очень ограничен? Ты ведь имеешь дело с самой низкой прослойкой населения – бандиты, воры, гопники.

– Почему ограничен? Мне по долгу службы приходится общаться с очень разными людьми. Когда допрашиваю свидетелей или даже просто приезжаю на место преступления, я знакомлюсь с людьми, общаюсь с ними. Знаешь, я завел аквариум после знакомства с профессором океанологии. Он был понятным по одному из моих дел. Уже после закрытия де-

ла я встречался с ним несколько раз. Он подарил мне крупную цихлиду, это для нее я купил такой большой аквариум. Красивая рыба, но она вырывала с корнем все водные растения. Что бы я ни посадил, она выковыривала. Даже самые простые водоросли рвала на части. Тогда я решил заполнить аквариум надводными растениями, но и с ними она регулярно расправлялась. Похоже, для нее это было забавой.

– Может, ей было скучно! Она одна жила?

– Она ни с кем не могла ужиться, подселенные к ней рыбы быстро впадали в депрессию от постоянных угнетений с ее стороны. Пока она жила, аквариум представлял собой толщу воды, в которой плавала одна большая рыба. Со стороны это выглядело не очень интересно, поэтому когда она умерла, я решил завести самых обычных маленьких рыбок.

– А я думаю, зачем ты для маленьких рыбок купил такой огромный аквариум!

– Я отвлекся от нашей темы. С Артуром я тоже познакомился на работе. У них украли реквизит на одном из модельных показов, ну и у нас завязалась дружба. А вообще, мой тебе совет – общайся по жизни с очень разными людьми. Это полезно. Так что старайся не замыкаться на одном каком-то круге общения.

Майя подумала, что в словах Николая есть доля правды.

Насладившись видом заката, Майя и Николай решили спускаться вниз. Они вышли с чердака, закрыли за собой и пошли по лестнице вниз. В это время дверь одной из квар-

тир на четвертом этаже приоткрылась. Чей-то женский голос пробурчал им вслед:

– Ходят тут! Спасая на вас нет! Помогли бы лучше.

Они обернулись и увидели старушку маленького роста с седыми вьющимися волосами, торчащими во все стороны. На ее лице была злобная гримаса.

– Что такое, бабушка? – спросил Николай.

Неожиданно лицо старушки преобразилось, на нем появилось что-то наподобие улыбки.

– Кот у меня убежал в подвал. Никак оттуда его не выманить! Вот бы вы, ребята, спустились туда да принесли его.

– Хорошо, бабушка, – ответил Николай. – Ключи от подвала у вас есть?

– Есть, – сказала еще больше обрадовавшись старушка. – Сейчас я вынесу, а вы идите пока вниз.

Майя с Николаем спустились по лестнице на первый этаж. Рядом с выходом на лестничную площадку располагался вход в подвал. На современной железной двери висел амбарный замок.

– Какой у нас сегодня интересный день! Сначала на крыше были, теперь в подвал спускаемся, – заметила Майя.

– Может, лучше здесь меня подождешь? – спросил Николай.

– Да ладно тебе! Пошли вместе, что я тут буду одна стоять, – настаивала Майя.

– Там могут быть крысы и мыши, – пугал ее Николай в

надежде отбить желание.

– Ничего страшного! – ответила Майя.

Вскоре старушка принесла ключ. Николай открыл им амбарный замок и распахнул дверь. С правой стороны на стене нащупал выключатель света, нажал на него – где-то сверху загорелась тусклая лампочка. Перед ними была достаточно крутая лестница вниз, затем шла небольшая площадка, в конце которой находилась еще одна дверь, ведущая непосредственно в сам подвал – как раз под лестничным пролетом. Они спустились вниз, и старушка протянула второй ключ. Николай вставил его в замочную скважину: старая мощная деревянная дверь, обшитая дерматином, со скрипом открылась.

– Как кот выглядит? Как его зовут? – спросил Николай.

– Рыжий такой. Мелентий, – ответила старушка.

– Вот так кличка! Еле выговоришь, – и они стали спускаться по небольшой лестнице в темноту.

Старушка осталась стоять в дверях. Затхлый воздух ударил в нос: внизу было пыльно и влажно. Николай включил фонарик на мобильном, чтобы найти выключатель света на стене. Обнаружив его, зажег свет в помещении. Ребята осмотрелись вокруг.

Подвал имел достаточно высокие потолки, они могли стоять в полный рост. Вдоль стен располагалась теплотрасса и связки водопроводных труб. В середине помещения весь пол был заставлен вещами. Было такое ощущение, что жители

дома устроили тут склад ненужных предметов. Там были старые велосипеды, коляски, мебель и даже какая-то кухонная утварь. Должно быть, с годами все это только накапливалось. Они обходили весь этот хлам, внимательно осматривая помещение. Майя непрерывно звала кота. Вдруг входная дверь со скрипом захлопнулась.

– Что это?

– Кажется, дверь закрылась, – ответила Майя.

– Что за чертовщина? – сказал Николай и выругался, его лицо посуровело, он пошел обратно к выходу.

Они поднялись по лестнице, подергали за ручку двери, но она была наглухо заперта.

– Как же мы теперь выйдем отсюда? – спросила с волнением Майя.

– Не знаю, Майка, расслабился я что-то сегодня. Нельзя было вот так идти сюда вдвоем, я же чувствовал. Надо было тебе остаться снаружи. Бабку мы эту не знаем! Может, местная сумасшедшая какая!

– А с виду бабушка как бабушка. Странно все это! Не может такого быть, Коля, это какое-то недоразумение! Откроет она скоро. Будем искать кота? – предложила Майя.

– А ты уверена, что кот вообще существует? – спросил Николай, навалившись всей тяжестью своего веса на дверь.

Майя молчала, не зная, что ответить.

– Вообще непонятно, как он мог сюда попасть, если только в подвал не была открыта дверь. Что-то окошек я здесь не

вижу, – сказал Николай.

Как бы они не бились с дверью, ничего не вышло. Николай достал свой резиновый коврик из рюкзака, постелил его вдоль одной из стен и они уселись на пол. Очень скоро теплый влажный воздух заставил их снять с себя куртки.

– Что же теперь делать? – спросила напуганная Майя.

– Давай попробуем подождать. В случайно закрытую дверь я не верю. Бабка специально нас здесь заперла. Видать, в отместку за хождение по крыше. Тогда утром она должна бы нас выпустить, – сказал Николай, обняв Майю за плечи.

– Может, позвонить кому-то? – предложила она.

– Здесь нет сети. Это бесполезно, – ответил Николай. – И стоит побереечь заряд на телефоне.

Но Майя все же достала свой мобильный и попробовала позвонить домой, потом отправить эсэмс, выйти в интернет. Но всё было тщетно. Ничего не вышло. Майя до сих пор не могла поверить, что старушка могла запереть их намеренно. Откуда такая жестокость в старой женщине? А если она и утром не откроет дверь! Отсюда же никак не подать знак о помощи. За дверью еще целый лестничный пролет, стучать в эту дверь бесполезно, их всё равно никто не услышит. И главное, ведь ей всё с рук сойдет! Хоть умри они здесь – когда их тела найдут, никто даже и не подумает искать эту старуху. «Если я отсюда выберусь, я ей все волосы повыдираю на голове», – думала про себя Майя. Николай же пообещал, что когда они вылезут отсюда, старушке сильно не поздоро-

вится. Остаток своих дней она проведет в тюрьме за покушение на убийство. Правда, вскоре он сменил тему, чтобы не будоражить себя и Майю. Николай рассказал ей, что дом, в котором они находятся, построен еще до войны. В нем жил его школьный друг, в детстве они как-то лазали вместе на чердак и там на стропилах увидели старые надписи еще довоенных лет. Он уже толком не помнит, что там было написано, но под оставленной записью был подписан год – 1937. Дедушка друга поведал, что видел их еще в свое детство. А во время войны здесь располагался госпиталь. Николай стал рассказывать про военные годы.

– Попробуй подремли, Майя, – предложил он через какое-то время. – Пить хочешь? У нас же почти целый термос с чаем и твои печенюшки.

Майя отказалась от чая и печенья. Ей очень хотелось спать, ведь было уже около одиннадцати ночи. Она закрыла глаза, уткнулась лицом в рубашку Николая и уснула.

В три часа ночи Николай вдруг встал с коврика.

– Что такое? – спросила спросонья Майя.

– Ноги затекли. Не нравится мне все это, – говорил Николай, прохаживаясь и разминая ноги. – Что-то мне подсказывает, что старуха не придет утром.

– Неужели она решится оставить нас здесь? – обеспокоенно предположила Майя.

– Вполне. Может просто банально забыть про нас. – Николай взял рюкзак с пола и стал в нем копошиться.

– Что ты ищешь? – спросила Майя.

– У меня был с собой электрический фонарик, хочу достать его, а то телефон мы так быстро разрядим, – с этими словами он вынул маленький плоский светодиодный фонарик размером с ее ладонь. – Послушай-ка, давай попробуем пройти по подвалу. Поискать другой выход. Если не найдем ничего, к утру вернемся сюда.

– Думаешь, где-то может быть открыт вход в подвал? – предположила Майя.

– Нет. Дом старый. Возможно, здесь есть выход в подземелье Смоленска, – сказал Николай.

– В какое еще подземелье?

– Ты всю жизнь живешь в Смоленске, а про систему подземных ходов никогда не слышала? – осуждающе сказал Николай, надевая рюкзак себе на плечи.

– Я не знаю. В смысле – я не помню. Извини! – смущенно пробормотала Майя, а про себя подумала, что опять что-то не то ляпнула спросонья. Николай улыбнулся и погладил ее по голове.

– Контуженная ты моя! Все время забываю про твою травму головы и поражаюсь выборочной памяти, – сказал он снисходительно. – Надевай куртку, проверь шнурки на кроссовках и посмотри, чтобы ничего не свисало, шарф там или ремень на джинсах. Чтобы ни за что не зацепиться ни здесь, не тем более в узком ходе подземелья. Если мы, конечно, его найдем. Но думаю, что найдем, ибо дедушка моего школь-

ного друга говорил, что в доме есть выход в подполье.

– И куда же оно нас приведет? – спросила Майя.

– Скорее всего куда-то к Днепру.

– А тот самый дед был в нем? – поинтересовалась Майя.

– Не был и лично сам входа не видел, ему рассказывали соседи.

Они двинулись по помещениям подвала. Те напоминали залы с большим количеством перекрытий внутри. В первых двух было проведено электричество. Николай включал свет, и они внимательно осматривали место, в особенности пол, на котором теперь уже валялся другой тип мусора – строительный. Старые гнилые доски, остатки деталей сантехнических конструкций. Видимо, сантехники тоже не особо задумывались о том, что хорошо бы хоть что-то вынести на помойку. Зачем, ведь сюда никто не ходит, так что пусть будет бардак. Позже за неимением электрического освещения пришлось пользоваться ручным фонарем. Стало понятно, что кот – это лишь предлог старушки, никаких окон и вообще каких-либо лазеек в подвале не было, не могло сюда забраться животное с улицы. Вскоре они достигли помещений следующего подъезда и нашли второй выход из подвала, но он тоже оказался заперт. Такая же старая деревянная дверь, обитая дерматином, а далее скорее всего лестничный пролет и какая-нибудь современная железная дверь. В общем-то они и не надеялись, что второй вход будет открыт. Это было бы удивительным везением. Они шли дальше, проходя зал за залом.

В одном из помещений, недалеко от стены, Николай увидел большую старую батарею. Майя не придавала этому никакого значения и удивилась, когда Николай ногой пытался сдвинуть ее с места. И только тогда она заметила, что батарея лежит на каком-то возвышении. Наконец Николай сбросил ее.

Под батареей показался люк.

– Вот он, родненький, – сказал Николай и попросил Майю взять фонарик и осветить ему на крышку люка. Выглядела она ужасно: грязно-медного цвета, местами очень сильно проржавевшая, но высокая, толщиной с мужскую руку и по виду достаточно тяжелая. Николай схватился за крышку и кряхтя снял ее. Изнутри повеяло холодом – казалось, там было еще темнее, чем снаружи. Вниз шла крутая металлическая лестница.

– Ну вот мы и нашли с тобой подземный ход, – сказал Николай. – Давай-ка накинь капюшон куртки на голову, мало ли что может упасть сверху, та же грязь. Приятного мало. Мы теперь с тобой не только ружферы, но и диггеры, – ухмыльнувшись, сказал он.

Майя очень обрадовалась входу в подземелье, но радость эта прошла, как только Николай спустился и она последовала за ним. Они держались за пыльную шершавую железную лестницу и шли вниз. Там было холодно и пахло канализацией. Наконец, она встала ногами на каменный пол подземелья. Майя интуитивно прикрыла нос рукой, чтобы хоть как-то защититься от запаха, Николай осветил фонариком окру-

жающее пространство. Они находились в самом конце туннеля, который был достаточно узким: при желании они могли бы пройти по нему рядом друг с другом, но тогда пришлось бы задевать куртками красные кирпичные стены. На невысоком арочном своде потолка росли небольшие десятисантиметровые сталактиты, они свисали тонкими сосульками почти над самыми головами. Майе вдруг вспомнилось, как в одной из телепередач рассказывали, что за десять лет сталактит вырастает в среднем на один сантиметр. «Это им лет сто, получается», – думала она, пытаясь прикинуть их длину на глаз. Николай пошел вперед, освещая фонариком путь; следом за ним осторожно двинулась Майя. Атмосфера была как в хорроре. Девушке казалось, что она здесь просто задохнется. Николай, чувствуя ее волнение, стал отвлекать рассказом о подземельях. Его голос звучал здесь глухо, отражаясь от старых каменных стен туннеля. Он рассказывал, что весь Смоленск издревле изрыт подземными ходами, которые прокладывались еще во времена постройки крепости. Во время Великой Отечественной войны подземные ходы активно использовались людьми. Они связывали важнейшие стратегические пункты города. После войны здесь даже жили люди.

– А сейчас городские власти как-то используют подземелье? – спросила дрожащим голосом Майя. Она не любила замкнутые пространства. Не то чтобы у нее была фобия, но чувствовала она себя неуютно.

На эти ее слова Николай повернулся, посветил фонариком в стену рядом с ней, так чтобы тень падала ей на лицо. Наклонился и поцеловал ее долгим поцелуем в губы. Майя, растерявшись от неожиданности, чуть не оттолкнула его, но вовремя спохватилась и просто схватилась руками за рукава его куртки. Потом он сказал:

– Все будет хорошо. Мы обязательно выберемся, – затем развернулся и пошел дальше по туннелю, продолжая свой рассказ, будто ничего не произошло.

– Да. Схемы ходов есть и у наших спецслужб. Некоторые коридоры и помещения до сих пор используются в стратегических целях. Кстати, эти части подземных ходов закрыты от обывателей. Какую-то часть спецслужбы специально завалили, чтобы люди не шастали. Некоторые туннели обвалились, но многие намеренно засыпаны еще довоенным поколением. Я пару раз был в Смоленском подземелье. Знаешь, будучи курсантом школы милиции, я и еще трое моих однокурсников ходили с местными диггерами в походы. В первый раз мы спустились в подземелье непосредственно под крепостной стеной в районе ее восточной части. Это был кирпичный туннель со сводчатым потолком, построенный во времена строительства стены. Он был небольшой, метров сто пятьдесят – сто семьдесят в длину. Однако на меня это произвело впечатление. Было интересно посмотреть на старую кирпичную кладку, осознавать, что этим ходом пользовались люди еще несколько столетий назад. Он, правда, был сильно ис-

хоженный и не длинный, но хорошо сохранившийся. Поговаривали, что в былые времена там прятались фальшивомонетчики. Наверное, не врут, потому что одно время в подземелье ребята находили старинные монетки. Потом продавали их. Кстати, деньги были, может, и небольшие, но ощутимые для жизни. Хотя тогда, когда я туда спускался, всё уже было вынесено. Мне, конечно, хотелось посетить еще какой-нибудь подземный туннель, поэтому во второй раз мы попросили диггеров найти ход подлиннее, и они повели нас к реке Городянка. Спускались мы через трубу водоканала, потом она переходила в гранитную кладку девятнадцатого века; далее шел небольшой участок, скорее всего семнадцатого века, он как раз под мостом; затем опять гранитный туннель, а за ним современный бетонный ход и опять труба водоканала, ведущая к Днепру. Вот такая вот смена эпох за короткое время перед глазами. Впечатляющее зрелище! И в общем-то этого похода мне хватило, чтобы удовлетворить свое любопытство и больше не ходить в подземку. А у диггеров, с которыми мы путешествовали, даже была своя карта с подземными ходами.

– Городянка? – удивленно спросила Майя.

– Сейчас это подземная речка Смоленска, а раньше это была обычная река. Когда в девятнадцатом веке прокладывали железнодорожные пути, речку сделали подземным руслом. Затем ее надо было вписать в систему очистных сооружений города, так появилась бетонная часть подземелья и

сама труба водоканала.

– Надо же! – сказала Майя. – А когда построили этот туннель, по которому мы идем?

– Сейчас подумаем. Кирпичные стены, тот же невысокий, но сводчатый потолок, едва уцелевшая каменная кладка на земле, – задумчиво рассуждал Николай. – Мне кажется, это одно из каких-то ответвлений подземного хода семнадцатого века. Сколько их было вырыто под городом, сказать сложно. Так что мы идем заброшенным старинным туннелем, сделанным несколько столетий назад. Ощущаешь дух истории?

– Я?! – воскликнула Майя. – Я чувствую, что мы в полной жопе, и мне, если честно, уже все равно, когда и кем был построен этот туннель, – с отчаянием в голосе ответила Майя.

Николай засмеялся в ответ и развернулся к ней лицом, а Майя продолжала:

– Только не говори, что ты наслаждаешься нашим путешествием!

– Нет конечно. Не при таких обстоятельствах. Но все же это историческое место и, может быть, понимание этого поможет нам идти по туннелю не с таким уж отвращением.

– Пахло бы здесь еще нормально, а то я чувствую себя червем, посетившим канализацию. Вообще не понимаю, чем мы дышим!

В этом момент над их головами что-то задрезало, слышался громкий, с каждой секундой нарастающий рокот. Туннель затрясся и словно заходил ходуном. Майя от страха

кинулась к Николаю. Тот обнял ее, крепко прижав к груди, и сказал:

– Не бойся, девочка моя!

Через минуту всё стихло.

– Что это было? – спросила Майя.

– Это трамвай, – улыбаясь ответил Николай.

– Что? – переспросила шокированная Майя.

– Над нами проехал трамвай. И это хорошо, теперь мы хотя бы приблизительно можем понять, куда ведет этот ход.

– Трамвайные пути есть возле Камерного театра, – вдруг вспомнила Майя.

– Правильно. Оттуда трамвай едет либо на улицу Багратиона, либо в сторону Днепра. Я думаю, туннель ведет в сторону реки, – ответил Николай.

– До Днепра далековато отсюда, – заметила Майя.

– Ну не так уж чтобы совсем далеко. Потихоньку доберемся, – утешал ее Николай.

– А откуда ты знаешь, что это трамвай? – поинтересовалась Майя.

– Я испытывал уже такое, когда с диггерами ходил в подземелье. Тоже испугался тогда, пока они не объяснили, в чем дело, – ответил Николай.

Они продолжили свой путь, осторожно двигаясь вперед. Николай освещал фонариком прежде всего дно туннеля, чтобы не споткнуться. Но здесь, в отличие от подвала дома, ничего не было, лишь изредка попадались небольшие оскол-

ки каменной кладки. Кирпичи, когда-то выложенные в качестве пола, со временем неравномерно осели под грунт и выпирали из-под него своими острыми краями, давя на подошвы кроссовок. С каждым пройденным шагом воздух становился неприятнее, приобретая всё более затхлый запах. Николай между тем продолжал рассказывать. Майя понимала, что он пытается отвлечь ее от переживаний, но слушать все равно было интересно.

– Улица Николаева – это не такое уж и старое название, его дали в честь космонавта, который служил в одной из частей Смоленского гарнизона. А в прежние времена улица называлась Первой Краснинской. Эта часть города – одна из наиболее древних, так что я не удивлен, что сюда был когда-то проложен подземный ход. Здесь в старину неподалеку был соляной магазин, а подвал дома, из которого мы ушли, построили вначале тридцатых годов. Вдруг Николай резко остановился.

– Что случилось? – спросила взволнованно Майя, невольно уткнувшись лицом в его спину. Николай отодвинулся в сторону, и она увидела целый скелет человека, а вернее его мумифицированные останки. Это была смесь из костей, ткани и кожи, что придавало его виду еще больше ужаса. Скелет как будто сидел, облокотившись на стену туннеля. Рядом с ним лежал старый советский ручной фонарь классической цилиндрической формы.

– О господи! Что это? – спросила Майя.

– Не знаю, – Николай нагнулся, освещая фонариком находку. – По всей видимости, это мужчина. Широкая грудная клетка, относительно узкий таз и крупные кисти. Малоприятная находка. И, видимо, придется сюда потом направить ребят, чтобы подняли его и установили личность. Не дело это, что человек умер, а родственники даже не знают, что случилось с ним.

– Я бы не стала этого делать. Любые путешествия под землей опасны. Все уже давно смирились с его исчезновением, – возразила Майя.

– Ладно, об этом мы подумаем позже, – сказал Николай.

– Как думаешь, сколько он здесь уже лежит? – спросила Майя.

– Сложно сказать, Майя. Я не патологоанатом. Думаю, лет пятьдесят точно, – ответил Николай.

– Это так ужасно! – сказала Майя, шмыгнув носом.

Они двинулись дальше. Николай что-то рассказывал про установку личности в его собственном опыте и в практике его знакомых коллег, но Майя уже толком не слушала его. Да и он, похоже, бубнил все это, лишь бы в туннеле не было тихо. Она механически шла за ним и все время шмыгала носом. Она так плакала про себя. Этому она научилась еще в прежней жизни: когда хочется плакать, но как-то неудобно это делать на людях, то можно просто шмыгать носом. «Шмыг-шмыг» – и тебе уже немного легче. Наверное, сейчас они с Николаем думали об одном и том же. Они тоже могут

не выбраться отсюда. «И будет здесь уже три скелета, один из которых женский. Так странно, ведь он как-то спустился сюда, почему же не вернулся обратно? Может, поломал ногу? А может, его убили, а сюда принесли тело? Такое ведь тоже может быть. Спросить Николая? – размышляла Майя. – Нет, наверное, лучше его сейчас не трогать расспросами. Ему тоже тяжело, просто он крепится передо мной, ведь в его глазах я – юная девушка». Николай вновь остановился, прервав поток Майиных мыслей.

– Что такое? – с замирающим сердцем спросила Майя.

– У нас проблемы, – сказал Николай и опять отодвинулся в сторону. Майя увидела, что впереди ход закрыт старой кованной решеткой, а за ней туннель будто бы расширялся. – Давай-ка посвети мне фонариком, попробую что-нибудь сделать.

Майя безропотно взяла фонарик. Внутри у нее всё упало. Она думала о том, что теперь им не выбраться отсюда. И человек этот погиб, наверное, так же. Он наткнулся на закрытый ход и не смог пройти дальше.

Николай всей массой своего тела налег на проржавевшую пористую решетку и стал давить, и она начала крошиться. Майя не могла поверить своим глазам – похоже, решетка настолько проржавела, что стала медленно рассыпаться. В один миг отчаяние вдруг сменилось надеждой.

– Майка, нам бы какой-нибудь предмет, которым можно бить по решетке. Видать, под действием влажности за

несколько столетий она сильно испортилась. Просто крошится. У меня ничего такого нет. Термос мне жалко, нам еще чай понадобится. Да и его материал хлипкий.

– Может, попробуем взять фонарь того несчастного парня? – предложила Майя.

– Отличная идея, – сказал Николай, и они двинулись обратно по подземному ходу к мумифицированному скелету. – В советские времена вообще вещи делали хорошо, они долго служат. А решетку поставили очень давно, скорее всего в семнадцатом веке. Я сначала думал, что это со времен Наполеона, но, видимо, ошибся. Слишком плохое у нее состояние.

Вернувшись к останкам погибшего, они забрали фонарь, лежавший рядом с ним, и пошли обратно к решетке. Николай рассматривал старый осветительный прибор, внутри которого была лампа накаливания.

– Он тоже пострадал от влаги подземелья. Ржавчина поела и его металлический корпус, – сказал Николай.

– Сколько ему лет? – спросила Майя.

– Думаю, он производства пятидесятих годов. У моего отца был такой.

Добравшись до кованой преграды, Николай попросил Майю осветить на нее, а сам стал бить задней частью фонаря по решетке. Та крошилась, металлический корпус фонаря беспощадно мялся. В какой-то момент решетка просто стала рассыпаться в руках. Теперь лаз был достаточно велик, что-

бы они пролезли через него, предварительно сняв верхнюю одежду. Николай отломал еще один кусочек коленом, когда пролезал, упираясь им в решетку.

– Ну ты даешь! – удивилась Майя.

– Давай немножко отдохнем, – предложил Николай, когда они оказались с другой стороны решетки. – Что-то я подвыдохся! Достань чай, – попросил Николай, облокотившись спиной о стену подземелья.

Майя достала резиновый коврик, постелила его вдоль туннеля, Николай сел на пол, а она полезла в рюкзак за термосом. Налила в его крышку чай и протянула ему. Затем сама села рядом.

– Курить ужасно хочется! – жаловался Николай.

– Не вздумай этого делать! – ответила Майя. – Здесь нельзя курить, мы задохнемся с тобой.

Николай в знак согласия закивал головой.

– Лет пятьдесят назад, когда здесь оказался запертым этот погибший парень, мы бы не выломали решетку. И сейчас-то это оказалось не таким простым занятием. Одной женщине, конечно, такое было бы не под силу. Сколько я ломал ее? – спросил Николай.

Майя посмотрела на свой мобильный и сказала:

– Почти час.

– А я-то думаю, чего я так устал, – ответил Николай.

Они посидели некоторое время и продолжили путь. Майе не показалось, дальше ход действительно расширился, по-

толки тоже стали выше, и они наконец-то смогли идти рядом друг с другом. Спустя время с правой стороны туннеля они увидели проход. Они прошли туда. Там находилось небольшое помещение с нишами в стенах, в которых могли поместиться пара железных ведер. Они с интересом осмотрели его, но кроме мелких камней, разбросанных по полу, ничего не нашли. Было件нятно, что выбраться из него на улицу не получится, надо возвращаться обратно в туннель. Майя немного успокоилась. В узком темном подземелье до встречи с кованой решеткой она чувствовала себя плохо, там было мало места и воздуха. Сейчас же она ощущала себя гораздо лучше. В голове появились мысли о том, что этими ходами пользовались люди очень много лет назад. И вот это помещение, в которое они зашли, тоже, наверное, как-то активно применялось в былое время. Возможно, там был склад оружия или ценных вещей. Коридор перестал расширяться, и вскоре они увидели развилку на два отдельных узких туннеля. Они решили сначала свернуть налево, но через некоторое время попали еще в одно помещение.

– Похоже это тупик, Майя, – сказал Николай. – Как бы тоже самое нас не ожидало в правом ответвлении туннеля.

– Но должен же подземный ход с чем-то сообщаться! Не может быть, чтобы был только один вход в подземелье, должен быть и выход. К тому же металлическая лестница, по которой мы спускались из подвала дома в подземелье, она же советского образца. Люди ведь для чего-то ее туда поста-

вили! Не просто же так засунули.

– Может, это погибший парень ее туда опустил, чтобы попутешествовать? – предположил Николай.

– Ага! А его друзья закрыли крышку люка и положили на нее батарею. Странен тот факт, что у него с собой не было никаких вещей. Путешествуют же с рюкзаком или сумкой, на худой конец, а у него только один ручной фонарик. Больше похоже на то, что он просто спустился в подвал дома, а вовсе не собирался путешествовать по подземелью. Прямо как мы с тобой!

– Может, его тоже отправила та же бабка, что и нас? – решил пошутить Николай.

– Ну да! Только тогда она была молоденькой девушкой, которая решила избавиться от назойливого ухажера и послала его в подвал за мифическим котом, – иронизировала Майя.

Помещение, в котором они находились, тоже оказалось пустым. Здесь тоже имелось несколько ниш, но поменьше размером. Они бегло осмотрели его и, не найдя для себя ничего полезного, вернулись обратно в общий ход, а потом свернули в правое ответвление туннеля. Через пару десятков метров подземный ход стал сужаться, потолок становился ниже и Майя подумала, что скоро ей вновь придется идти за Николаем, а не рядом с ним. Вдруг перед ними предстал завал из черных некрупных камней. Они лежали горой, которая начиналась от самого верха подземелья.

– Значит, выход здесь, – сказал Николай.

– Но он завален камнями, – отметила Майя. Она попробовала подковырнуть ногой один из них на полу, но тщетно. Он как прирос к нему.

– Давай-ка посвети мне. Попробую рассмотреть его, – сказал Николай, дал Майе фонарик, а сам, пригнувшись, забрался на завал под самый верх подземелья. – Только отойди немного, чтобы на тебя ничего не упало. Посвети мне сюда.

Майя сделала несколько шагов назад и направила луч фонаря на место, куда указывал Николай. Он ощупал каменную стену и попробовал руками убрать камни, надавливал на них сбоку. Отваливаясь, они скатывались вниз по наклонной поверхности завала к ногам Майи.

Потом он выбрал один из упавших камней, наиболее подходящий по форме и размеру, и со всей силой ударил по нему. Постепенно камни поддавались и падали вниз. Николай кричал и тяжело вздыхал, но продолжал выбивать их сверху. Майя видела, что ему тяжело. Это оказалось не таким простым занятием. Фонарь, который они забрали у погибшего парня, был так сильно изуродован и смят, что они оставили его рядом с кованной решеткой. А сейчас им так нужен был какой-нибудь подходящий предмет для разбора завала!

Неожиданно скатилась целая группа камней. Николай от радости повернулся к Майе, но в этот момент сверху него будто что-то провалилось, и на голову Николая обрушился

целый град из камней с примесью земли. Майя интуитивно отскочила в сторону. Когда камни перестали падать, она увидела лежавшего на завале без сознания Николая. Она положила светящийся фонарик на пол, подошла к нему и попробовала развернуть его с живота на спину. С трудом справившись, она увидела кровавую рану у него на макушке. Кровь шла достаточно сильно. Пытаясь заглушить испуг, Майя достала початую упаковку бумажных салфеток из кармана своей куртки и приложила к его лбу. Салфетки очень быстро пропитались кровью, а у нее больше ничего не было. Тогда она сняла с себя куртку, трикотажную кофту и майку. Майкой она крепко обмотала голову Николая. Потом оделась и склонилась над ним, прислушиваясь. Он дышал, но по-прежнему был без сознания.

– И что же теперь делать? Вот и осталась я одна, – думала Майя. Она была в отчаянии. Впервые в жизни она действительно оказалась в безвыходной ситуации. Все предыдущие приключения ей показались мелочью. Майя понимала, что жалея себя легче ей не станет. Лучше попробовать успокоиться и проанализировать сложившееся положение. Какие могли бы быть пути его решения? Пусть даже самые фантастические. Майя стала припоминать советы ее бабушки и отца о том, как вести себя в сложных жизненных обстоятельствах. Размышляя об этом, она вдруг вспомнила слова своей бывшей подруги Илоны: «Когда ты находишься в тяжелой ситуации, самое главное – не паниковать. Надо попробовать

успокоится, и тогда ты сможешь услышать свой внутренний голос. Он точно знает, что надо делать. Но поскольку мы как сумасшедшие, все на эмоциях, нервах, то не слышим его. А наша душа, она пришла из другого мира, она точно знает, что надо делать». Майя села рядом с Николаем, положила едва светящийся фонарик на его рюкзак, брошенный на полу у стены, и попробовала максимально отрешиться от происходящего. Она приняла удобную позу, подняла голову, закрыла глаза и ждала, когда мышцы ее тела расслабятся, а голову начнут посещать умные мысли. Где-то через пол часа в голове прозвучало: «Надо позвать Корсара».

– Корсара? – повторила вслух Майя, открыв глаза. – Это еще кто? – на мгновение задумалась она. А потом вспомнила: ведь так звали ангела, который пришел за ней, когда она в прошлой жизни попала под троллейбус и умерла в Петербурге. – Точно! Он же тогда пришел и сейчас, наверное, сможет мне помочь, – осенило ее голову.

Тут фонарик погас, батарейки полностью разрядились. Майя убрала его в рюкзак Николая и достала свой мобильный, решив пользоваться светом с экрана, не включая фонарь. Все равно некуда идти. Теперь на рюкзак она положила свой телефон, еще раз оглядела Николая, который всё также лежал без сознания, и с отчаянием в голосе произнесла:

– Корсар! Мне нужна твоя помощь. Приди ко мне!

– *Корсар, не делай этого!* – убеждал Рене.

– *Я не могу! Она зовет меня. Ты понимаешь – всё на-*

столько плохо, что она зовет меня!!!

– Если ей суждено закончить свою жизнь сейчас, значит, так тому и быть. Нельзя вмешиваться! Остановись!

– Какая страшная смерть ждет ее в этом подземелье... Она умрет от обезвоживания в муках! Я ухажу. Можешь пока подумать над моим наказанием за это!

– Я заставлю тебя прожить еще одну земную жизнь.

– Хорошо. Я согласен.

– Ладно, иди! Удачи тебе! – сказал Рене, прежде чем тот растворился в воздухе, а потом добавил:

– Надо бы поменять Мириаде гида, этот слишком зависим от нее.

– Корсар! Мне нужна твоя помощь. Приди ко мне! – продолжала повторять Майя, пока в конце туннеля не забрезжил зеленоватый огонек. Он пульсировал изнутри и то немного увеличивался, то уменьшался, словно звал Майю за собой. Увидев его, она забыла обо всем на свете. С одной стороны, она ожидала чего-то сверхъестественного, с другой была поражена происходящим. Майя пошла навстречу, совершенно забыв про свой телефон. Огонек одиноко мерцал в туннеле, будто дожидаясь ее, но как только она приблизилась, он вдруг полетел дальше по подземному ходу, удаляясь от нее. Майя прибавила шаг. Огонек летел, а она следовала за ним. И тут она вспомнила, что оставила свой телефон на рюкзаке. «Как же я без света пойду обратно? Я же заблужусь в этих подземных ходах. Да и Николая не предупредила о том, что

уйду, не написала записку, – размышляла Майя. – А может и хорошо, что оставила телефон. Если вдруг Николай придет в сознание, то рядом хоть будет слабое освещение».

Она вспомнила, как после удара электрическим током пришла в себя в темноте зарослей кустов возле Смоленской крепостной стены. Поначалу она вообще не понимала, где она находится и что с ней случилось. Так и с ума сойти можно! Еще она думала о том, что идет прямо по подземному ходу, никуда не сворачивая, так что вернуться будет просто. Они дошли до развилки общего хода на два ответвления, и огонек повернул направо. «Так! Надо запомнить: когда пойду обратно, нужно поворачивать налево, а не идти прямо. Запомни, Майя! – говорила она сама себе. – Все мужики ходят налево, и я сегодня в поисках Николая тоже пойду налево». Майя использовала первую пришедшую ей на ум ассоциацию, чтобы осталось в памяти. Наконец, они дошли до помещения с нишами внутри. Огонек подлетел к одной из них и остановился, освещая ее изнутри. Майя подошла к нише вплотную. На ее удивление огонек не отлетел. Она смотрела на него и думала, что это не просто свет, это какая-то сущность излучает свет рядом с ней. Наконец, словно очнувшись, она перестала разглядывать огонек, а стала осматривать нишу, просунув в нее обе руки. В глубине она нащупала какую-то выемку, а в ней кирку. Ее молот был сделан из старого металла, ручка же изготовлена из дерева. «Это просто замечательно!» – подумала она. Теперь будет чем дол-

бить стену!» Она вынула его. В этот момент огонек отделился от ниши и полетел в туннель. «Интересно, а что еще он мне покажет», – думала Майя, следуя за ним. Но, судя по всему, огонек вел ее обратно к Николаю. И действительно, через некоторое время они свернули налево, и он полетел дальше. Наконец, перед ней предстал завал и лежавший на нем Николай. В этот момент огонек погас. Майя взяла свой оставленный на рюкзаке телефон и включила на нем фонарик. Она решила сама осмотреть завал, но свет фонаря попал на лицо Николая. Тот открыл глаза и зажмурился.

– Черт! Как голова раскалывается! – сказал он и схватился за нее.

– Осторожней! Я повязала косынку, камень пробил тебе голову, – сказала она и показала ему кирку. – Смотри, что я нашла в подземелье!

– погоди, дай мне немного прийти в себя, – прокричал он, пытаясь сесть. – Ну вот, вроде получше... Дай гляну, что там у тебя... Ух ты! Это же просто отлично! Им можно долбить стену. Где ты его достала?

– В нише одного из помещений, которые мы проходили. Потом расскажу. Надо поскорее выбраться отсюда.

– Обязательно выберемся. Давай-ка попробуем его в деле, – сказал Николай, беря из ее рук кирку. Он медленно встал, опираясь на Майину руку, опять забрался по камням под самый потолок подземелья и стал осматривать завал.

Майя стояла внизу и светила ему фонарем.

– Отойди подальше. А то я уже боюсь, чтобы и тебя не зашибло.

– Подожди, Коля. Мне кажется, бить надо не туда, как ты делал, а левее, – предложила Майя.

– Хорошо. Тогда свети сюда, – согласился Николай.

Николай стал наносить удары киркой по стене. Камни разлетались в разные стороны. В какой-то момент кирка пробила завал насквозь. Николай вынул ее и почувствовал, как изпод камней подуло.

– Майка! Там, кажется, улица, – радовался Николай.

– Урра! Боже мой, неужели мы нашли выход! Просто не верится!

– Нашли, – утверждающе сказал Николай и продолжил долбить стену, где вскоре образовалось отверстие размером с кулак. Оттуда дул прохладный воздух и сквозил свет.

– Передохни, ты устал, – предложила Майя.

– Это да! – сказал Николай и сел возле стены.

– Как твоя голова? – спросила Майя.

– Да ничего вроде! Я от радости почти не чувствую боль.

– Это хорошо.

Они посидели пятнадцать минут, выпили остатки чая из термоса, заели печеньем. Потом Николай продолжил разбирать завал дальше. Вскоре образовалась целая нора, через которую Майя вылезла на улицу и попала во что-то наподобие траншеи. После темного подвала улица казалась раем. Она ослепляла глаза солнечным светом, разнообразие зву-

ков било по ушам: гул машин, щебет птиц, ветер, колыхавший ветки деревьев. Для Николая же ход оказался маловат.

– Давай я позвоню сейчас, и к нам придут на помощь, – предложила Майя.

– Да я почти справился. Подожди еще полчаса, сейчас и я выберусь.

Борьба с каменной стеной продолжилась. И вот наконец в одном из мест она обвалилась, и он вылез в наружу. От радости он обнял Майю. Только сейчас она обратила внимание, какие они оба страшно грязные. Перепачканные в чем-то сером и черном лица, пыльная одежда, будто оба они где-то валялись. Хотя почему «будто бы», они и правда валялись. Николай выглядел на порядок хуже. Пол лица с кровавыми подтеками, слипшиеся взъерошенные волосы и повязанная на скорую руку майка на голове.

– Ну вот, теперь домой, – сказал Николай, глубоко вдыхая уличный воздух. – Только я пока не понял еще, где мы находимся.

– Подожди! Давай я сниму повязку с головы. Это моя майка, – остановила его Майя.

– Да ладно! – заулыбался Николай.

– Кровь уже давно остановилась и запеклась. Сейчас на улице светло, не стоит шокировать прохожих кровавой тряпкой, – объяснила Майя.

Николай согласился, и она аккуратно сняла ее. С виду рана выглядела более – менее прилично, и без повязки не так

сильно бросалась в глаза разбитая голова. Майя послушавши чистый кусочек повязки и протерла от крови лицо Николая.

Они прошлись по траншее, нашли подходящее место, чтобы выбраться, и вылезли из нее. Наверху Николай осмотрелся и заявил, что они находятся возле Чуриловского рва, а потом добавил:

– Ну бабка, держись! Я устрою тебе сегодня разбор полетов. Только сначала тебя, Майя, провожу до дома, приведу себя в порядок и наконец-то выкурю сигарету.

Майя рассмеялась, а Николай потянулся за пачкой сигарет в карман брюк.

И они неспеша отправились домой. Через пол часа пришли к своему дому. На часах было восемь утра. Обоим очень хотелось спать. Майя открыла ключами квартиру и прошла внутрь. За ней зашел Николай. Майя стала снимать обувь, как вдруг как из ниоткуда перед ней появился Михаил Валерьянович.

– Пришла, Майка! – сказал он, коротко бросив стоящим у него за спиной Полине и Андрею. – Идите матери скажите, явилась она с ухажером своим.

– Папа?! – сказала Майя.

– А вы, Николай Александрович, когда мою дочку замуж возьмете, а то уже год пользуетесь ею?

– Папа! Ну что ты такое говоришь, – стала возмущаться Майя. – Мы с Николаем просто дружим.

– Это ты Польке с Андриюшкой рассказывай, они первоклассники, может и поверят, а мне голову морочить не надо! Мать всю ночь не спала. Нетути тебя! – сказал Михаил Валерьянович, разводя руками в стороны.

– Я хоть завтра готов подать заявление, – вмешался вдруг Николай.

– Пожалуйста, прекратите! Такие вещи на горячую голову не делаются. Папа, у Николая разбита голова, разве ты не видишь? – сказала Майя, пытаясь переменить тему.

– Как пробита? – спросил Михаил Валерьянович.

– Ну вот же, смотри! Вся макушка в запекшейся крови.

– Вот те на! Это где так тебя угораздило-то? Пойдем-ка в кухню, сейчас обработаем.

Майя прошмыгнула в ванную, а Михаил Валерьянович усадил Николая на табурет и принялся заниматься его головой. Когда Майя вышла, Николай уже ушел к себе. Она немного расстроилась, ведь они даже не попрощались после такого приключения. Майя подумала было зайти к нему, но потом всё же решила лечь спать.

Спала она богатырским сном. Ей снилось подземелье, летающая старушка с рыжим котом на руках и преследующий ее зеленый огонек. Майя проснулась в шесть вечера оттого, что Николай тряс ее за руку.

– Майка, просыпайся! Ну сколько можно спать! – говорил Николай.

– А что сейчас – утро? День или вечер? – сонно спросила

Майя, чувствуя ужасную усталость в теле.

– Вечер, вечер ... – засмеялся Николай. – Хочешь узнать, как я сходил к той вредной старушке?

Майя тут же села на диване, наострив уши. Николай стал рассказывать про визит к бабушке. Когда он пришел к ней домой и принялся звонить в дверь, она долго не открывала. Тогда он попробовал подергать за ручку двери и оказалось, что дверь в квартиру была не заперта. Старушку он нашел в последней комнате, она сидела в кресле и вязала шарфик. Завидев его, она немало удивилась, а дальше между ними состоялся такой разговор.

– Молодой человек, а вы что тут делаете? – возмущалась старушка.

– А что же вы, бабушка, дверь не закрываете в квартиру? – спросил Николай.

– Как не закрываю? Всё я закрывала, – начала спорить старушка, откладывая вязание и поднимаясь с кресла. – Я вот сейчас милицию вызову. Кто дал вам право ко мне в квартиру заходить?

– А я и есть полиция, – процедил вдруг Николай. – А кто дал вам право закрывать людей в подвале?

– Что вы такое говорите, молодой человек! Не понимаю ничего, – ответила старушка. Она действительно выглядела очень удивленной и напуганной. Старушка смотрела на Николая так, будто видела его в первые в жизни. Она прошлась по комнате, взяла свой мобильный телефон, лежавший на

старом выцветавшем от времени секретере. Оглядываясь на Николая, словно боясь, что он выхватит у нее его из рук, позвонила своему сыну, попросив приехать к ней домой как можно быстрее. Из трубки послышался голос мужчины, где он спрашивал, как зовут подошедшего полицейского. Старушка хотела передать вопрос Николаю, но он, опередив ее, ответил – Мамонтов Николай Александрович. Когда старушка окончила телефонный разговор, Николай сурово спросил:

– Где ключи от подвала?

– Так на кухне они. Только я вам не отдам их.

– А вот попробуйте, мне, представителю власти, их не отдать, – резко прикрикнул на старушку Николай, показывая свое удостоверение полицейского и грозно склоняясь над ней.

Старушка задергала головой, как будто у нее начался нервный тик, взяла в руки удостоверение и принялась рассматривать, зачем-то зачитывая написанное вслух. Затем понуро пошла на кухню, а Николай последовал за ней. Прямо над обеденным столом висел ряд крючков. Старушка сняла одиноко висящий металлический ключ и протянула его Николаю.

– А теперь подождем вашего сына, – сухо сказал Николай и уселся без приглашения на стул, добавив. – И хорошо бы еще представителя ЖЭКа вызвать.

Старушка даже обрадовалась такому предложению. Было видно, что присутствие Николая ее пугало. Она пошла зво-

нить какой-то Галине Петровне, прося зайти к ней домой. За те полчаса, которые они просидели вдвоем, Николай рассказал, как она обманным путем заманила его со спутницей в подвал своего дома, а потом закрыла дверь на ключ и ушла. Про подземные путешествия он рассказывать не стал, только упомянул, что выбрались они через подземелье. Также он опустил обстоятельства, при которых они оказались в подъезде ее дома и подъем на крышу. Это вряд ли помогло бы бабушке вспомнить вчерашний вечер, а обвинений в свой адрес он наслушался бы сполна.

Бабушка только ахала и продолжала настаивать на том, что видит его первый раз в жизни и ничего такого не помнит. Выглядело это настолько реалистично, что Николай поверил ей. Представительница ЖЭКа и сын старушки появились в квартире одновременно. Видимо, женщина не рискнула зайти в квартиру одна и решила дожидаться родственника бабушки. Мужчина представился Виктором. Николай рассказал, что ключ от подвала он у его матери изъял и давать ей новый запрещает. Затем, он повторил ночную историю, недавно поведанную бабушке, и сказал, что она за свои действия и слова уже не отвечает и представляет угрозу как для себя, так и для окружающих. Дальше он предложил им на выбор: либо они самостоятельно селят ее в дом престарелых, либо он заводит на нее уголовное дело, а дальше суд уже сам решит, сидеть ей за решеткой или селить ее в дом престарелых. Вернее, дело он на нее заведет по любому, но если

они предоставят документы о том, что бабушка находится в доме престарелых, то так и быть, дальше хода делу не даст.

На удивление Николая, Виктор слушал его очень внимательно и лишь молча кивал головой. Представительница ЖЭКа была поражена таким ходом событий и стояла выпучив глаза, попеременно переводя взгляд на всех трех участников разговора. Бабушка же затеяла истерику. Она принялась ругаться на Николая, кричать, что все рассказанное им неправда и видит она его впервые, и раз она не помнит, значит, ничего такого и не было. По просьбе Виктора представительница ЖЭКа увела старушку из кухни в комнату, где она продолжала причитать дальше. Оставшись наедине, Виктор сказал Николаю:

– Послушайте, мне очень жаль, что всё так получилось, но моя мать – добрейшая женщина. Да, она всегда была достаточно жесткая, но не жестокая. Я обещаю вам, что маму мы заберем жить к себе домой, и она будет под нашим присмотром.

– Понимаете, Виктор, сегодня она под вашим присмотром, а что будет завтра? Вы все уйдете на работу, а она опять чего-нибудь сотворит. А если на этот раз она детей заманит в подвал?

– Ну что вы такое говорите! – всплеснул руками Виктор.

– Я сегодня ночью просто чудом не погиб! Мне нужны гарантии того, что ваша мать под постоянным присмотром, а вы мне их дать не можете. Мне придется просто довериться

вам, а это совсем никуда не годится. Поэтому – только специальное учреждение. Кстати, я готов посодействовать, если надо. Будут проблемы с ее устройством в дом престарелых – обращайтесь, вот вам моя визитка, – сказал Николай, протянув карточку.

– Хорошо, я понял, – безжизненным голосом ответил Виктор и пошел проводить Николая до двери, обещав всё выполнить.

Майя была поражена рассказом Николая, но старушку ей жалко не было. Как только в ее душе появлялась жалость к ней, так сразу вспоминались часы, проведенные с Николаем в подzemелье, его разбитая голова, кровь, мысли о том, что они никогда оттуда не выберутся живыми. И ее сразу обуревала злоба. Ведь она действительно их чуть не убила. Да и что если она просто врет, а на самом деле всё прекрасно помнит? Строит из себя божий одуванчик. Майя поделилась с Николаем этими мыслями, но он сомневался:

– Старушка даже входную дверь забывает закрывать, и это в наше-то время. В любом случае, бабушка поплатится за свой поступок. Будет теперь жить в доме престарелых, раз такие вещи творит.

В этот момент Николаю позвонили, он поцеловал Майю в лоб и ушел. Она опять приняла лежачее положение на диване и подумала, что никогда в ее жизни не было столько странных событий, как за последний год. Ей три раза угрожали смертью, и даже работа в архиве и ее стремление к ти-

хой, спокойной домашней жизни не спасала ее от приключений. Зато Майя столько всего узнала за этот год, столько всего открыла для себя! И сейчас понимала, что жизнь в новом теле очень сильно поменяла ее. Она стала другим человеком, она уже совсем не та рафинированная Верочка, которой была раньше. И, если честно, такой она себе нравилась больше. А еще Майя окончательно поняла, что полюбила Николая.

С понедельника жизнь вошла в свою прежнюю колею. Майя училась, готовилась к сессии, Анна Павловна все больше занималась детьми, а Михаил Валерьянович, казалось, успокоился. В один из дней, по заведенному у Майи с Николаем обычаю, он забежал к ней с термосом, радостно сообщив: поскольку на улице потеплело, то теперь в нем не чай, а морс. И они, как обычно, отправились встречать закат на крышу старого смоленского дома. Домой они вернулись ближе к одиннадцати вечера. Николай пошел к своей квартире, а Майя вставила ключ в дверной замок своей, но дверь оказалась заперта изнутри на защелку. Майя подергала ручку двери несколько раз и убедилась, что она закрыта. Тогда она позвонила в звонок. За это время Николай уже успел открыть свою квартиру и увидев, что Майя всё еще стоит перед дверью, спросил:

– Что такое?

– Так странно. Они зачем-то закрылись изнутри.

Николай подошел к Майе, и в этот момент дверь вдруг открылась и на пороге показался Михаил Валерьянович. Он

кинул под ноги Майи большую сумку, набитую какими-то вещами.

– О! Вернулась с гулянки. И ухажер, смотрю, здесь, – недовольно сказал Михаил Валерьянович, бросая на Николая укоризненный взгляд. – Вот твои вещички. Пили к своему мужику. Нечего меня позорить! Вот и живите вместе. – сказал Михаил Валерьянович и закрыл дверь перед самым носом дочери.

– Что!?!.. – удивилась Майя. – Как же так можно?

Николай подошел к ней, взял валявшуюся у нее в ногах сумку и понес ее в свою квартиру. Потом вернулся и обнял Майю за плечи.

– Не спорь с ним сейчас. Он вообще странный у вас товарищ, – сказал он, и они вместе пошли к нему домой.

На следующий день с утра Анна Павловна сама зашла к Николаю. Он уже проснулся и варил кофе в кухне, а Майя, услышав ее голос, пулей вылетела из кровати Николая. одеваясь, она с ужасом представляла, что будет, если Анна Павловна зайдет в комнату и увидит ее обнаженной. Она ведь столько раз говорила ей о том, что с Николаем у нее нет никаких интимных отношений, а объяснять ей сейчас, что вот именно в эту ночь они у них начались, казалось глупым. Да и вообще, она не хочет ни с кем это обсуждать. На радость Майи, ничего такого не произошло, и Анна Павловна прошла вслед за Николаем в кухню. Когда Майя подошла к ним, Николай тактично вышел, дав возможность поговорить им

наедине. Анна Павловна просила Майю не сердиться на отца, говоря, что он просто очень хочет видеть Николая своим зятем. Боится, что по глупости и молодости лет она упустит его. А если уж Николай женится, то будет бороться за семью до конца. «А то вы так и до окончания института будете на две квартиры жить!» – в довершении сказала она. Анна Павловна напомнила, что отец скоро уйдет в очередной рейс на целых три недели, и Майя может на это время вернуться к себе домой. А потом глядишь, отец и не выгонит. Но Майя не вернулась. Николай убедил ее остаться, и за это время она лишь окончательно перенесла свои вещи.

Старушку, которая заперла Майю и Николая в подвале, родственники отправили в Смоленский дом престарелых. Николай же поднял свои старые связи с диггерами и предложил им спуститься в подземелье через Николаевский дом, чтобы достать мумию погибшего парня. Те с радостью согласились поучаствовать в столь интересном, а главное – полезном мероприятии и рассказали, что слухи о существовании в подвале одного из домов по Николаевской улице входа в подземелье ходят давно среди диггеров. Но все подвалы закрыты, заполучить ключи от дверей сложно. В один из домов им удалось попасть, но выхода в подземный ход там не оказалось.

Николай договорился с главой ЖЭКа того злополучного дома, где они с Майей оказались запертыми, и та вручила ему ключи от подвала. Диггеры совершили свое путешествие

в подzemелье и принесли мумифицированное тело в морг одного из исследовательских центров Смоленска. Ребята прошли тот же путь, что и Николай с Майей, и выбрались из подземелья в Чуриловском рву. Николай лично проверил, чтобы в подвале диггеры не оставили открытым люк: не дай бог кто-нибудь провалится в него в темноте. Пытаться же скрыть люк, накрывать его какими-то предметами он не стал. Николай также настоял, чтобы местные жители навели порядок в помещениях подвала и выкинули весь хлам и ненужные старые вещи. В особенности большое количество старой мебели. Из соображений пожарной безопасности так оставлять подвал было нельзя.

Прошло много времени, прежде чем патологоанатомы прислали Николаю результаты исследования останков погибшего парня. Который оказался вовсе и не парнем, а мужчиной. Предположительно ему было от двадцати пяти до двадцати восьми лет, и погиб он от обезвоживания приблизительно шестьдесят лет назад. Николай решил навести справки о без вести пропавших жителях, имевших прописку в том самом Николаевском доме, откуда достали мумию. Возможно, погибший мужчина был жильцом этого дома и спустился в подвал по каким-то делам, а там случайно обнаружил вход в подzemелье и совершил свое неудачное путешествие. Николай искал сведения в промежутке времени от шестидесяти пяти до пятидесяти пяти лет назад. Сначала он изучил данные о жителях, живущих шестьдесят лет на-

зад, потом двинулся на год вперед, затем на год назад. Такую схему он придумал в надежде, что так удастся быстрее найти информацию, поскольку точно сказать год смерти патологоанатома не смогли. А это могло произойти как шестьдесят три года, так и пятьдесят семь лет назад.

Своим расследованием Николай занимался в свободное от работы время, поэтому поиски происходили достаточно медленно. Но всё же в один из дней Николай наткнулся на справку о без вести пропавшем Мелентии Алексеевиче, который приходился той самой старушке родным братом. Мелентий пропал шестьдесят два года назад в возрасте двадцати семи лет. Николай сразу вспомнил слова старушки о том, что ее потерявшегося в подвале кота зовут Мелентий. «Неужели просто совпадение», – думал он. Его не покидала мысль, что погибший в подвале мужчина и есть родной брат той самой старушки. Если это так, то получалось, что старушка была в курсе того, что тело ее брата находится в подземелье. То ли она заманила его туда и закрыла сверху люк, придавив его батареей, то ли это сделал кто-то другой, но бабушка знала о местонахождении брата.

Николай связался с Виктором, сыном той бабушки, но рассказывать правду ему не стал, а придумал историю о том, что в смоленском лесу в болоте нашли останки мужчины, и среди них старые наручные часы с фамилией и инициалами его дяди. Для подтверждения его родства с погибшим необходимо сделать ДНК тест. Николай выразил беспокой-

ство за старую мать Виктора и советовал взять образец материала у него и вообще не волновать старушку рассказами о давно пропавшем брате. Хотя бы до того момента, пока не придет результат исследования. Возможно, они вовсе и не родственники. Виктор согласился с доводами Николая и сдал анализ на ДНК сам. На тот момент он уже продал квартиру своей матери на улице Николаева и ничего не слышал о недавно найденной мумии. Спустя время из медицинской лаборатории пришел положительный ответ: обнаруженный мужчина действительно оказался родственником Виктора. А значит, погибший мужчина и есть родной брат старушки. Николаю очень хотелось лично обсудить всю эту историю со бабушкой, но он сомневался, что она находится в адекватном состоянии. Для начала Николай связался с сотрудниками дома престарелых, в котором находилась старушка, и поинтересовался ее самочувствием. Ему рассказали, что бабушка первые полгода жизни у них просто чудила, прятала свои и чужие вещи, жаловалась на несуществующих насекомых, которые якобы кусают ее, держала окно в палате всегда распахнутым, а потом стала совсем плоха и слегла. Николай окончательно уверился, что разговаривать со старушкой не имеет смысла. Похоже у нее началась старческая деменция и она уже ничего не соображает. До своего расследования Николай чувствовал себя немного виноватым перед Виктором, ведь это он настоял на помещении его матери в дом престарелых. Но сейчас он понимал, что она туда бы-

ла отправлена очень вовремя. «Пусть там доживает свои последние годы», – думал Николай. Виктору же всю правду он так и не рассказал, решив, что пользы ему это не принесет. Что за история произошла между его матерью и ее братом, неизвестно. Николай завершил свое расследование, но чувство неудовлетворенности не покидало его. Спустя некоторое время он навел справки о жизни брата старушки. Оказалось, за свои двадцать семь лет тот успел два раза отсидеть в тюрьме за разбой. У Николая это вызвало противоречивые чувства. Возможно, брат угрожал своей сестре или сделал ее жизнь в общей квартире с ним невыносимой, и старушка просто защищалась, поскольку похоже никакого другого имущества у них не было. С другой стороны, и бабуся хороша, пойти на убийство решится не каждый. Возможно, они достойны друг друга, – размышлял Николай. И всё же он решил оставить эту историю и больше к ней не возвращаться. Николай понимал, что скорее всего речь идет об убийстве. А уж кто совершил его – родная сестра погибшего, которая в свое время нарочно заманила его в подzemелье, или его уголовные дружки, остается тайной. Виктор же похоронил своего дядю на семейном участке одного из кладбищ Смоленска. Через полгода умерла и его мать, прах с ее урной он разместил в одной могиле с ее братом. Николай случайно узнал об этом, столкнувшись на бензозаправке с Виктором и разговорившись. Он подумал, как интересно распорядилась судьба: враждовавшие брат и сестра все же встретились друг с дру-

гом и теперь делят общую могилу.

За годы своего расследования Николай ни разу не обмолвился о нем Майе, решив не будоражить ее воображение. Она очень близко к сердцу приняла то, что произошло с ними в подземелье. Первые полгода ночью во сне Майя дергала ногами и бубнила себе под нос что-то несвязное. Иногда она вскрикивала, но не просыпалась. В такие моменты Николай прижимал ее к себе и вытирал слезы с ее лица. Николай видел, что Майя была очень ранима, и знал, что в ней было сильно развито чувство справедливости. В последний раз, когда они обсуждали эту тему, Майя по-прежнему считала, что бабушка неспроста заперла их в подвале и притворилась ничего непомнящей, когда на следующий день к ней в квартиру пришел Николай. Вообще, он дивился Майиной интуиции. Тому, как она чувствовала людей, знала, как найти подход к человеку, что поможет его разговорить, а что, наоборот, закроет его еще больше. Он шутил, что у Майи будто бы появился третий глаз, который помогал ей видеть и чувствовать людей лучше. Николай так ни с кем и не поделился результатами своего расследования, оставив все свои сомнения при себе.

С того момента, как Михаил Валерьянович не пустил Майю домой, та жила в квартире у Николая, чему была очень рада. От запоев Михаила Валерьяновича она порядком устала. Вскоре они с Николаем поженились. Правда, никакого празднования по этому поводу не устраивали и после ЗАГСа

отправились в ресторан вдвоем. Их семейная жизнь была комфортной и размеренной. Они часто путешествовали по городам России. Первые годы Майя выбирала исключительно те места, в которых она никогда не бывала раньше. Позже они ездили и туда, где она была в прошлой жизни. Только в Петербург она всегда отказывалась ехать. Это было бы слишком большим испытанием для нее: она понимала, что в этой поездке скрыть грусть и горечь от Николая будет невозможно. Несмотря на то, что Майя дала себе обещание больше не иметь детей, она всё же родила одного ребенка, которого назвали Максимом. Сделала она это ради мужа, у которого детей вообще не было. Нельзя было сказать, что Николай прямо-таки жаждал иметь их, но, когда ему перевалило за сорок, он стал всё чаще поднимать эту тему. Видя, что это гложет мужа, Майя нарушила данное себе когда-то слово. Даже дети Анны Павловны опередили ее в этом деле, нарожав ребятшек и сделав наконец Михаила Валерьяновича и Анну Павловну дедушкой и бабушкой. Майя же стала возрастной матерью. В этом она повторила путь родителей Николая — он в своей семье тоже был поздним ребенком. Максим рос тихим и спокойным мальчиком. Николай не мог нарадоваться на сына: казалось, тот воплотил все его мечты о наследнике.

Возвращение домой

Всю жизнь, прожитую в Смоленске, Майя праздновала свой день рождения в последний день августа. Сначала она думала отмечать его в декабре, в тот день, когда она родилась в Петербурге. Но потом подумала, что это будет выглядеть странно. Однако мысленно в августовский день празднования она суммировала годы жизни Майи и свои годы, прожитые в теле Веры, и праздновала эту дату. Когда ей исполнилось по документам семьдесят четыре года, про себя она праздновала сто шестнадцать лет.

Все годы своей новой жизни Майя следила через социальные сети за своими детьми, рожденными еще когда она была Верой. Она вошла в литературный клуб, где состояла ее уже взрослая дочь Татьяна. Она добавилась в группу приюта животных, которую курировал ее сын Леонид после получения диплома ветеринара. Периодически она лично общалась с ними и за десятки лет стала для обоих хорошей знакомой, хотя вживую они никогда не виделись. Приюту она иногда переводила деньги, а Татьяне посылала редкие книги. Когда Майе исполнилось шестьдесят семь лет, она узнала, что Леонид серьезно болен. У него рак легких. Он до последнего работал, но наступил момент, когда он лег в больницу. Однажды в переписке Татьяна написала, что ее брат умирает. Ему осталось лишь несколько дней. К тому времени Майя уже

год как жила одна. Максим женился и съехал, а муж умер. И тогда она впервые купила билет на поезд в свой родной город. Просто собралась и поехала к Леониду в Петербург. Ее приезд выдался на теплый майский день. Майя помнила, что в последний раз в Петербурге она тоже была весной. Она шла по улице от Московского вокзала в сторону автобусной остановки, откуда можно было бы добраться до больницы, и сердце ее сжималось от воспоминаний. За пятьдесят с лишним лет счастливой жизни с Николаем в Смоленске она так и не смогла забыть город, в котором родилась и выросла. Город был вне времени, в то время как она сама успела состариться. Она подъехала к больнице на автобусе, узнала в регистратуре, в какой именно палате лежит Леонид. Представившись его двоюродной сестрой, поднялась к нему наверх. Было обеденное время, и большинство пациентов ушли в столовую. В палате Леонид находился один, остальные места были пусты. Он лежал на кровати с закрытыми глазами и был таким бледным и совершенно не похожим на того самого мальчика, каким она его помнила. Если бы она встретила его на улице, то не узнала бы и прошла мимо. Множество проводков было подключено к его телу. Майя подошла к нему и села в изголовье на стул.

– Леня! Ты слышишь меня? – спросила Майя.

Леонид чуть двинулся и, не открывая глаз, охрипшим голосом спросил:

– Кто это?

– Это я. Твоя мама, – ответила Майя. – Я пришла сказать тебе кое-что важное.

– Мама? – удивленно спросил Леонид, но по-прежнему не открывал глаз.

– Помнишь, мы с тобой однажды на Средиземном море собирали ракушки. Солнце уже садилось, и мы на диком пляже остались одни. Я решила пойти искупаться в последний раз, а ты остался на берегу, строя песчаный замок. Я отплыла от берега и нырнула в воду. Но тут огромная медуза ужалила меня и я, вскрикнув, на какое-то мгновение ушла под воду. Мне было так больно, а ты бегал по пляжу и кричал: «Мама!» Через минуту я вынырнула и поплыла к берегу. Ты потом сказал, что тебе казалось, что меня не было целую вечность и ты ужасно боялся, что я утонула. А у меня под запястьем было такое огромное кровоизлияние, похожее на змею. Мы тогда оба так сильно испугались, что решили никому не рассказывать о случившемся. Это стало нашей с тобой тайной.

– Мама, – тихо сказал Леонид, уже не вопросительным тоном, а утверждающим.

– Я хотела сказать тебе, чтобы ты не боялся умирать, сынок. Умирает лишь твое тело, а душа продолжает жить дальше. Мы с тобой обязательно встретимся на небесах. – Майя погладила его по редким седым волосам.

Леонид молчал.

– Я расскажу тебе наш стишок, который мы придумали

с тобой к Новому году. – Майя прочитала восемь строчек, и Леонид заулыбался. Потом она поцеловала его в лоб и попрощалась.

– До встречи наверху, Леня!

Майя шла пешком к гостинице и плакала. Слезы стекали ручейками по ее лицу. Но она не пожалела, что приехала. Им повезло, никто так и не зашел в палату, пока она общалась с сыном. Майя понимала, что Леониду эта встреча мало была нужна, она приехала ради себя. Ей хотелось еще раз увидеть сына и попрощаться с ним. Она провела три дня в Петербурге, посетив все любимые места: Эрмитаж, Михайловский театр и Русский музей. Погуляла по улочкам центра города, прокатилась на речном трамвайчике по Неве. Город встретил ее ласковым солнцем и хорошей погодой. На следующий день после того, как Майя вернулась в Смоленск, Татьяна в социальной сети опубликовала пост о смерти брата Лени. А еще через семь лет умерла и сама Майя. Тихо в частной клинике, куда поместил ее сын Максим. Майя не боялась умирать, она знала, что ждет ее дальше. И когда настал этот день, она сделала последний глубокий вдох, затем выдох – и ее душа отделилась от тела, как это уже происходило с ней когда-то. Она испытала невероятное облегчение: старое больное тело мучало ее в последние годы. Майя осмотрела себя, внешне она выглядела также, как и при жизни: руки и ноги, голова, все было на месте, но при этом она ощущала невероятную легкость внутри. Она подумала, что даже здоровое

тело сковывает душу. Майя покинула палату и последовала по больничному коридору. Где-то на его середине она увидела идущего ей навстречу Корсар. Тот шел с улыбкой на лице. Ее сопровождающий гид в бежевой куртке.

Они сблизились, поздоровались. Корсар посыпал на Майю ослепительным порошком. В Майей что-то стало просыпаться, и вскоре она вспомнила, что ее зовут Мириада, а очередная ее жизнь подошла к концу.

– Ты справилась, милая! Ты смогла выполнить поставленную источником задачу, хотя это было нелегко, – хвалил ее Корсар.

– Да. У меня это получилось! Я продвинулась на своем духовном пути. Бедная Верочка, и досталось же ей, – сочувственно сказала Мириада.

– Домой? – спросил Корсар.

– С удовольствием! – ответила Мириада. Она в прыжке развернулась на сто восемьдесят градусов и превратилась в сгусток какой-то живой сиреневатой материи. Корсар сделал тоже самое и стал сгустком зеленоватого оттенка. Они наперегонки понеслись по коридору больницы и вылетели прямо в открытое в холле окно. А из него взметнулись в небо и скрылись за облаками.